

Федеральное агентство морского и речного транспорта
Морской государственный университет
Имени адмирала Г. И. Невельского

ПСИХОЛОГИЯ СУБЪЕКТА

Хрестоматия

Рекомендовано методическим советом
Морского государственного университета
имени адмирала Г. И. Невельского
для студентов специальности 0204, направление 5210

Владивосток
2007 г.

УДК 159.923.2 (075.4)

М. Н. Волкова. Психология субъекта: Хрестоматия. – Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2007. – 182 с.

В хрестоматии представлены важные фрагменты основополагающих работ классиков отечественной науки (С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинского), а также современных исследователей (К. А. Абульхановой-Славской, А. Н. Славской, А. К. Осницкого и других) по основным направлениям психологии субъекта.

Хрестоматия предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей психологических специальностей.

Рецензенты:

Аристова И. Л., кандидат
психологических наук, доцент, заведующая
кафедрой психологии ИПСН ДВГУ;

Костина Е. Ю., кандидат
социологических наук, старший преподаватель
кафедры социальной работы ИПСН ДВГУ

© Волкова М. Н., 2007

© Морской государственный университет
имени адмирала Г. И. Невелского, 2007

Введение

Проблема субъекта играет на сегодняшний день важную роль в психологической науке. Впервые психология субъекта начала развиваться, главным образом С. Л. Рубинштейном, еще в 1920-30-е годы. Разрабатывая свою философско-психологическую концепцию, С. Л. Рубинштейн вводит в качестве ее эпицентра субъекта, занимающего активную, творческую, самостоятельную позицию, окружающая действительность для которого выступает не только как система раздражителей, но, прежде всего, как объект действия и познания. Субъект, согласно С. Л. Рубинштейну, это человек, люди, на высшем (индивидуализировано для каждого из них) уровне активности, целостности (системности), автономности и т. д.

Идеи, выдвинутые С. Л. Рубинштейном при разработке проблемы деятельности, разрабатывались и развиваются на сегодняшний день его учениками и последователями - А. В. Брушлинским, К. А. Абульхановой-Славской и другими. Это направление деятельностной проблематики в отечественной психологии получило название субъектно-деятельностного подхода.

Согласно теоретико-методологическим позициям субъектно-деятельностного подхода важная роль в раскрытии механизмов функционирования психических явлений принадлежит такой целостной характеристике активности человека, как «субъектность». В научных трудах, развивающих данное положение, акцент, главным образом, сделан на собственно преобразующей активности субъекта.

Субъектность, раскрываясь в таких характеристиках как активность, способность к развитию и интеграции, самодетерминации, саморегуляции, самодвижению и самосовершенствованию, выявляется, по С. Л. Рубинштейну, в разных отношениях субъекта к миру: познавательном, деятельностном, этическом, созерцательном. Конкретизация отношений субъекта к миру задала, таким образом, методологические ориентиры для дифференциации различных психологических понятий субъектов: субъекта деятельности, субъекта познания, субъекта общения. Дальнейшая теоретическая разработка категории субъекта шла в направлении разработки критериев субъекта, исследования проблем формирования субъекта и т. д. На сегодняшний день рубинштейновская категория субъекта обнаруживает, таким образом, свои

все новые философские, методологические и конкретно-научные значения.

Работы, включенные в данную хрестоматию, отражают основные направления исследовательской мысли в области психологии субъекта и посвящены вопросам методологии и теории субъекта, проблемам формирования субъекта, и соотношения категории субъекта с категориями личности, индивида, индивидуальности. Это, прежде всего, работа С. Л. Рубинштейна «Онтология человеческой жизни» из его книги «Человек и мир», работы А. В. Брушлинского, посвященные категории субъекта и его критериям «К определению субъекта» и «О критериях субъекта», работа К. А. Абульхановой-Славской «Рубинштейновская категория субъекта и ее различные методологические значения». Вопросам формирования субъекта посвящены работы Е. А. Сергиенко «Ранние этапы развития субъекта» и В. В. Селиванова «Свойства субъекта и его жизненный цикл». Критерии субъектной активности, соотношение понятий «субъектное» и «субъективное», а также характеристики «субъектного опыта» рассматриваются в работе А. К. Осницкого «Проблема исследования субъектной активности». Место и роль категории субъекта в регуляции времени жизни личности анализируется в работе К. А. Абульхановой-Славской «Личностная регуляция времени». Проблеме субъекта интерпретации посвящена работа А. Н. Славской «Роль субъекта в создании и интерпретации авторской концепции».

Хрестоматия имеет общей своей целью дать первоначальное представление о наиболее важных проблемах психологии субъекта, пробудить интерес у читателей к углубленному изучению классики отечественной психологической мысли, а ее использование в учебном процессе будет полезным при изучении дисциплин, где находит свое отражение представленная проблематика.

С. Л. Рубинштейн

Онтология человеческой жизни*

Анализ отношения человека к миру должен идти сначала не в плане психологическом и субъективно-этическом, а в онтологическом, что и предполагает раскрытие способа существования человека в мире. И только затем может быть осуществлен перевод этого онтологического плана в этический.

С одной стороны, отношение человека к миру – это отношение к нему как к бесконечности, которая включает в себя человека, может его поглотить и подавить, обуславливает всю его жизнь, и, с другой стороны, отношение к миру как к объекту, в который человек может проникнуть познанием и переделать действием. Наличие сознания и действия есть фундаментальная характеристика человеческого способа существования в мире. Здесь выступает и включенность человека в цепь причин и следствий, зависимость человека от условий жизни и их зависимость от его деятельности. Своеобразное отношение человека к миру связано с наличием у него сознания. Человек выступает как часть бытия, сущего, осознающая в принципе все бытие. Это капитальный факт в структуре сущего, в его общей характеристике: осознающий – значит как-то охватывающий все бытие, созерцанием его постигающий, в него проникающий, часть, охватывающая целое. В этом своеобразии человека и его место и роль во Вселенной, включающей человека.

Человек включен в бытие своими действиями, преобразующими наличное бытие. Этот процесс – непрерывная серия цепных взрывных реакций: каждая данность – наличное бытие – взрывается очередным действием, порождающим новую данность нового наличного бытия, которое взрывается следующим действием человека. Большие взрывы - революции, после которых наступает относительная стабилизация, - снова переходят в новые действия, взрывающие или преобразующие данную ситуацию, окружающую человека. Эти действия порождены как ситуацией самой по себе, так и соотношением с потребностями человека. Значит, в человеке, включенном в ситуацию, есть что-то, что выводит его за пределы ситуации, в которую он

* Фрагменты из книги: Рубинштейн С. Л. Человек и мир. – М.: Наука, 1997. – С. 71-90.

включен. Ситуация – это лишь один из компонентов, детерминирующих его действия. Человек – существо, которое имеет проект, замысел, задачу, цель, различает ситуацию, выделяя в ней условия, соотносительные с требованиями. Всякая ситуация по самому существу своему проблемна. Отсюда – постоянный выход человека за пределы ситуации, а сама ситуация есть становление. Становление или становящееся соотносено с тем внутренним в человеке, что, в свою очередь, соотносится с чем-то внешним по отношению к ситуации, выходящим и выводящим за ее пределы; это внешнее по отношению к ситуации связано с внутренним по отношению к человеку. Сознание человека предполагает, что человек отделяет себя от окружающего (природы, мира) и связывает, соотносит себя с ним. Из этого вытекают важнейшие особенности человеческого бытия. Неразрывная соотношенность человека с миром и обособленность от него осуществляется не только в познании, но и в бытии.

Таково сложное строение человеческого бытия и бытия, включающего человека. Онтология человеческого бытия не сводится к онтологии бытия вообще, в частности, бытия неорганической природы. Но они не могут быть оторваны друг от друга, поскольку действие человека выступает как ломка, отрицание данного, наличного, как изменение, преобразование сущего. Становление сначала есть нахождение в ситуации, затем выход за пределы этой ситуации в сознании и действии. В «Немецкой идеологии» К. Маркс анализирует мир продуктов и учреждений, роль человеческой практики в выработке чувственного мира в его настоящих формах и роль отчуждения, которое превращает человеческие отношения в вещи и чуждые силы. Однако при трактовке этих положений Маркса* о соотношении общественного бытия и общественного сознания иногда возникают несуразности. Например, утверждается, что государство, политический строй и т.д. не входят в общественное бытие людей, потому что они представляют собой надстройку, а надстройка – это идеология, а идеология – это содержание общественного сознания. Бытие же – это, якобы, то, что существует вне и независимо от сознания. Корни этой апории восходят к тому положению, которое мы анализировали в первой части книги, когда материя определяется только в отношении к сознанию. Иными словами,

* См. дискуссию об общественном бытии и общественном сознании: Тугаринов В. П. Соотношение категорий исторического материализма. Л., ЛГУ, 1958; Глезерман Г. Е. К вопросу о понятии «общественное бытие» // Вопр. философии. 1958. № 5.

раз материя существует вне и независимо от сознания, значит, и бытие существует вне и независимо от сознания. Но эта абсолютизация гносеологического отношения отрицает то, что сознание существует в бытии. На самом деле сознание не отрицает бытия, сознание само включается в бытие. Особенно очевидна неправомочность этой абсолютизации в общественном бытии: без общественного сознания нет общественного бытия. Это – первое. И второе: государство, политический строй – это идеология; государство, политический строй необходимо включают идейное содержание, но оно никак не сводится к нему. Сознание, идеи вообще не существуют без материального носителя. Политический строй, государственный строй – это бытие, реальность, являющаяся носителем определенной идеологии, определенных идей. Но политический и государственный строй не могут быть целиком идеализированы, сведены к системе идей, к идеологии. Эта апория общественного бытия распространяется и на бытие вообще, на понятие бытия. Причастность человека к миру осуществляется и через познание, и через действие человека как овладение природой; поэтому труд, практика выступают как специальная основная форма соотношения субъекта и объекта, их диалектики.

Однако здесь же должна быть указана опасность утрирования роли деятельности, которое свойственно бихевиоризму и прагматизму. При таком утрировании справедливое подчеркивание преобразования природы превращается в ее снятие: то, что дано первично, естественно, в мире вокруг человека и в нем самом, все превращается в нечто «сделанное», сфабрикованное, как будто мир действительно является продуктом производства. Такому прагматическому изничтожению действительности нужно противопоставить другое соотношение человека и бытия – приобщение человека к бытию через его познание и эстетическое переживание - созерцание. Бесконечность мира и причастность к нему человека, созерцание его мощи и красоты есть непосредственно данная завершенность в себе. Совершенство явления, увековеченное в своем непосредственном чувственном бытии, – это и есть эстетическое, как первичный пласт души. Прекрасное в природе как выступающее по отношению к человеку и чувство к нему как некая предпосылка затем формирующегося эстетического – таково содержание человеческого созерцательного отношения к миру. Эта созерцательность не должна быть понята как синоним пассивности, страдательности, бездейственности человека. Она есть (в соотноше-

нии с действием, производством) другой способ отношения человека к миру, бытию, способ чувственного эстетического отношения, познавательного отношения. Величие человека, его активность проявляются не только в деянии, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнестись ко Вселенной, к миру, к бытию. Природа – не только объект созерцания, но она и не только продукт истории человечества, не только материал или полуфабрикат производственной деятельности людей.

Здесь и выступает как основной тот же метод, который мы использовали при анализе психических явлений: взять человека во всех для него существенных связях и отношениях к миру, выявить все его качества, характеристики, в которых он в каждой из этих связей и отношений выступает. Выявление этих двух основных отношений к миру - сознания и действия, чувственности и деятельности, познания, созерцания и преобразования как характеризующих специфический способ существования человека – его онтологию и дает возможность перейти к определению предмета этики как дифференциальной онтологии. Существует общая онтология и онтология дифференциальная, этика выступает как конечный итог дифференциальной онтологии человеческого бытия. Основная задача всего этического – утверждение существования человека в его отношении к другому человеку, к людям. Этика выявляет специфические и конструктивные принципы новой, высшей специфической сферы человеческого бытия. Отправной пункт этики – раскрытие необходимых предпосылок человеческого существования. Необходимость действовать и, значит, решать – поступок как имплицитное суждение – ставит на каждом шагу этические проблемы. Отношение человека к человеку, к другим людям нельзя понять без определения исходных отношений человека к миру как сознательного и деятельного существа. Все, в конечном счете, приводит к отношению человека к человеку, но учитывать только это, с этого начинать и этим кончать – это куций антропологизм, этика, не учитывающая объективного места человека в мире.

Человек – конечное существо - включается в мир, в его бесконечное бытие как: 1) бытие, преобразующее реальность, и 2) как переходящее в форму идеального существования. Процесс осознания бытия есть переход бытия вне человека в идеальную форму сущности субъекта (переход «вещи в себе» в «вещь для нас»). Эта проблема сознания, сознательного способа существования выступает как про-

блема приобщения конечного человека к бесконечному бытию и идеального представительства бытия в человеке, перехода первого во второе. Вторая проблема (действия, сознательного действия) выступает как проблема изменения, преобразования бытия сознательно действующим существом. Так, идеально бесконечное бытие включается в конечное – человека, а реально конечное включается в бесконечное. И одно и другое существуют в движении, в становлении. Конечное человеческое бытие выступает как «очаг», из которого исходят «взрывные реакции», распространяющиеся на все бытие. Только из отношения человека к бытию может быть понята и вся диалектика человеческой жизни – ее конечность и вместе с тем бесконечность.

Своими действиями я непрерывно взрываю, изменяю ситуацию, в которой я нахожусь, а вместе с тем непрерывно выхожу за пределы самого себя. Этот выход за пределы самого себя не есть отрицание моей сущности, как думают экзистенциалисты, это – ее становление и вместе с тем реализация моей сущности; не отрицание самого себя и становление, но становление и реализация. Отрицается только мое наличное бытие, моя завершенность, конечность. Структура моего человеческого бытия, таким образом, выявляется и в ее сложности, и в ее динамике. Мое действие отрицает меня самого в каком-то аспекте, а в каком-то меня преобразует, выявляет и реализует. Соответственно, отсюда могут быть поняты разные аспекты «я» человека. Отсюда понятие наличного бытия человека (Dasein, Existenz) в каждый данный момент его жизни может быть определено, понято только через его отношение ко всему сущему. Отношение наличного бытия человека в каждый момент его жизни к его будущему опосредствовано его отношением в каждый данный момент ко всему сущему: материальному и идеальному, ко всему порожденному предшествующим развитием человечества – науке, искусству и т.д. Таким образом жизнь человека вступает во взаимодействие с жизнью человечества, воплощенной в продуктах деятельности человечества, народа, общества. Отсюда вытекает и постановка проблемы свободы и необходимости; свобода понимается не как свобода от всего, недетерминированность вообще, а как свобода по отношению к конкретным условиям, наличному бытию, данной ситуации.

Говоря иными словами, диалектика, ее критический революционный дух, раскрытый К. Марксом, заключается не только в признании диалектики в природе, объективной диалектики, но и диалектики

в соотношении природы и человека, субъекта и объекта. Противоречия существуют не только как противоречия в вещах, но и как противоречия во взаимоотношениях человека с вещами, как диалектика, возникающая в природу через сознание и действия человека. Ее критический революционный дух раскрывается в том, что все существующее есть лишь преходящее звено в цепи событий. <...>.

В процессе непрерывного изменения жизнь закономерно приводит к смерти, все существующее несет в себе свое отрицание и вместе с тем все существующее, наличное, данное чревато новым. Нахождение в ситуации предполагает расчленение этой ситуации, выделение в ней условий, соотнесенных с встающими перед человеком требованиями, задачами, выходящими за пределы ситуации. Здесь обнаруживается диалектика обстоятельств (условий), обуславливающих действия человека, и действий, изменяющих обстоятельства. Самое же действие, изменяющее наличное бытие, объективную ситуацию, в то же самое время, как уже говорилось, изменяет, реализует что-то новое в самом человеке, что становится в нем именно этим действием в этой ситуации.

То же самое относится к сознанию человеком бытия. Человеческое бытие вступает как то единичное, в котором представлены, по крайней мере потенциально, весь мир, все сущее, все человечество. Выход за пределы ситуации осуществляется через сознание. И в случае сознания, и в случае действия осуществляется ломка, расщепление ситуации, вычленение в ней условий соотносительно с требованиями.

Человек, как говорилось, есть часть бытия, конечное сущее, которое является зеркалом Вселенной, всего бытия; он – реальность, в которой представлено идеально то, что находится за пределами этой конечности. Существует объективное отношение этого человеческого бытия к бытию в целом. И отсюда на этой основе возникает и субъективное отношение человека к миру. Итак, соотношение субъекта и объекта, их взаимодействие должны быть взяты не только идеально в сознании, но и в труде, реально, материально. Действие, труд (производящий, творящий) должны быть включены в онтологию, онтологию человеческого бытия, существования как необходимое и существенное звено.

Отсюда открывается путь к определению этики как дифференциальной онтологии. В этику, в этические задачи необходимо входит и борьба за такой общественно-политический строй, за такие общест-

венно-политические порядки, которые дают возможность, заключают в себе внешние предпосылки для того, чтобы человек был этичным. В систему, совокупность задач, встающих перед человеком, входят как задачи, связанные с ходом личной жизни и личными отношениями, так и исторические этические задачи, связанные с исторической ситуацией, эпохой, моментом, - не одни или другие задачи, а одни и другие задачи. <...>.

Таким образом человек, люди в их отношении друг к другу выступают как предмет этики. Установка должна быть на то, чтобы осуществить вбирание общественного человека внутрь частного лица, снять дуализм индивидуального и общественного. Сущность человека - совокупность общественных отношений, – в этом положении заключается основное открытие, совершенное К. Марксом

Как уже говорилось, создание каждой науки – это открытие внутренних, специфических законов какой-либо области явлений, выступающих в соответствующей системе отношений в специфических понятийных характеристиках. Но в превращении этих законов в основные и единственные, определяющие сущность человека, состоит ограниченность обычного толкования марксизма. Здесь сохраняет силу положение, которое мы установили применительно к психическим явлениям: существование социальных явлений не исключает существования психических явлений, точно так же, как существование психических явлений не исключает существования биологических явлений и соответствующих закономерностей. Наличие психических явлений и собственных законов развития этих явлений не означает вместе с тем отрицания социальной обусловленности этих явлений. Речь идет здесь о правильно понятом соотношении различных уровней, различных характеристик явлений, взятых в различных связях и отношениях.

Сущность человека – совокупность общественных отношений. Такова концепция марксистского преодоления антропологизма (в частности, антропологизма Фейербаха). В системе общественных отношений К. Марксом выделено историческое понимание общественных явлений и их детерминации. В качестве представителя класса человек выступает как олицетворяющий общественную категорию. Вскрыть этот аспект человека и в науке об обществе выделить его в этом качестве – это чрезвычайно важно и необходимо. Но превращение этой понятийной характеристики человека в определенной системе отно-

шений (преимущественно конкретно-социальной) в исчерпывающую и единственную характеристику человека – это неправомерная трактовка марксизма. Как сама природа это не только предметный «мир», сделанный человеческими руками из природного материала (природа не только полуфабрикат и материя производства), точно так же и человек – это не только производная социальных отношений. Отношения между людьми – не только экономические, хозяйственные отношения, хотя они и реализуются каждый раз в условиях того или иного экономического уклада, той или иной общественно-исторической формации. Внутреннее содержание человека включает все его богатство отношений к миру в его бесконечности – познавательное, эстетическое, этическое отношение к жизни и смерти, к страданиям, к опасности, радости.

Как уже говорилось, в онтологии человека наличие не только действенного, но и познавательного, созерцательного отношения к миру составляет важнейшую характеристику человека. Эта характеристика никак не может быть утрачена в этике как дифференциальной онтологии. При рассмотрении отношения человека к человеку должна быть сохранена эта сторона его отношения к миру, которая и дает возможность понять и другую сторону отношения человека к человеку как к части – одухотворенной части – природы, как к красоте, к существу определенной архитектоники, гаммы чувств, пластики и музыки, позы и движений, мимики и пантомимики взора, тембра голоса и мелодии речи и т.д. Необходимо чтобы человек и ощущал и осознавал себя как эту часть природы. Эти связи с природой должны жить как «подоплека» всего остального в его чувствах, его сознании, в его отношении ко всему на свете. Полноценным по отношению к другим людям может быть только человек с полноценным отношением ко всему в бытии, что является координатами, по которым, собственно, определяется человек.

Однако сказанное не означает, что в человеке попросту должны быть признаны одновременно два начала, как это представлялось, например, Фрейдю, который рассматривал человека как противоречие двух начал – внутри прущего инстинкта и его «цензурирующего и сдерживающего» общества. Таков весь горизонт, в котором видится Фрейдю человек. Следует понять, что природное отношение человека к человеку как природному же существу (что составляет чувственную основу страсти, влечения и т.д.) не есть собственно этическое отно-

шение к человеку и тем более людям (любовь, добро и т.д.). В нем заключены лишь природные предпосылки и источники сил, которые никогда в таком дистиллированном виде не выступают в жизни.

Итак, природное в человеке, связь с природным в мире должны быть не отвергнуты, а осмыслены. Попытки утверждать нравственность, основанную на попрании, на отвержении всего природного в человеке, всего природного, как такового, есть попрание собственной основы. Однако если в природном, в отношении к миру содержится отправной пункт для понимания этического, то природность, как таковая, не решает дела: природное существует лишь как фон; природное существует в человеке, который всегда находится в системе общественных отношений. Отсюда мораль, моральное поведение выступает в том числе и как учет последствий отдачи себя во власть природных связей.

Этика, включенная в онтологию, есть выражение включенности нравственности в жизнь. Это значит, что добро (вообще нравственность) должно быть рассмотрено не только в аспекте характера отношений к другим людям, но и как содержание жизни человека. На вопрос же о смысле жизни каждого человека нельзя ответить, указав только на то, что этот человек делает для других людей (любовь к другим, добро или зло по отношению к другим). Смысл жизни каждого человека определяется только в соотношении содержания всей его жизни в отношении с другими людьми. Сама по себе жизнь вообще такого смысла не имеет. Отсюда специфический характер нравственности, который состоит во всеобщем, общечеловеческом соотносительном характере моральных положений, морали вообще, которая не существует применительно к жизни только одного данного человека.

Отсюда выясняется значение понятия личной жизни человека. Личная жизнь человека в таком понимании – это самое богатое, самое конкретное, включающее в себя как единичное многообразие, так и иерархию все более абстрактных отношений (в том числе и отношение к человеку как носителю той или иной общественной функции или как к природному существу и т.д.). В своей конкретности она содержательнее, чем каждая из тех абстракций, которую из нее можно извлечь. Таким образом личная жизнь выступает не как частная жизнь, т.е. жизнь, из которой все общественное отчуждено, но как жизнь, включающая общественное, но не только его, а и познавательное отношение к бытию, и эстетическое отношение к бытию, и отно-

шение к другому человеку как человеческому существу, как утверждение его существования. Утверждение же существования «человечного» человека, как уже говорилось, есть включение в борьбу за переделку общества как необходимое условие и компонент этики.

Говоря иными словами, утверждение этики как дифференциальной онтологии означает утверждение общей проблемы объективного познания субъекта, взятого в совокупности и взаимодействия всех его объективных отношений к миру и другим людям. И так же, как в отношении к миру, здесь должен быть сохранен элемент созерцания, восприятия того, что есть на самом деле, – тот же элемент является основой этического отношения одного человека к другому. Основой этого отношения является не использование человека как средства для достижения той или иной цели, а признание его существования как такового, утверждение этого его существования, точно так же, как не все в мире подлежит переделке и преобразованию, является только объектом действия человека.

Не сострадание к человеку, его бедам и несчастьям является основным содержанием этики, как это утверждает христианский гуманизм, потому что беды и несчастья, страдательность человеческого существования – не основная характеристика человека. Не погоня за счастьем как совокупностью удовольствий и наслаждений является целью и смыслом человеческого существования, как это утверждает гедонизм и утилитаризм. Основная этическая задача выступает прежде всего как основная онтологическая задача: учет и реализация всех возможностей, которые создаются жизнью и деятельностью человека, – значит, борьба за высший уровень человеческого существования, за вершину человеческого бытия. Строительство высших уровней человеческой жизни есть борьба против всего, что снижает уровень человека. Это есть основное в этике, все остальное вокруг этого – производное и дополнительное. Что есть «высшее» (добро или зло) применительно к существованию человека, оценивается не по отношению к нему самому, принимается не как простое самоусовершенствование человека. Оценка «высшего» производится по отношению и с точки зрения того, как оно проявляется, действует, что изменяет, усовершенствует в других людях. Оценка поступков осуществляется с точки зрения того, возвышают или унижают они человека, но не в смысле его гордости, а в смысле достоинства, ценности морального уровня его жизни для других людей.

Здесь мы снова возвращаемся к проблеме отношения людей, человека к человеку, «я» и «другого». Точно так же, как самое осознание и существование моего «я» является производным от существования других, точно так же определение самого содержания отношения одного человека к другому осуществляется через другого человека. Сознание каждого отдельного субъекта, человека существуют как общественно обусловленное обобщение, иными словами, существует общественно обусловленный, обобщенный субъект. Таким образом, рушится концепция сверхчеловека: отстаивание добродетельного человека – это отстаивание высшего уровня жизни человека, а не чего-то, находящегося по ту сторону его жизни. Субъект этики – это прежде всего живущий и действующий субъект; практическая реальность этического - взаимодействие человека с миром и другими людьми.

Сказанное выше о созерцательности в отношении к миру и другим людям (о невозможности использования человека только в качестве орудия, средства при достижении определенной цели) не означает обычного понимания созерцательности как пассивности, бездейственности и страдательности. Это марксистское понимание созерцательности идет от определения человека как существа, наделенного не только действием, но и сознанием. Марксистское понимание сознания распространяется при этом на понимание созерцательности как иного по отношению к действию способа отношения к миру, восприятия, осознания мира человеком. Тот же принцип относится к отношениям людей друг к другу. Отрицая необходимость специальных моральных поступков как действий по отношению к человеку, имеющих прямую цель сделать его моральным, мы выступаем против позиции безразличия, равнодушия, беспартийного, нейтрального отношения к другому человеку, к моральным проблемам. Содержанием подлинной этики является «воинствующее добро» и борьба за «строительство» нового человека. Смысл этики состоит в том, чтобы не закрывать глаза на все трудности, тяготы, беды и передрыги жизни, а открыть глаза человеку на богатство его душевного содержания, на все, что он может мобилизовать, чтобы устоять, чтобы внутренне справиться с теми трудностями, которые еще не удалось устранить в процессе борьбы за достойную жизнь. <...>.

Человек как субъект жизни

Существуют два основных способа существования человека и, соответственно, два отношения его к жизни. Первый – жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек: сначала отец и мать, затем подруги, учителя, затем муж, дети и т.д. Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение – это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом. Отсутствие такого отношения к жизни в целом связано с тем, что человек не выключается из жизни, не может занять мысленно позицию вне ее для рефлексии над ней. Это есть существующее отношение к жизни, но не осознаваемое как таковое.

Такая жизнь выступает почти как природный процесс, во всяком случае очевидна непосредственность и целостность человека, живущего такой жизнью. Такая жизнь, когда в ней крепки связи с другими людьми, – самый надежный оплот нравственной жизни, поскольку первая, самая прочная основа нравственности как естественного состояния – в непосредственных связях человека с другими людьми, друг с другом. Здесь нравственность существует как невинность, как неведение зла, как естественное, природное состояние человека, состояние его нравов, его бытия.

Расшатанность этой основы нравственности, связанной с прочно сложившимся бытом, вызывается обычно ломкой этого сложившегося быта, уклада жизни. Такова причина моральных трудностей молодежи в новом обществе. Здесь новую мораль нужно строить сознательно, на новой основе, здесь невозможно просто пребывание в состоянии своей невинности.

Таким образом либо нужно ждать, пока снова сложится прочное бытие, уклад жизни, либо идти к нравственности другим, сознательным путем. В чем же состоит этот путь?

Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее. Это решающий, поворотный момент. Здесь кончается первый способ существования. Здесь начинается либо путь к душевной опустошенности, к нигилизму, к нравственному скептицизму, к цинизму, к моральному разложению (или в менее острых случаях к моральной неустойчивости), либо другой путь – к построе-

нию нравственной человеческой жизни на новой, сознательной основе. С появлением рефлексии связано философское осмысление жизни.

Сознание выступает здесь как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней. С этого момента каждый поступок человека приобретает характер философского суждения о жизни, связанного с ним общего отношения к жизни. С этого момента, собственно, и встает проблема ответственности человека в моральном плане, ответственности за все содеянное и все упущенное.

С этого разрыва непосредственных связей жизни и их восстановления на новой основе начинается и в этом заключается второй способ существования человека. Отсюда с этого момента возникает проблема «ближнего» и «дальнего», проблема соотношения, взаимосвязи непосредственного отношения человека к жизни, к окружающему его и осознанного отношения, опосредствованного через «дальнее».

В общей проблеме детерминации поведения человека эта рефлексия или, говоря иными словами, мировоззренческие чувства, выступают как внутренние условия, включенные в общий эффект, определяемый закономерным соотношением внешних и внутренних условий. От такого обобщенного, итогового отношения человека к жизни зависит и поведение субъекта в любой ситуации, в которой он находится, и степень зависимости его от этой ситуации или свободы в ней.

Объективным основанием таких мировоззренческих чувств, или рефлексии, выходящей за пределы жизни, является сама жизнь человека как трагедия, драма или комедия. Основой трагического отношения человека к жизни является отношение человека к трагическому как существующему объективно. Трагическое, юмористическое и т.д. отношение к жизни, чтобы быть адекватным, должно основываться на соответствующей характеристике самой жизни. Существует не более или менее произвольное трагическое отношение к смерти вообще, а отношение, возникающее при раскрытии и осознании объективного, разного при разных условиях соотношения жизни и смерти, которое и делает (или не делает) смерть трагической при разных обстоятельствах. Таким образом возникает необходимость создания концепции жизни субъекта, человека, из которой уже вытекало бы как естественное, закономерное такое или иное отношение к жизни и смерти.

Таким образом, следует разделять, с одной стороны, способность различать и понимать трагическую сторону жизни, трагическое отношение к жизни в целом как более или менее произвольную генерализацию, универсализацию одной из ее сторон и, с другой стороны, трагедию как закономерно выступающую сторону самой жизни, трагедию как неслучайность в жизни. Иными словами, речь идет о трагическом или комическом в жизни или трагичности или комичности жизни.

Каждое из этих чувств в отдельности, выступающее как обобщенное отношение к жизни (*Gesamtgefühl*), не оправдывает себя. Вопрос о преобладании того или иного чувства должен решаться конкретно применительно к конкретным историческим и личным ситуациям. Без этого исходного различения невозможно дальнейшее понимание диалектики объективного и субъективного. Например, смерть в постели, смерть, наступающая потому, что жизнь, жизненные силы человека себя уже исчерпали, что он увял и началось умирание еще при жизни, – трагична ли она объективно? По-видимому, нет.

Отсюда очевидна также неправомерность поисков обобщенного чувства (*Gesamtgefühl*), в котором все слито, и, якобы, синтезировано (юмор у Х. Гефдинга), неправомерность генерализации этих чувств, иллюстрация этой генерализации може быть дана на примере иронии – все может быть осмеяно, нет ничего святого, все обесценено. Вместо поисков такого одного общего чувства (*Gesamtgefühl*) должна быть выявлена вся палитра красок, тональностей чувств, через которые человек, подобно художнику, видит и воспринимает мир.

Проблема трагедии жизни – это проблема не страдания, а трагической судьбы, сплетения добра и зла, противоречия жизни, необходимости идти к добру через зло, гибель добра и т.д. Трагическое имеет место, когда к неизбежной гибели идет что-то хорошее и прекрасное, когда к добру как осознанной цели приходится в силу независимых от человека обстоятельств идти через зло. Трагизм возникает там, где что-то хорошее и прекрасное вовлекается жизнью в пагубный для человека конфликт.

В жизни имеет место и трагическое и комическое, торжествует в ней то добро, то зло. Все дело заключается в том, чтобы выделить объективное соотношение между ними, их сплетение и адекватно отнестись к каждой ситуации. Отсюда – разное отношение разных людей к одной и той же ситуации в зависимости от того, какое начало

видит как преобладающее в ней и вносит входящий в нее человек.

Иными словами, ситуация включает в себя и человека, относящегося с юмором или иронией к тому, что в ней происходит. Итоговое соотношение сил зависит и от него. Вот почему господство того или иного трагического, иронического или юмористического отношения к происходящему показательно для человека, так или иначе относящегося к ситуации, а не только для этой последней. Юмор, ирония всегда должны быть адекватны тому в действительности, к чему они относятся, но они показательны и для человека, субъекта потому что он входит в ситуацию и этим своим отношением изменяет ее, соотношения в ней.

Итак, суть состоит в соотношениях добра и зла, трагического и комического, в осознании человеком противоречий и их разрешении, а не в абсолютизации одного чувства (юмора, трагического, иронии). Ни одно из этих отношений субъекта к действительности не может быть абсолютизировано. Например, генерализация иронии, иронического отношения к действительности, распространенного на все, означает распространение иронического отношения и на идеал, с позиций которого устанавливается ироническое отношение к тому, что этому идеалу не отвечает, а тем самым ликвидирует самую основу, на которой зиждется ирония, а значит, и ее самое. Генерализованное ироническое отношение, распространенное на всех и вся, превращается в нигилизм, в отрицание всех и всяческих идеалов.

Соотношение мировоззренческих чувств одновременно и индивидуально и закономерно, как соотношение красок в палитре большого художника. В разных соотношениях каждая из них приобретает свой оттенок (*valeur*), возможны разные сочетания разных тонов, но эти соотношения всегда закономерны. Взаимосвязь всех этих аспектов (юмористического, иронического и трагического отношений), их переход друг в друга, отвечает сложности и соотношению всех жизненных противоречий. Лишь определенное соотношение тех или иных цветов эстетически прекрасно, подобно этому возможно, правомерно разное сочетание мировоззренческих эмоциональных тональностей, больше или меньше оправданных применительно к той или иной различной исторической и личной ситуации. Иными словами, лишь определенные соотношения этих мировоззренческих этических чувств этически оправданы, приемлемы, закономерны как выражение отношения человека к типическим ситуациям жизни. <...>.

Итак, трагедия и комедия – это аспекты жизни, требующие к себе соответствующего адекватного отношения. Юмор и ирония – это определенное отношение человека к слабостям, недостаткам, несовершенству, уродству, злу в их соотношении с добром и т.д. Это отношение к жизни, к определенным ситуациям различно у разных людей (не только в силу различия ситуаций самих по себе), а в силу того, что происходит вхождение в ситуацию человека (разных людей) и изменяется соотношение сил между добром и злом в широком смысле слова в каждой из этих ситуаций. Поэтому речь идет не только о том, чтобы отношение – ирония, юмор – было адекватно ситуации, объективным обстоятельствам жизни, но это отношение неизбежно выявляет качества человека, который так или иначе относится к данной ситуации. Разные люди потому по-разному переживают ситуации, относятся к ним так или иначе, что они сами, их присутствие в ситуации объективно изменяет соотношение сил в ней.

Это частное выражение того общего положения, что бытие внутри себя включает субъекта. В способе видения, отношения к ситуации выявляется и сам субъект, а не только то, к чему он относится как к объекту. Здесь субъект выступает как внутреннее условие раскрытия объекта.

Таким образом существование выступает как реальная причинность другого, выражающая переход в другое, и идеальное, интенциональное «проектирование» себя как характерное уже для специфически человеческого существования – существования, внутри которого включено сознание. Человеческая жизнь выступает как «замысел» (вначале неосознанный), а затем – как его реализация. Детерминированность человека свойствами его решений и одновременно ответственность не только за то, что он делает, но и за то, чем он будет становиться, за самого себя. Это положение противоположно утверждению экзистенциалистов, для которых существует лишь объект познания, а субъект только «переживает».

Человек не только находится в определенном отношении к миру и определяется им, но и относится к миру и сам определяет это свое отношение, в чем и заключается сознательное самоопределение человека. Важна не только его обусловленность объективными условиями, но и различие позиции субъекта, понятой не субъективистически (т.е. субъект против объекта), а как объективное ее изменение, как выражение изменения ситуации.

Говорить, что жизнь прекрасна, утверждая этим, будто все в ней хорошо и прекрасно, – это жалкая фальшь; говорить, что жизнь отвратительна, ужасна, как будто перечеркивая этим все прекрасное, чем она так богата, – это ложь, свидетельствующая о собственном банкротстве. Жизнь могуча, бесконечно разнообразна и чревата всем добрым и злым. И у человека, в конечном счете, одно дело в жизни: самому вносить в нее, сколько только может он, красоты и добра.

Исходная специфика человека, человеческого существования заключается в том, что во всеобщую детерминацию бытия включается не сознание само по себе, а человек как осознающее мир существо, субъект не только сознания, но и действия. Сознательная регуляция, включающая и осознание окружающего и действия, направленная на его изменение, – важное звено в развитии бытия. Отличительная особенность человека – «детерминированность через сознание», иными словами, преломление мира и собственного действия через сознание, – вот основное для понимания проблемы свободы человека и детерминации бытия.

Проблема причинной детерминированности явлений – центральная узловая проблема научной методологии. Она стояла в последнее время с большой остротой в области физики в связи с развитием квантовой механики. Наиболее дискуссионные вопросы – вопросы современной биологии, связанной с развитием генетики, упираются, в конечном счете, в вопрос о детерминированности, изменчивости организмов. Но какое бы место ни занимала эта проблема в других областях, все же самой критической точкой в этом отношении является объяснение психических явлений и сферы человеческого поведения. Психология вообще – главная цитадель индетерминизма, а свобода воли – тот самый пункт, в котором принцип детерминизма подвергается самому серьезному своему испытанию.

Традиционная постановка вопроса о свободе воли является психологизаторской. На самом деле самоопределение и определение другим, внешним существует в равной мере повсюду. Существует иерархия этих соотношений, в которой высшим уровнем выступает самоопределение на уровне существ, обладающих сознанием.

В споре с детерминизмом индетерминизм использует слабость механистического детерминизма. Крайняя форма лапласовского детерминизма означает просто механическое распространение на все явления механистического способа детерминации. Однако ограничен-

ние механистического детерминизма и его преодоление сплошь и рядом идет внешним способом, а не посредством развития диалектико-материалистического принципа детерминизма.

Критика механистического детерминизма, справедливо проводимая в нашей философской литературе, связана с признанием существования не только необходимого, но и случайного. Однако не менее важной представляется нам другая линия снятия механистического детерминизма – посредством раскрытия диалектики внешнего и внутреннего. Внешние причины действуют через внутренние условия. Особенно важно это положение на уровне психического для преодоления интроспективного понимания внутреннего, хотя оно имеет важное значение на всех уровнях. <...>.

Тезис, согласно которому внешние причины действуют через внутренние условия так, что эффект действия зависит от внутренних свойств объекта, означает по существу, что всякая детерминация необходима как детерминация другим, внешним и как самоопределение (определение внутренних свойств объекта).

Опираясь на эти соображения общего порядка, мы можем подойти к выяснению интересующего нас аспекта проблемы детерминации, связанного с включением в цепь явлений материального мира психических явлений.

Центральное положение заключается в том, что по самой своей природе психические явления включаются в причинную взаимосвязь бытия одновременно и как обусловленные и как обуславливающие. Они обусловлены объективным действием условий жизни, и вместе с тем они обуславливают поведение. Основное заключается в том, что они отражают действительность и регулируют движение и действие. Здесь в полную меру раскрывается тезис о регулярной функции психических процессов (афферентация, обратные связи и т.д.) по отношению к движениям, действиям, поступкам. (Как известно, структура действия включает как его афферентную, так и его исполнительную часть). Такой трактовкой проблемы совершенно снимается эпифеноменализм и индетерминизм в отношении человеческого поведения.

Наличие сознания у человека, которое предполагает или означает, что человек и отделяет себя от окружающего - природы, мира, и связывает, соотносит себя с ним, – это есть, как уже говорилось, характеристика человека, из которой вытекают важнейшие особенности человеческого бытия. Здесь выступают одновременно и соотнесен-

ность человека с миром, связь с ним не только в познании, а в бытии, и обособленность от мира. В плане познания здесь осуществляется процесс перехода реально существующего мира в идеальный. В плане практики и действия – бесконечность процесса проникновения человека в мир, приобщения к нему и вместе с тем его изменения.

Отличие марксистской постановки проблемы свободы от экзистенциалистской заключается в том, что у экзистенциалистов бытие не подчинено действительности субъекта; в силу этого оно является только объектом для его сознания: человек выступает как существо, которое имеет объект. Но, согласно марксизму, это объект не только для сознания, но и для действия, практики.

В самом широком плане со свободой дело обстоит так же, как с отражением: аналог свободы, как и аналог отражения, имеет место в самом фундаменте бытия – в принципе детерминизма, согласно которому необходимость заключается во внутреннем развитии явлений. Степень ограничения свободы определяется зависимостью явлений от внешних условий: в природе – природных, в обществе – общественных.

Проблема свободы выступает в трех аспектах: а) как самоопределение – роль внутреннего в детерминации поведения на разных уровнях; б) как свобода человека в общественной жизни (свобода личности и общественное принуждение); в) как свобода в Спинозовском смысле (контроль сознания над стихией собственных влечений).

Человек действует в данных объективных условиях. Одним из решающих условий на уровне общества выступают другие люди, другой человек как необходимое условие моего существования, которое обуславливает, детерминирует меня и имплицитно дано, наличествует во мне. И здесь имеет место подлинная диалектика: человек может изменить данные условия, но сначала они ему даны, он должен от них отправляться. И даже тогда, когда он их изменяет, он должен строить из данного материала. Иными словами, материал, из которого человек строит, творит, одновременно и создан им и дан ему. Таким образом свобода – это не только отрицание данного, как декларирует экзистенциализм, но и утверждение его. Свобода – это и отрицание и утверждение данного. С этих позиций и идет марксистская критика экзистенциализма. Свобода выступает 1) в связи с проблемой детерминизма в целом, 2) в связи с жизнью индивида в обществе. Сартр определяет свободу через отрицание, свобода – не только отрицание дан-

ного, но и его использование, во-первых. Во-вторых, непропорционален отрыв свободного акта от настоящего и прошлого, проецирование его только в будущее («проект»). Гароди отмечает у Сартра его формулу: «Свобода есть отрицание бытия на сознательном уровне его развития», но на самом деле здесь имеет место не только отрицание, но утверждение внутренней закономерности его развития.

Подлежит критике основное положение экзистенциализма, что все в человеке – из будущего, а из прошлого – никакого движения и изменения. Это есть понятие «проекта» как эскиза будущего порядка и освобождение от наличного, освобождение от данного как негативность. Свобода выступает как отказ, отрицание данного положения, как будто для его преодоления не нужно его учитывать, исходить из условий в нем данных. Человек есть только продукт или совокупность своих действий, но то, что он проектирует и создает из себя, не имеет, якобы, никакой основы. Все определяется его проектами или замыслами, исходя из будущего, не будучи никак детерминировано ни прошлым, ни человеческой природой.

Согласно Хайдеггеру и другим, человек выступает как существо, которое имеет проект (Project), замысел, задачу, цель, соотносящуюся с условиями и выходящую за пределы ситуации (depassement). Иллюзия, приравнивающая свободу к недетерминированности, возникает у экзистенциалистов в силу отождествления недетерминированности наличным бытием, ситуацией, в которой находится человек, с недетерминированностью вообще.

В этом заключается свобода. Человек непосредственно своим действием должен стать (быть) тем, что он есть (еще не есть), и перестает быть тем, что он есть. Чистое отрицание означает здесь абсолютную дискретность без всякой преемственности. В этом постоянном опережении (depassement) и заключается субъективность, являющаяся поэтому чистым отрицанием (neant). Свобода как окончательный разрыв с миром и с самим собой. Человек осуществляет его посредством своих действий, в своей основе свобода совпадает с отрицанием, которое находится в сердце человека. Человек есть существо, имеющее «проект», потому что в нем существование предшествует сущности, в нем нет готовой сущности, он сам ее делает, сам из себя что-то делает; отсюда его сущность - свобода. Здесь только повернутость к будущему, посредством которого человек, якобы, отрывается от прошлого и его детерминации. <...>.

То же самое относится к наличному бытию человека и тому, что человек может дальше из себя сделать, к его дальнейшей судьбе. Наличное бытие – продукт предшествующего развития, внутренних предпосылок или условий, складывающихся в ходе предшествующего развития, которое в процессе взаимодействия с миром определяет будущее формирование человека, его внутренние условия. Такова собственная роль человека в дальнейшем самоопределении. Детерминированность человека, его свойств, его решений и ответственность человека не только за то, что он делает, но и за то, чем он будет, станет, за самого себя, за то, что он есть, поскольку то, что он сейчас есть, – это в какой-то предшествующий момент его жизни было тем, чем он будет, – такова необходимая связь настоящего, прошлого и будущего в жизни человека. Возможность человека определять свое будущее есть возможность определения каждого из прошедших этапов своей жизни, поскольку и он был в свое время будущим. <...>.

Свобода духовная и величие человека возможны только в обществе. Коллективность, идейная общность должны существовать наряду с сохранением критической мысли индивида, его инициативы и ответственности. Свобода выступила для нас вначале в связи с необходимостью, в связи с детерминированностью вообще, но это лишь возможность свободы. Свобода человека осуществляется только в реальной жизни и обществе. Для индивида свобода существует как личная инициатива, возможность действовать на свой страх и риск, свобода мысли, право критики и проверки, свобода совести. <...>.

А. В. Брушлинский

К определению субъекта*

На различных этапах онтогенеза человек, формируясь в качестве субъекта, взаимодействует с окружающей действительностью на очень разных, но взаимосвязанных уровнях: сначала как с 1) системой раздражителей, затем как с 2) системой сигнальных раздражителей, наконец, и как с 3) объектом, и с людьми – как с 4) субъектами. На

* Брушлинский А. В. К определению субъекта // Брушлинский А. В. Психология субъекта. – М.: Институт психологии РАН; СПб.: издат. «Алетейя», 2003 г. – С. 21-51.

первом уровне это взаимодействие развивается в виде **реакций** на раздражители, на втором – в виде реакций и простейших действий, на третьем – также и в виде все более сложных **действий** с объектами и простейших **поступков** в отношении людей, на четвертом – также и в виде все более нравственных поступков [23].

Субъект – это человек, люди на **высшем** (индивидуализированно для каждого) уровне деятельности, общения, целостности, автономности и т. д. Любой человек не рождается субъектом, а становится им начиная примерно с 7–10 лет, когда постепенно овладевает хотя бы простейшими **понятиями** (арифметическими, грамматическими т. д.), в которых он все более полно раскрывает существенные свойства и отношения **объекта**, инвариантного к наглядным чувственным признакам последнего. Субъектом может стать и группа людей по мере формирования у них общих интересов, целей и т. д. (например, субъект совместной деятельности, совместной собственности; подробнее см. дальше). Высший уровень активности субъекта является таковым по отношению 1) к предшествующим (т. е. досубъектным, детским) стадиям развития, а также по сравнению со всеми 2) остальными определениями человека (как личности, индивидуальности и т. д.). Ясно, что человек как субъект развивается всю жизнь – на основе своего индивидуального, группового и т. д. опыта (прежде всего профессионального).

В таком смысле the Subject – это не обязательно участник психологического эксперимента, не испытуемый, а the Self (самость) как the Totality (целостность), как the Actor (деятель) (ср. [29; 32]).

Итак, субъект – это всеохватывающее, наиболее широкое понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство, целостность всех его качеств: природных, социальных (social), общественных (societal), индивидуальных и т. д. Личность, напротив, менее широкое определение человеческого индивида. Оно прежде всего раскрывает глубокую взаимосвязь лишь некоторых, хотя и очень существенных черт человека: экстраверсии – интроверсии, тревожности, ригидности, импульсивности и т. д. (например, Big Five).

Субъективное – это 1) принадлежащее субъекту, субъектное и 2) неадекватное, субъективистское (когда субъект односторонне выявляет лишь некоторые свойства и отношения познаваемого объекта). У человека психическое объективно существует только как субъек-

тивное (всегда в первом смысле слова и, к сожалению, слишком часто также и во втором смысле). Психология изучает объективные закономерности субъективного (в обоих смыслах) Однако многие специалисты нередко не различают эти два смысла и потому считают, что всё субъективное должно быть изгнано из науки (в итоге психологию заменяют физиологией, логикой, кибернетикой, математикой и т. д., поскольку якобы только они раскрывают объективные закономерности). Ясно, что нежелательны обе противоположные другу другу крайности: 1) псевдообъективизм (например, бессубъектный «третий мир» К. Поппера) и 2) субъективизм.

В первом случае некоторые авторы полагают, что объектные закономерности (например, мышления) можно раскрыть лишь тогда, когда их изучают в отрыве от субъекта например, субъекта исследуемого мышления). По их мнению, выявлять эти закономерности надо только на «моделях» искусственного интеллекта, отделенных от субъекта, ибо якобы лишь элиминация последнего и вообще всего субъективного (т. е. принадлежащего субъекту) позволяет раскрывать подлинно объективную сущность реальности. Иначе говоря, здесь объективное и субъективное полностью исключают друг друга, т. е. объективность истины достигается не в процессе и в результате взаимодействия познающего субъекта с познаваемым объектом (в данном случае с субъектом изучаемого мышления), а на путях «аннигиляции» этого второго, познаваемого субъекта, в отрыве от него. А некоторые философы во имя такой псевдообъективности отрывают истину в конечном счете также и от познающего субъекта, называя ее вовсе бессубъектной.

Противоположная крайность – субъективизм – представляет собой отрыв не от субъекта, а, напротив, от объекта. Имеется в виду хорошо известная в психологии традиционная трактовка значения и смысла [16, с. 35–37]. Здесь под значением понимается **объективное отражение** события, предмета и т. д., а под смыслом – **привнесение** субъективных аспектов значения. Иначе говоря, содержание смысла «вычерпывается» не из объекта, а привносится со стороны (познающим, переживающим субъектом). Человек всегда относится к кому-то и к чему-то в силу своих потребностей, интересов и т. д. Отсюда эмоции, смыслы, значимость и др. На мой взгляд, отрыв познания – переживания – чувств – стремлений и т. д. от объекта проявляется в той точке зрения, согласно которой объективно **одно и то же** содержание

якобы переживается в субъективной форме **разных** смыслов. Тогда объект становится как бы **инвариантным** и, значит, нейтральным по отношению к смыслу, т. е. перестает участвовать в процессе его детерминации. А ведь такая детерминация возникает и формируется только в ходе **непрерывного** взаимодействия человека с миром (в частности, субъекта с объектом). Чтобы избежать индетерминизма, здесь необходимо учесть, что различные смыслы, бесспорно, имеют место у разных субъектов или у одного субъекта в разное время, но в этих смыслах переживается соответственно разное содержание т. е. с помощью анализа через синтез в объекте выявляют хотя бы **частично** иные стороны, свойства, качества и т. д. Например, социальные представления (в трактовке С. Московичи) можно, на мой взгляд, рассматривать как сложное соотношение истины и правды (конечно, с учетом общности и различия между ментальностью западноевропейцев и россиян) [14; 15; 30; 31].

В процессе познания субъект оперирует **объектом**, а не самими по себе понятиями, смыслами, значениями, знаниями, информацией и т. д. (но содержание объекта фиксируется в понятиях, смыслах и т. д.). Следовательно, психика – не переработка информации, а важнейший способ непрерывного взаимодействия субъекта с объектом, вообще людей с окружающей действительностью [3; 4; 23; 24]

Субъект осуществляет это взаимодействие и прежде всего деятельность одновременно на разных, но взаимосвязанных уровнях. Например, мышление формируется человеческим индивидом на **1) личностном** и **2) процессуальном** уровнях. В первом случае это мышление как деятельность на уровне главных личностных психических свойств: мотивации (вместе с целями), способностей, рефлексии и т. д. Во втором случае это внутри мышления как деятельности мышление как **процесс** анализа, синтеза и обобщения, с помощью которых человек выявляет все новые существенные свойства и отношения познаваемого объекта. Мышление в **личностном** своем аспекте осуществляется в основном, но не полностью на уровне **сознания**, а мышление в процессуальном аспекте формируется преимущественно, но не полностью на уровне **бессознательного** (отчасти на уровне интуиции) [4; 16; 23].

Психическое как процесс (в частности, мышление как процесс) – это **основной** способ существования психики. Такой процесс является предельно гибким, пластичным, изменчивым, развивающимся,

непрерывным. Его непрерывность в высшей степени специфична – в отличие от функционирования технических систем и в отличие от логических и математических структур, операций и т. д. Эти системы и структуры состоят из деталей, блоков, элементов (множества), циклов функционирования, изначально четко отделенных друга от друга (внутри их единства) в пространстве и во времени. В таком смысле все они являются дизъюнктивными (дихотомическими и т. д.), а психическое как процесс, напротив, изначально и всегда недизъюнктивно [4].

Разработан (начиная с 1965-1972 гг.) [2, 3; 4] **континуально-генетический** (недизъюнктивный) метод исследования человека и его психики, обобщающий специфическую **непрерывность** последней в отличие от технических систем и теоретико-множественных структур. Непрерывность (недизъюнктивность) психического как **процесса** означает, что все его компоненты, стадии, уровни и т. д. онтологически (точнее, онтически) **нераздельны**, но **различны**. В этом смысле, например, психическое и физиологическое в живом головном мозгу нераздельны, но различны, поскольку они суть разные уровни саморегуляции всей жизни человека и животного. (Ср. дополнительность [4, с. 122] психического и физиологического.) На этой основе разработана новая, континуально-генетическая логика, в которой выявляются **различия** между компонентами даже тогда, когда последние онтически **нераздельны**. В этой логике не соблюдается закон исключенного третьего (но, конечно, действует закон исключенного противоречия [4]). Напротив, в математической логике и в теории множеств различия основаны на изначальной **отделенности** друг от друга соответствующих элементов внутри единого целого. Вот почему континуально-генетическая логика нацелена на изучение **качественно более сложных** систем, чем технические и теоретико-множественные системы. Соответственно по-новому ставится и решается проблема точности и строгости психологических понятий (что не исключает, а, наоборот, предполагает разработку и применение математических методов в психологии). Впрочем, И. М. Гельфанд, говоря о математике как о науке точной, ставил последнее слово в кавычки [8].

В частности, мышление как процесс – недизъюнктивно, а формирующиеся и функционирующие в нем операции (логические, математические и т. д.) – дизъюнктивны. Например, конъюнкция столь же дизъюнктивна, сколь и дизъюнкция. Эксперименты показали, что та-

кой процесс 1) первичен, 2) предельно пластичен, 3) непрерывен, а операции 1) вторичны, производны от него, 2) относительно стабильны или, по крайней мере пластичны, 3) прерывны [4; 16; 20; 22, 23]. Мышление субъекта как живой, развивающийся процесс всегда хотя бы немного как бы обгоняет любую его алгоритмизацию, формализацию и т. д. Вместе с тем всегда существует **недизъюнктивная взаимосвязь между дизъюнктивной и недизъюнктивной сторонами мышления**. Этим определяется наиболее плодотворное сотрудничество между психологией, логикой, информатикой, математикой и т. д.

Психология изучает в деятельности субъекта мышление как **процесс** в соотношении с его продуктами (результатами). А эти последние (например, понятия, вообще знания) – вне связи с психическим процессом – выпадают из предмета психологии и становятся предметом исследования в других науках (в логике, гносеологии и т. д.) [23].

Мыслительная, вообще познавательная (в частности, теоретическая) деятельность неразрывно связана с изначально практической. В принципе – это единая деятельность (подробнее см. дальше).

Своими изначально практическими действиями и поступками в ходе общения человек как субъект целенаправленно изменяет внешний мир (природу и общество), а тем самым также и себя. Вот почему именно деятельность, всегда осуществляемая на различных уровнях общения [5; 12], играет столь существенную роль в развитии и саморазвитии людей. Изменяя мир, мы все глубже его познаем. Познание и практика неразрывно взаимосвязаны. Объективность научного познания вовсе не основывается на пассивности, бездейственной созерцательности познающего субъекта. В ходе деятельности люди изменяют, преобразуют мир «в меру» его объективных закономерностей, все более раскрываемых и используемых именно в процессе этой преобразующей деятельности. При адекватном понимании и осуществлении последней она вовсе не превращается в насилие (вопреки существующей теперь точке зрения, могущей дискредитировать весь субъектно-деятельностный подход).

Сейчас – увы! – слишком широко распространено насилие (вооруженное, политическое, экономическое, экологическое, педагогическое и т. д.), но оно никак не может отождествляться с деятельностью. Тоталитаризм тоже стремится превратить деятельность вождей в насилие и соответственно всех других людей – лишь в объекты об-

ществленных влияний. Такому чудовищному отождествлению и превращению деятельности противостоит именно гуманистическая трактовка человека как субъекта (и, в частности, хорошо известный рубинштейновский принцип детерминизма: внешние причины, влияния и т. д. действуют только через внутренние условия, составляющие **основание** развития). Именно в свете этой трактовки становится понятным, что деятельность по существу своему гуманна и потому в принципе не может быть насилием (хотя для нашего времени эта позиция, вероятно, покажется неоправданно оптимистической).

Дополнительным аргументом для данной постановки проблемы является сопоставление деятельности и труда. Последний, по мнению многих авторов, есть важнейший вид деятельности (и потому некоторые психологи настойчиво и издавна предлагают заменить понятие деятельности понятием труда или работы). Тем не менее, субъектно-деятельностный подход в качестве одной из базовых, исходных использует именно категорию деятельности – *Tatigkeit*, но не *Aktivitat* (вслед за Гегелем и ранним Марксом). На мой взгляд, одна из причин этого состоит в том, что труд не обладает необходимой всеобщностью: он может быть деятельностью (творческий труд), но может и не быть ею (труд принудительный, монотонный, неквалифицированный и т. д.). Тем самым еще раз обнаруживается гуманная сущность деятельности – всегда субъектной, предметной, в той или иной степени творческой, самостоятельной и т. д.

В самом полном и широком смысле слова субъект – это все человечество в целом, представляющее собой противоречивое системное единство субъектов иного уровня и масштаба: государств, наций, этносов, общественных классов и групп, индивидов, взаимодействующих друг с другом. Отсюда вытекает сразу несколько следствий. Это, в частности, приоритет общечеловеческих ценностей и изначальная социальность человеческого индивида (социальное всегда неразрывно связано с природным даже в наиболее сложных личностных качествах человека). Тем самым социальны не только субъект-субъектные, но и субъект-объектные взаимодействия [4, 5]. (А потому остается в силе вопрос о том, до каких пределов оправданно и перспективно разделение* этого взаимодействия на два указанных типа.) Социальность не означает, что индивид как субъект, находясь внутри человечества, лишь *воспроизводит* усваиваемую им культуру и потому вообще якобы не выходит за пределы уже достигнутого общест-

вом.

Каждый человек в силу своей уникальности, неповторимости, незаменимости участвует в развитии культуры и всего общества. Это проявляется, в частности, в том, что мышление любого индивида – хотя бы в минимальной степени – творческое, продуктивное, самостоятельное, т. е. оно соотносительно с данным конкретным субъектом. Строго говоря, нет оснований делить мышление на репродуктивное и продуктивное, творческое – есть «просто» мышление как искание и открытие, созидание субъектом существенно нового (подробнее см. дальше).

Полученный вывод особенно важно подчеркнуть в связи с тем, что за рубежом, а теперь и у нас нередко считается, будто бы любое творчество асоциально (у нас это, по-видимому, означает, что на смену одной крайности – воинствующему коллективизму – приходит другая – воинствующий индивидуализм). Асоциальность творчества в этом случае является следствием того, что в принципе нераздельные, недизъюнктивные творческие и репродуктивные компоненты мышления тем не менее отделяются друг от друга, поэтому так называемое творческое мышление становится асоциальным, а так называемое репродуктивное остается, напротив, социальным. Явная искусственность подобной операции может служить еще одним аргументом против разделения мыслительной деятельности на творческую и репродуктивную. Таким образом, та или иная трактовка мышления явно или неявно уже содержит в себе определенную характеристику его субъекта – гуманистическую, тоталитарную и т. д.

В самом широком смысле социальность – это всегда неразрывные взаимосвязи (производственные, чисто духовные и др.) между людьми во всех видах активности, независимо от степени их общественной полезности, нравственной оценки и значимости: будь то высшие уровни творчества или противоправное поведение и др. (Значит, последнее не может быть асоциальным – вопреки широко распространенной точке зрения). Это социальность всех взаимодействий человека с миром (с обществом, природой, другими людьми и т. д.) – его индивидуальности, свободы, ответственности и т. п.

Любой человек, выходя за пределы уже достигнутого уровня культуры и развивая ее дальше, делает это именно во взаимодействии с культурой, опираясь на нее даже в процессе преодоления ее ограниченности на тех или иных направлениях общественного прогресса.

Качественно новый вклад в развитие всей культуры человечества вносят, прежде всего, выдающиеся деятели науки, искусства, политики, религии и т. д.

Таким образом, любой человеческий индивид и его психика изначально и всегда социальны. Данный исходный тезис приходится специально подчеркивать и противопоставлять существенно иной точке зрения, которая идет от Э. Дюркгейма и является весьма распространенной до сих пор. Согласно этой точке зрения, лишь какой-то один уровень человеческой психики рассматривается как социальный, например, *коллективные* (но не индивидуальные) представления (по Дюркгейму)*, соответственно *высшие* психологические функции в отличие от низших или *научные* понятия в отличие от житейских (подробнее см. [21]). Тем самым все остальные уровни человеческой психики выступают как несоциальные (по крайней мере, вначале). Некорректность такой точки зрения состоит в том, что социальность сводится здесь лишь к одному из ее многих уровней и проявлений.

Поэтому очень важно иметь в виду, что социальность весьма многообразна и проявляется не в одной, а в различных формах: индивид, группа, толпа, нация и т. д. Это далеко не всегда учитываемое обстоятельство стоило бы, на мой взгляд, закрепить специальной терминологией. Желательно различать обычно отождествляемые два понятия (и термина): 1) *социальное* и 2) *общественное*. Всегда связанное с природным социальное – это всеобщая, исходная и наиболее абстрактная характеристика субъекта и его психики в их *общечеловеческих* качествах. Общественное же – это не синоним социального, а более конкретная – *типологическая* характеристика бесконечно различных частных проявлений всеобщей социальности: национальных, культурных и т. д. Стало быть, любой человеческий индивид не менее социален, чем группа или коллектив, хотя конкретные общественные отношения между данным человеком и другими людьми могут быть самыми различными (в условиях того или иного общественного строя, в определенной стране и т. д.).

При таком соотношении социального и общественного особенно отчетливо выступает двойственность, противоречивость индивида как субъекта – деятельного, свободного и т. д. Он всегда неразрывно

* Эта критика, конечно, не умаляет общеизвестных заслуг Дюркгейма — одного из основоположников социологии, оказавшего огромное влияние и на психологическую науку.

связан с другими людьми и вместе с тем автономен, независим, относительно обособлен. Не только общество влияет на человека, но и человек как член общества – на это последнее. Он и объект этих влияний, и субъект, в той или иной степени воздействующий на общество. Здесь не односторонняя, а именно двусторонняя зависимость. Тем самым признается абсолютная ценность человека как личности и субъекта с безусловными правами на свободу, саморазвитие и т. д. Это основа основ гуманистического подхода к рассматриваемой проблеме. «Не человек – для государства, а государство – для человека».

В итоге каждый индивид – это всегда неразрывное *развивающееся* единство социального, общественного и индивидуального как (соответственно) всеобщего, особенного и единичного [21].

Одним из эмпирических подтверждений данного вывода являются, в частности, результаты проводимых в нашем Институте психологии систематических исследований динамики личных и общественных интересов в процессе предпринимательской и трудовой деятельности (А. Л. Журавлев и его сотрудники). Показано, что в условиях изменяющихся форм собственности группа людей может стать субъектом не только совместной трудовой деятельности, но и совместной собственности. Возникновение такого группового субъекта зависит, прежде всего, от формирования у людей, составляющих эту группу, **общих** для них интересов, мотивов, отчасти целей и т. д. [25]. Это значит, что личные интересы не подчиняются общественным (вопреки широко распространенной у нас в стране в течение нескольких десятилетий тоталитаристской догме), а общественные интересы существуют как таковые только в том случае, если они одновременно являются также и личными, а не надличностными и внеличностными. Разумеется, не каждый личный интерес становится общественным и общественные интересы не есть сумма личных. И тогда на первый план выходит согласование и единство интересов разных субъектов (общества, групп, индивидов и т. д.). А при тоталитаризме правящая верхушка стремилась свои корыстные корпоративные мотивы и интересы выдать за всеобщие и тем самым всех (кроме себя) лишить статуса субъектов и превратить в объекты угнетения, манипулирования, запугивания и т. д.

Сейчас в процессе реформирования России происходит сложнейший и затянувшийся переход к рыночной экономике и демократии. Вся наша страна – это как бы «лаборатория» социальной, эконо-

мической, этнической психологии и психологии личности. Экономисты, юристы, социологи, философы и иные специалисты – Л. И. Абалкин, Н. И. Лапин, Д. С. Львов, А. Д. Некипелов, В. С. Нерсисянц, Г. В. Осипов, Н. А. Симония, В. С. Стёпин, Н. П. Шмелев и многие другие (см., например, [1; 6; 9; 11; 13; 17; 18; 19; 27]) – анализируют не только достижения, но и существенные недостатки проводимых реформ.

С этих общих позиций у нас в институте разрабатывается социальная и экономическая психология группового субъекта. Например, выявлена типология предпринимателей (малый и средний бизнес). Первый тип субъектности нацелен, прежде всего, на собственные возможности, мотивацию самореализации и т. д.; второй (партнерский) – на успех вместе с ближайшим окружением; третий – на государственную поддержку. Все они низко оценивают правовую защищенность бизнеса, хотя у третьего типа мотивация безопасности является доминирующей.

Эти и многие другие исследования группового субъекта неразрывно связаны с изучением индивидуального субъекта: личности, индивидуальности и т. д. Например, раскрыт мотивационный феномен предпочтения работать с другими людьми в условиях тех или иных форм и отношений собственности. Он выявлен как у работников госпредприятий, так и у предпринимателей, у людей, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью и т. д. С одной стороны, феномен предпочтения связан с возрастными-половыми характеристиками работников, но с другой – он зависит от таких социально-психологических факторов, как «консерватизм – радикализм» личности, ее отношение к риску, к конкуренции с другими людьми, к совместному труду и т. д. Значит, реальный выбор социально-экономических условий трудовой деятельности во многом детерминирован психологическим феноменом предпочтения. Иначе говоря, любое психическое свойство, формируясь в ходе предшествующей деятельности, затем при определенных условиях влияет на последующую деятельность субъекта и развивается в ней.

Сравнение индивидуально-психологических характеристик работников государственных и частных предприятий одного и того же профиля трудовой деятельности показало, что различия между ними связаны, в частности, с локусом контроля: для работников госпредприятий более характерна а) экстернальность, а для частных – б) ин-

термальность. В итоге психологический тип локуса контроля может оказывать влияние на выбор субъектом экономических условий (формы собственности и т. д.), в которых он предпочитает работать.

В общем и целом социально-психологические феномены выполняют функции оптимизации взаимодействия личности и группы с новой социально-экономической обстановкой. С одной стороны, порождаясь социально-экономическими изменениями, социально-психологические феномены становятся как бы первичными сигналами, позволяющими оценивать состояние социально-экономических условий жизнедеятельности разных субъектов. С другой стороны, являясь первичными референтами того, насколько социально-экономические изменения устраивают или не устраивают личность и группу, насколько социально-экономические условия необходимо изменять или, наоборот, закреплять, эти социально-психологические феномены тем самым реально воздействуют на социально-экономические изменения – особенно в ближайшей социальной обстановке [25].

Поэтому очень важны исследования возможностей субъекта преодолевать социально-психологические условия, деформирующие развитие личности (К. А. Абульханова и ее сотрудники). Господство рыночной экономики, жесткой конкуренции и т. д. может отрицательно сказаться на судьбе определенных групп людей и породить у них неадекватные интерпретации различных тенденций в жизни общества. Например, формирующиеся мотивы (преуспевание любым путем, жажда власти и др.) могут создать у человека идеализированный образ своего Я. Рассогласование между таким образом и скромными достижениями в реальной деятельности порождает скрытую ненависть и презрение к себе. Эмпирически показано, что у субъектов (их внутреннем и внешнем мире) существуют (уже с детства) здоровые, конструктивные силы, способность преодолевать деформирующие общественные условия и добиваться позитивных успехов. Формирующиеся в деятельности умения справляться с трудностями образуют фундамент стойкости субъекта (Л. И. Анцыферова), понимания себя самого (это конкретно выявлено у разных групп взрослых и пожилых людей).

Психология человека относится к числу тех наук, которые соз-

дают прочный научный фундамент для гуманизма.

Под *гуманизмом* (от лат. *humanus* – человеческий, человеческий) обычно понимается прежде всего признание человека как личности высшей ценностью, его права на свободное развитие и проявление своих потребностей и способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений. Тогда *гуманность* означает именно любовь и внимание к человеку, людям, уважение личности, а *гуманитарный* – это обращенный к личности, к правам и интересам людей, каждого конкретного человека.

Постановка и изучение проблемы человека в их многообразных формах осуществляются одновременно в двух направлениях – «сверху» и «снизу», т. е.: 1) общей методологией и философией, прежде всего философской антропологией [24; 26; 28]; 2) конкретными, частными науками (гуманитарно-общественными, естественными и техническими).

Первое из этих двух направлений призвано разработать методологические основы человекознания, для чего требуется, очевидно, позитивно преодолеть традиционные, недостаточно перспективные попытки построить новую научную систему во многом старыми методами комплексирования, синтеза, выявления обычных и необычных связей между очень и не очень разными науками и группами наук, изучающих человека. В числе последних особое место занимает психология, поскольку уже в самом предмете ее исследования природное и социальное онтологически (точнее, онтически) нераздельны, т. е. недизъюнктивны (здесь имеется в виду только психология людей, но не животных, хотя обе эти психологии неразрывно взаимосвязаны). Иначе говоря, на любом этапе развития психики человека природное и социальное нераздельны, едины: в ней нет ничего, что было бы только природным (а не социальным) или только социальным (но не природным) [4]. Это относится и к высшим уровням духовного развития личности (вопреки широко распространенной теперь точке зрения, отрицающей или умаляющей роль природного в данном случае).

Психика человека – всегда и 1) функция *мозга*, вообще организма, и 2) неразрывная взаимосвязь с *внешним миром*, с окружающей действительностью, поскольку лишь в этой взаимосвязи возникает и формируется сам мозг, а вне его функционирования психика не существует (тем самым оно – функционирование – не является лишь изнутри детерминированным отпращиванием мозга). Мозг – только орган

(не источник) психической деятельности, человек – ее субъект [23].

Эта уникальная целостность природного и социального, составляющая сущность человека и его психики, возникла в ходе антропогенеза и социогенеза и развивается дальше в процессе истории человечества и жизненного пути каждой личности*.

Изучая психическую жизнь людей всегда в неразрывном единстве природного и социального, психология необходимо является важнейшим связующим звеном между основными тремя группами наук: общественно-гуманитарными, естественными и техническими (что неоднократно отмечалось В. Г. Ананьевым, Б. М. Кедровым, Ж. Пиаже и др.). В своей онтологии, методологии, теории и практике реального исследования она содержит и раскрывает наиболее существенные типы целостности природного и социального и способы их системного изучения. Более всего это относится к общей психологии как единой основе всех ветвей психологической науки.

Целостность, единство и системность именно так понимаемой общей психологии обеспечиваются, следовательно, прежде всего ее онтологией. Онтологическим исходным основанием этой науки является ее объект – человек. Он объективно выступает (и изучается) в системе бесконечно однообразных противоречивых качеств. Важнейшее из них – быть субъектом, т. е. творцом своей истории, вершителем собственного жизненного пути, дела делателем. Проблема субъекта – комплексная, междисциплинарная: философская, социологическая, психологическая и т. Я разделяю и развиваю точку зрения авторов, которые считают, что психическое *нематериально*. Оно существует только как важнейшее качество *субъекта* (отнюдь не чисто духовного) и поэтому в разных системных связях выступает как идеальное, душевное, духовное и т. д.

Субъектом является не психика человека, а человек, обладающий психикой.

При таком подходе к субъекту становится также ясно, что создаваемые им и изучающие его науки не могут раскалываться на две группы, например, на науки о природе и науки о духе (что связано еще с неокантианским противопоставлением естественно-научного и культурно-исторического познания), на объясняющую и понимающую

* Вместе с тем нельзя не отметить, что современная наука пока еще не дала убедительного ответа на объективно сложный вопрос о том, как возникли на Земле жизнь, психика (животных) и люди.

щую психологии и т. д. Особо надо подчеркнуть, что дух, душа, духовное и т. д. – это не надпсихическое, а различные качества *психического* как важнейшего атрибута *субъекта*. Гуманистичность психологии неразрывно связана с духовностью (несводимой к религиозности), с духовной деятельностью человека, изучаемой философами, психологами и т. д.

Таким образом, психология (не психологизм!) как главная из наук о человеке уже по самому предмету исследования и ведущим тенденциям развития призвана быть в авангарде гуманизма и все более глубоко разрабатывать его проблематику. Поэтому вслед за философией она может и должна способствовать созданию основы для гуманизации, субъективизации всей системы наук, а также образования и самообразования. Все более направленная на проблематику субъекта (личности и т. д.), психологическая наука призвана помогать воспитанию не просто профессионала, а *личности* профессионала (см., например, [10]), его лучших психических свойств и качеств – духовности, мотивации, способностей, рефлексии и т. д. Когда сама эта наука выступает как единая система, а не как конгломерат лишь внешне связанных друг с другом глав и параграфов учебников, когда она органично вписывается в общую единую картину мира, тогда она подводит прочный фундамент духовности под развитие и преподавание всех научных дисциплин и даже наук о неживой природе. На этом пути преодолеваются технократизм и сциентизм, в частности, фельдшеризм, который справедливо критиковал еще Л. С. Выготский, имея в виду отрыв от научного мышления «технической исполнительской функции исследования, главным образом обслуживания аппаратов по известному шаблону» [7, ч. I, с. 366]. И самое основное состоит в том, что именно на этом пути гуманизм сможет одолеть до сих пор еще весьма значительные рецидивы тоталитаристской и авторитарной идеологии.

Список литературы:

1. Абалкин Л. И. Избранные произведения: В 4-х т. М., 2000.
2. Брушлинский А. В. К психологии творческого процесса (психология мышления вместо так называемой эвристики) // Человек, творчество, наука. М., 1965.
3. Брушлинский А. В. Психология мышления и кибернетика. М., 1970.

4. Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.; Воронеж, 1996.
5. Брушлинский А. В., Поликарпов В. А. Мышление и общение. 2-е, доработ. изд. Самара, 1999.
6. Вторая Всероссийская научная конференция «Россия – XXI век». Издание Совета Федерации. 2000.
7. Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1982-1984.
8. Гельфанд И. М., Розенфельд Б. И., Шифрин М. А. Очерки о совместной работе математиков и врачей. М., 1998.
9. Заславская Т. И. Российское общество на социальном изломе. М., 1997.
10. Климов Е. А. Психология профессионала. М.; Воронеж, 1996.
11. Лапин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000.
12. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1999.
13. Львов Д. С. Развитие экономики России и задачи экономической науки. М., 1999.
14. Московичи С. Век толп. М., 1998.
15. Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998.
16. Мышление: процесс, деятельность, общение / Под ред. А. В. Брушлинского. М., 1982.
17. Нерсисянц В. С. Право – математика свободы. М., 1996.
18. Осипов Г. В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000.
19. Петраков Н. Я. Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., 1998.
20. Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения: экспериментальные исследования / Под ред. С. Л. Рубинштейна. М., 1960.
21. Психологическая наука в России XX столетия / Под ред. А. В. Брушлинского. М., 1997.
22. Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1958.
23. Рубинштейн С. Л. Философско-психологические труды: основы онтологии, логики, психологии. М., 1997.
24. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1997.
25. Социальная психология экономического поведения / Под ред. А.

- Л. Журавлева, Е. В. Шороховой. М., 1999.
26. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992.
27. Степин В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996.
28. Фролов И. Т. О человеке и гуманизме. М., 1989.
29. Activiti Theory and Social Practice / Ed. by S. Chaiklin and others. Denmark: Aarhus Universiti Press, 1999.
30. Moscovici S. Social Consciousness and It's History // Culture and Psychology. 1998. № 3.
31. Social Representations / Ed. by R. Farr and S. Moscovici. Cambridge, 1984.
32. The Theory and Practice of Cultural-Historical Psychology / Ed. by S. Chaiklin. Denmark: Aarhus Universiti Press, 2001.

А. В. Брушлинский

О критериях субъекта*

В течение последних 10–15 лет в нашей стране психология субъекта становится все более актуальной (и, к сожалению, даже модной) отраслью психологической науки, хотя впервые она начала развиваться – главным образом С. Л. Рубинштейном – еще в 1920-30-е годы. Субъект – это прежде всего свободный человек, свободные люди. Следовательно, систематическое и всестороннее развитие такой психологии (инициированное на рубеже 1980-90-х годов в Институте психологии АН СССР – ныне РАН) возможно лишь в условиях свободы слова, мысли и действия, столь характерной теперь для нашей страны.

Любой человек не рождается, а становится субъектом в процессе своей деятельности, общения и других видов активности. Субъект – это человек, люди на *высшем (индивидуализированно для каждого из них) уровне активности, целостности (системности), автономности и т. д.* Для субъекта окружающая действительность выступает не только как система *раздражителей* (с которыми он взаимодействует на уровне реакций) и *сигнальных* раздражителей, но прежде всего как *объект* действия и познания, а другие люди выступают для него тоже

* Брушлинский А. В. О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – С. 9-34.

как субъекты [34]. Поэтому высший уровень является здесь таковым по отношению к *предшествующим* (т.е. до-субъектным) стадиям индивидуального и исторического развития, а также по сравнению со всеми остальными определениями людей (как личностей, индивидов, индивидуальностей и т. д.). Субъект – это всеохватывающее, наиболее широкое понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство всех его качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т. д. Личность, – напротив, менее широкое определение человеческого индивида. Оно обычно на передний план выдвигает ее социальные, а не природные свойства. Например, в новейшем издании «Краткого психологического словаря» (1999 г.) зафиксированы два определения: «Личность – 1) человек как субъект социальных отношений и сознательной деятельности; 2) определяемое включенностью в социальные связи системное качество индивида, формирующееся в совместной деятельности и общении» [21, с. 187]. При этом специально отмечено, что «в российской психологии человека как личность характеризует система обусловленных жизнью в обществе отношений, субъектом которых он является» (там же).

При всей важности такого понимания личности нельзя не учитывать и того, что ряд фундаментальных для человека психических свойств (например, способности) имеют весьма значимые для своего развития природные предпосылки. Это, прежде всего наследственные, генетические *задатки*, которые непосредственно, существенно, но не фатально определяют формирование способностей в процессе деятельности, общения и других видов активности людей. А ведь подлинно *внутреннее в онтогенезе начинается с этих задатков*, и именно они составляют исходные, самые первые внутренние условия, в процессе взаимодействия которых с самыми первыми внешними причинами и начинается возникновение человеческой психики.

В этой связи мне представлялось очень важным в начале 1970-х годов теоретически разработать гипотезу о возникновении человеческой психики не после, а даже до рождения младенца, т.е. в конце *внутриутробного* периода его жизни (см. статью [8]). В течение последних примерно 20 лет за рубежом проведено много успешных экспериментальных исследований данной проблемы (см., например, [46]). И теперь на основании результатов указанных исследований можно считать, что эта гипотеза подтверждается. Поскольку самые первые, элементарные психические (сенсорные) явления начинают

формироваться у человека в конце его внутриутробного (пренатального) развития, то даже в этом случае зарождающаяся психика будущего младенца является, на мой взгляд, простейшим, но уже неразрывным единством природного и социального.

Сделанный вывод существенно отличается от широко распространенных точек зрения, согласно которым человеческий младенец в момент рождения – это животное или полуживотное, которое лишь потом становится человеком (в частности, благодаря обучению и воспитанию происходит очеловечивание, «гоминизация» психики ребенка). Такие точки зрения недостаточно учитывают то важнейшее обстоятельство, что будущий младенец уже при зачатии по самой своей природе является специфически человеческим, т.е. не нуждающимся в очеловечивании. В нем изначально заложены необходимые наследственные (генетические) и врожденные (внутриутробные) основания для развития именно человека, а не животного. Весьма отчетливо это обнаруживается, например, в закладке, пренатальном и постнатальном формировании специфических качеств коры головного мозга, которые обеспечивают единство природного и социального в сложнейшем процессе овладения речью (таковы, в частности, нейроны «слов», т.е. нервные клетки, избирательно активизирующиеся в ответ на некоторые особенности звуков речи, определенных слов и т. д.).

Психика высших животных тоже начинает формироваться во внутриутробном периоде развития, но у них, конечно, отсутствуют вышеуказанные специфические изначально природные свойства. Это, разумеется, не означает, что анатомия, физиология, психика и т. д. животных и людей вовсе не имеют ничего существенно общего. Общее, бесспорно, есть. Но что именно оно характеризует – *живое* или *животное* в человеке? Приведу простой пример. Лет 20 или 30 назад биологи обнаружили в Мертвом море галофильную бактерию, живущую в соленой воде, где вообще никакой другой жизни, по-видимому, нет. Оказалось, что данная бактерия существует благодаря энергии солнца: днем выплывает на поверхность, ловит солнечные лучи, а ночью уходит в глубину, где и перерабатывает солнечную энергию. Когда изучили белок этого низшего микроорганизма, то выяснилось, что он сильно напоминает белок глаза человека. Следовательно, на противоположных – низшей и высшей – стадиях эволюции обнаружен близкий по структуре, родственный белок, который позволяет в первом случае существовать микроорганизму, а во втором – «ловить»

кванты света и видеть. Но ведь эта существенная общность белка не приводит к редукционизму, т.е. не означает, что человек или хотя бы его зрительная система есть бактерия. По той же причине определенная общность различных уровней *живого* у людей и животных не уполномочивает нас на то, чтобы сделать подобные редукционистские выводы.

В своей целостности (системности) природа человека, его биология, физиология и т. д. изначально специфичны, т.е. прежде всего непрерывно взаимосвязаны с социальностью. А потому в психике людей уже с момента ее возникновения в онтогенезе нет ничего, что было бы *только* природным (но не социальным), или, напротив, только социальным (но не природным). Она всегда – нерасторжимое единство природного и социального.

В самом широком смысле социальность – это изначально непрерывные взаимосвязи (производственные, чисто духовные и т. д.) между людьми во всех видах активности, независимо от степени их общественной полезности, нравственной оценки и значимости: будь то высшие уровни творчества, противоправного поведения и др. (стало быть, последнее не может быть асоциальным – вопреки широко распространенным взглядам). Это социальность всех взаимодействий человека с миром (с обществом, с природой, с другими людьми и т. д.) – его индивидуальности, свободы, ответственности и т. д. Любой человек, выходя за пределы уже достигнутого уровня культуры и развивая ее дальше, делает это именно во взаимодействии с культурой, опираясь на нее даже в процессе преодоления ее ограниченности на тех или иных направлениях общественного прогресса. Качественно новый вклад в развитие всей культуры человечества вносят прежде всего выдающиеся деятели науки, искусства, политики, религии и т. д.

Субъектом столь неразрывного, недизъюнктивного единства природного и социального (культуры) становится человек по мере того, как он – будучи еще ребенком, подростком и т. д. – начинает выделять себя (не отделять!) из окружающей действительности и противопоставлять себя ей как объекту действия, познания, созерцания и т. д.! Первый существенный критерий становления субъекта – это выделение ребенком в возрасте 1–2 лет в результате предшествующих сенсорных и практических контактов с реальностью наиболее значимых для него людей, предметов, событий и т. д. путем обозначения их простейшими *значениями* слов. Следующий наиболее важный критерий

рий – это выделение детьми в возрасте 7–10 лет на основе деятельности и общения *объектов* благодаря их обобщению в форме простейших понятий (числа и т.д.) [29; 9, с. 62-64].

Указанные и другие критерии субъектов характерны, прежде всего, для нашей и западной культуры. В иных типах культур эти критерии могут существенно меняться (данная проблема требует специального рассмотрения).

Таким образом, по мере становления человека как субъекта он формирует, создает, конструирует хотя бы простейшие понятия, элементарное понятийное мышление (у ребенка эти понятия формируются в процессе школьного обучения и воспитания). На вышеупомянутом этапе развития деятельности и общения окружающая действительность именно в *понятиях* начинает выступать для людей в качестве *объекта* (а не только как система раздражителей и сигнальных раздражителей). Объект существует только относительно с субъектом, а субъект возникает, действует, живет лишь во взаимосвязи с объектом и с другими людьми как субъектами [34].

Изначальная социальность, включенность в культуру человеческих индивидов на вышеуказанном этапе их развития характеризуется понятийностью их познания и вообще деятельности. Понятия не существуют как платоновские идеи – вне субъекта и его деятельности (познания, обучения, учения и т. д.). Отсюда вытекают, по крайней мере, два вывода, существенных для всей рассматриваемой проблематики. Во-первых, понятия не существуют для ребенка, пока он – в качестве школьника – не начнет овладевать ими в процессе *своей деятельности* (совместной с учителями, воспитателями и т. д.). Во-вторых, понятия не входят в состав «третьего мира», как его раскрывает К. Поппер. Философская теория этого третьего – бессубъектного! – мира, идущая от платонизма и весьма популярная сейчас даже среди многих психологов, на мой взгляд, не учитывает важнейших качеств субъекта, выявляемых субъектно-деятельностной концепцией Рубинштейна и некоторых его учеников. Ввиду особой актуальности этой проблемы рассмотрим ее подробнее.

Уже в своей рукописи 1917-1918 гг. «О философской системе Г. Когена» (недавно опубликованной благодаря О. Н. Бредихиной) Рубинштейн не соглашается, прежде всего, с основным положением идущего от Платона и Канта когеновского идеализма: «бытие покоится не в самом себе», поскольку «мысль создает основу бытия»; «бытие

не существует, а полагается мыслью» и т. д. (см. [35, с. 138 и след.]). Свою новаторскую альтернативу платонизму Рубинштейн наиболее глубоко и систематично разработал в фундаментальном философско-психологическом труде «Бытие и сознание» (М., 1957). Для его субъектно-деятельностной концепции психическое всегда есть функция *мозга*, вообще организма, уже изначально возникающая в процессе непрерывного взаимодействия индивидов с *внешним миром* как все более адекватное отражение последнего. Мозг – только орган (не источник) психической деятельности; человек – ее субъект. Поэтому психическое отражение – не пассивное, не зеркальное отображение реальной действительности. У людей оно развивается в процессе изначально практической (затем также и теоретической, но в принципе единой) деятельности, осуществляемой на различных уровнях общения. Следовательно, психическое возникает, существует и развивается не само по себе, не в качестве субстанции, а только как важнейшее качество людей (и животных). Но вопреки мнению большинства современных психологов Рубинштейн убедительно показал, что психическое – *нематериально*. Это вовсе не означает, что он тем самым стал идеалистом, хотя столь неожиданная для многих такая его точка зрения обычно считается однозначно спиритуалистической (подробнее см. [34]).

Развивая субъектно-деятельностную теорию во второй половине 1950-х годов, т. е. в последнее пятилетие своей жизни, Рубинштейн обычно использует термины «*психическое*» (но не психика), «психическое как *душевное* (но не душа) и как *духовное*» (но не дух). На мой взгляд, в этой терминологии и вообще в такой системе понятий тоже проявляется стремление преодолеть идущие от платонизма тенденции к субстанциализации психики, души и особенно духа. Душа и дух существуют не сами по себе, а только как различные и очень существенные свойства *психического*, т. е. важнейшего качества *людей*.

Основным гносеологическим отношением является взаимоотношение между субъектом и объектом, а вовсе не между идеей и вещью, между психическим образом и отражаемым в нем предметом. Лишь внутри этого исходного и всеобщего для познания отношения как один из его *моментов* существует отношение образа, идеи, т. е. идеального к материальной вещи. Поэтому для Рубинштейна характеристика психического как идеального относится не ко всему психическому, а к *продукту* или к *результату* психической деятельности – к

образу или идее в их отношениях к предмету или к вещи. «Возникновение проблемы идеального в платонизме не даром было связано с противопоставлением *идей* и чувственно данных *вещей*. Идеальность по преимуществу характеризует идею или образ, по мере того как они, объективируясь в слове, включаясь в систему общественно выработанного знания, являющегося для индивида некой данной ему «объективной реальностью», приобретают, таким образом, относительную самостоятельность, как бы вычлняясь из психической деятельности индивида» [34, с. 29]. Это положение Рубинштейна имеет принципиально важное значение для преодоления платонизма. Оно утверждает лишь *относительную* самостоятельность идеального (т. е. системы понятий, вообще знаний, созданных человечеством и прежде всего выдающимися деятелями науки, искусства, политики, религии и т. д.). Для любого индивида, усваивающего эту систему знаний, она является объективной реальностью лишь в кавычках, но не в смысле платоновских идей, обособленных от материальных вещей.

Идеи (понятия и т. д.), неотрывные в своем гносеологическом содержании от отражаемых ими вещей, создаются только людьми (а не животными, не самими по себе машинами и не Богом), т. е. субъектами, взаимодействующими именно с этими вещами. Все более адекватное объекту содержание образов, идей – вообще идеального – является объективным, т. е. независимым от субъекта, конструирующего систему понятий в процессе деятельности. Независимость их содержания от субъекта определяется их зависимостью от отражаемого ими бытия. (Научные знания зависимы от субъекта в другом смысле: чем более он активен в своей познавательной деятельности, тем более глубоко в этих знаниях раскрывается познаваемый объект.).

Рубинштейн очень последовательно и убедительно показывает, что каким бы объективным ни было научное знание (идеальное, объективная истина), оно никогда не возникает помимо познавательной деятельности субъекта и не существует безотносительно к ней. В этом своем результативном выражении (как система понятий) через свои продукты психическая деятельность как познавательная деятельность субъекта переходит в нечто качественно иное – в математическое, физическое, психологическое и т. д. знание различных сторон бытия. «Игнорирование этого фундаментального положения, сведение объективного идеального содержания к мыслям индивида, взятым лишь в их зависимости от последовательных стадий мыслительного (психи-

ческого) процесса, который к ним привел, вне взаимозависимости объективного содержания мыслей, отражающих закономерность объективной реальности, – это суть так называемого психологизма, составляющего ядро субъективного идеализма» [там же, с. 31].

Рубинштейн преодолевает и психологизм, и антипсихологизм (объективный идеализм), очень четко выявляя общую основу этих, казалось бы, взаимоисключающих друг друга философско-психологических направлений. Над ними одинаково довлеет ложная альтернатива, согласно которой «содержание знаний либо объективно – тогда оно существует помимо познавательной деятельности субъекта, либо оно продукт познавательной деятельности субъекта – тогда оно только субъективно. Между тем в действительности никакие идеи, понятия, знания не возникают помимо познавательной деятельности субъекта, что не исключает, однако, их объективности... Всякое научное понятие – это *и* конструкция мысли, *и* отражение бытия» [там же, с. 32].

Если субъективный идеализм (психологизм) проявляется, прежде всего, в том, что он чисто субъективистски отрывает психику от внешнего мира, то антипсихологизм объективного идеализма, платонизма состоит в том, что идеи, понятия, содержание научного знания представляются непосредственно интуитивно данными. (Отсюда интуитивизм сторонников платонизма.). Столь непосредственную интуитивную данность содержания понятий Рубинштейн анализирует на примере концепций Э. Гуссерля, раннего Б. Рассела и других философов, справедливо критиковавших психологизм. Он убедительно показывает, что во всех подобных случаях платонизм начала XX века по сути дела ликвидирует или очень сильно недооценивает мышление как предмет психологического исследования, поскольку антипсихологизм неправомерно рассматривает сознание индивида как простую проекцию объективного содержания или состава знания.

Известный философ Н. Ф. Овчинников [24, с. 202-203] сопоставляет эту рубинштейновскую критику платонизма со своим анализом знаменитой теории К. Поппера (1902-1994), согласно которой *объективное содержание* мышления (научных идей, произведений искусства и т. д.) составляет так называемый «третий мир» [28, с. 439 и след.]. (Первый мир, или универсум, – это мир физических объектов; второй – мир состояний сознания, психических явлений.) Поппер справедливо отмечает, что его теория отчасти идет от Платона и по-

тому закономерно развивает ее в контексте своей общей установки «эпистемология без познающего субъекта». И здесь с этим нельзя не согласиться: при *таком* подходе к обсуждаемой проблеме «третий мир», т. е. научное знание как продукт, результат познавательной деятельности субъекта, уже не нуждается в последнем. И тогда уничтожение субъекта в «третьем мире» закономерно приводит к его изгнанию из теории познания (а значит, и из психологии).

Ясно, что иное решение всей этой проблемы дает субъектно-деятельностная концепция, созданная Рубинштейном и некоторыми из его учеников. Как мы уже видели, вся в целом познавательная (и любая другая) деятельность осуществляется только субъектом и в принципе невозможна без него. Это относится, в частности, к мышлению как *деятельности*, и к мышлению как психическому *процессу*, но также и к продуктам, *результатам* мышления [1–3; 5–10; 25; 27; 29; 30; 34; 36]. Мышление субъекта как процесс в соотношении с его продуктами составляет исходный предмет *психологии*, а сами по себе эти продукты – понятия, суждения и т. д. (вне связи с психическим процессом) в их соотношениях друг с другом выпадают из сферы психологического исследования и становятся предметом *логики* и других наук. Поэтому для субъектно-деятельностной концепции весьма существенно столь принципиальное различие между процессом и его результатом (при всех их взаимосвязях). Но, тем не менее, оно никак не означает, что эти продукты, результаты начинают существовать вне и без субъекта – в третьем мире Поппера.

Более того, на мой взгляд, не может быть и самого «третьего мира», как и вообще такого разделения бытия натрое. Континуально-генетическая (недизъюнктивная) теория [10; 25] раскрывает очень существенные трудности теоретико-множественного, дизъюнктивного подхода к процессуальности, специфической непрерывности психического. Поэтому указанное деление (в математическом, строгом смысле слова) применительно к психическому и его субъекту в их соотношении с окружающей действительностью недостаточно обосновано в теории «третьего мира». Идеальное (понятия, вообще знания со стороны их содержания как продукты познавательной активности людей) не есть нечто третье, параллельное, рядоположное и т. д. по отношению к тому, что в них раскрывается, т. е. по отношению к физическим объектам, в целом к природе, а также к людям с их психикой, иначе говоря, к «первому» и «второму» мирам. Здесь нет и не может быть

параллелизма, логико-математического соответствия между ними.

Очень показательным, хотя и частным случаем такого соответствия является изоморфизм. Теоретически и экспериментально обосновано [7; 10; 22], что изоморфизм не характеризует специфических отношений между психическим образом и отражаемым в нем предметом, между познанием и объектом. Совсем обобщенно это означает, что истина есть адекватность (но не соответствие) познания объективной действительности [34]. Идеальное, вообще психическое нельзя рассматривать как «удвоение» отражаемого, как его зеркальное отображение. Люди (и животные) с их психикой находятся внутри бытия, а не вне его. Например, все живое, обладающее психикой, не создает иной, «второй» мир по отношению к физическому окружению, ко всей неживой природе. Уже психика животных, точнее – животные с их психикой являются мощной, отнюдь не «потусторонней» силой развития всей природы, всей эволюции, в том числе и «чисто физической» среды (как это хорошо показал А. Н. Северцов). В бесконечно большей степени и качественно иначе то же самое утверждали другие мыслители, особенно В. И. Вернадский относительно человечества: возникает ноосфера, т.е. такое принципиально новое состояние биосферы, при котором разумная деятельность человека становится решающим фактором ее (биосферы) развития. Это единство мира – одного, единого! – очень последовательно и систематически раскрывает Рубинштейн в своей завершающей философской рукописи «Человек и мир» (опубликованной благодаря К. А. Абульхановой-Славской). Главное в его выводах: существует единый мир; «таково само бытие в его становлении и разрушении, включающее человека как сущее, осознающее мир и самого себя и потому способное изменить бытие, бесконечно выйти за его пределы. Таков человек как часть бытия, как единичное существо, сохраняющее свою единичность и поднимающееся до всеобщности» [35, с. 112-113].

* * *

Таким образом, «третий» мир (в смысле Поппера) не существует в качестве третьего и уж тем более он не может быть оторван от субъекта. Справедливо полагая, что идеальное (система знаний, понятия и т. д.) обладает весьма существенной спецификой, Поппер неадекватно раскрывает ее суть. Он недостаточно учитывает единство бытия и, в частности, единство деятельности субъекта, познающего целостность всего бытия. Разумеется, верно, что в познавательной дея-

тельности субъекта (индивидуального, группового и всего человечества) на различных стадиях его возрастного и исторического развития неизбежны противоречия, ошибки, не совместимые друг с другом направления мысли и т. д. Но вместе с тем в развитии познания и вообще деятельности субъекта более или менее последовательно намечается до некоторой степени единая перспективная линия. Это можно показать, в частности, на примере неразрывного единства теории и практики, характерного для деятельности субъекта. Как мы видели, даже самые начальные этапы формирования *понятийного*, т. е. простейшего теоретического мышления у детей (затем у подростков и т. д.), означающие первые стадии выделения окружающей действительности в качестве *объекта*, знаменуют непрерывную взаимосвязь сенсорики, практических действий, коммуникативных контактов, элементарных понятий (уж не говоря о мотивации, эмоциях и т. д.). Здесь возникает единство эмпирического и теоретического, весьма существенное для всего последующего развития научного, житейского и т. д. познания. Рассмотрим эту проблему подробнее с позиций философии и психологии субъекта.

На разных этапах истории и в различных странах по-разному складывается соотношение теории, эмпирии и практики в развитии той или иной науки. Например, на рубеже 1950–60-х годов П. Л. Капица так обобщил состояние физики в нашей стране: «...У нас происходит отставание экспериментальной физики от теоретической», но в области теории (в математике и физике) «мы являемся ведущими и занимаем должное место в мировой науке» [18, с. 189–190]. А в США, по его словам, экспериментальные науки развивались в ущерб теоретическим. Что же касается психологии, то в предшествующие десятилетия у нас более или менее соразмерно разрабатывались теория и экспериментатика, но за последнее время заметно вырвались вперед экспериментальные и особенно прикладные исследования. С одной стороны, это хорошо, поскольку психологическая наука все более энергично входит в реальную повседневную жизнь новых групп населения. Но, с другой стороны, как справедливо отмечают некоторые специалисты, часто обнаруживается разрыв между теорией и вышеуказанными разделами нашей науки [30].

В общем и целом в повседневной практической жизни (деятельности и т. д.) людей, в том числе даже детей, необходимо возникают и ее обуславливают обобщения разных типов и уровней: обыденные

эмпирические представления, мифы, религии, научные теории и т. д. Несколько упрощая проблему, можно выделить два крайних типа органической взаимосвязи практики и теории (научной): 1) от практики к теории; 2) от теории к практике. В первом случае сама повседневная жизнь властно требует систематически осуществлять необходимые действия по обучению, воспитанию, лечению и т. д. людей, по организации общества, охоты, земледелия и др. Все это более или менее успешно делалось людьми уже в доисторическую эпоху еще до всякой науки и научной теории. Во втором случае напротив, только в результате и на основе научной теории можно было широко использовать ее выдающиеся достижения непосредственно в общественной практике. Например, только в XX веке по мере возникновения и развития ядерной физики (теоретико-экспериментальной) создавалась ядерная техника, которая внесла эпохальные изменения в жизнь человечества. В свою очередь, ядерная физика стала возможной лишь благодаря успехам предшествующей науки.

Взаимосвязь теории, эксперимента и практики – огромное преимущество науки и вместе с тем одна из ее «вечных» проблем, выступающих по-новому на каждом этапе исторического развития человечества, прежде всего научного познания. Эти три важнейших компонента последнего все более и дифференцируются, и интегрируются в единой системе познавательной и непосредственно практической деятельности субъекта. Таков один из примеров общего «механизма» развития – дифференциации через интеграцию (ср. анализ через синтез). Указанные компоненты науки представляют собой различные уровни или виды активности индивидуального и группового субъекта (того или иного ученого, определенного научного сообщества, человечества в целом). Именно эта *субъектность* и является исходным *основанием* органического, системного единства теории, эксперимента и практики.

Как уже отмечалось выше, любой человек не рождается субъектом, а становится им в процессе своей деятельности, общения и других видов активности. Новейшие психологические исследования, проводимые К. А. Абульхановой, Е. Д. Божович, М. И. Воловиковой, А. Л. Журавлевым, В. В. Знаковым, В. В. Селивановым, Е. А. Сергиенко, В. И. Слободчиковым, Г. А. Цукерман, их сотрудниками и другими специалистами, показывают, как конкретно разные типы личностей и группы становятся субъектами [3; 9; 12; 15; 16; 30; 31; 33; 36-39; 41].

Целостность (системность) индивидуального и группового субъекта составляют основу единства всех видов его активности и, в частности, неразрывных взаимосвязей теории, эмпирии (наблюдения, эксперимента, опросов и т. д.) и практики в процессе развития познавательной деятельности.

Организатор и первый директор Института психологии АН СССР (ныне РАН) Б. Ф. Ломов справедливо полагал, что только такое единство должно определять всю научную деятельность академических психологов, призванных осуществлять главным образом фундаментальные исследования [23]. Мы стремимся поддерживать и развивать дальше эту перспективную традицию. Она конкретизирует старую, очень важную и как будто бы общепризнанную идею о том, что нет ничего практичнее хорошей теории.

На протяжении последних лет в нашей стране в условиях наконец-то обретенной свободы научного творчества, несмотря на огромные трудности, связанные с сокращающимся бюджетным финансированием науки, энергично развиваются новые отрасли психологической теории, экспериментатики и практики: психотерапия, психодиагностика, экономическая, экологическая, политическая, историческая, юридическая, виртуальная и т. д. психология. Почти все сферы общественной практики (промышленность, образование, здравоохранение, бизнес, управление, психологическое консультирование и т. д.) получают теперь в той или иной степени психологическое обеспечение. Постепенно удастся повышать пока невысокий уровень психологической грамотности населения. В этих случаях особенно важно укреплять единство теории, эксперимента и практики.

Психология относится к числу тех наук, которые фундаментально обосновывают необходимость и плодотворность такого единства. Это обоснование дает, прежде всего, психологическая теория деятельности, систематически разработанная С. Л. Рубинштейном, А. Н. Леонтьевым, а потом и многими другими специалистами [30, 34, 35]. Указанная теория раскрывает важнейшую особенность субъекта: люди и их психика формируются и развиваются, прежде всего, в ходе изначально практической деятельности, а потому объективно могут быть исследованы через проявления в такой деятельности. Мы *познаем* действительность (людей, предметы и т. д.), *воздействуя* на нее, преобразуя ее в процессе деятельности. Например, соучаствуя в обучении, воспитании, самовоспитании людей, мы тем самым познаем их

(обучая изучаем и изучая обучаем). Отсюда и возник, в частности, так называемый формирующий эксперимент.

Таким образом, именно теория деятельности (изначально практической, затем также и теоретической, но в принципе единой) раскрывает и утверждает органическое единство теории, эксперимента и практики. Более конкретно это сделано и в отношении того главного «инструмента», с помощью которого люди познают действительность (преобразуя ее), т. е. в отношении самого мышления. Известные работы С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова и др., продолженные в настоящее время, в частности исследованиями Ю. К. Корнилова, А. В. Карпова и другими психологами, убедительно показали, что нет «пропасти» между практическим интеллектом и теоретическим мышлением. Любое мышление неразрывно связано с практикой – непосредственно в первом случае и опосредствованно во втором. Этот принцип единого интеллекта, разрабатываемый сейчас Ю. Я. Голиковым, Д. Н. Завалишиной, А. Н. Костиным и др., означает, что при всей специфичности различных видов и уровней мышления (у ученых, мастеров, рабочих и т. д.) сохраняются единые общие закономерности мыслительной деятельности. Это подтверждается и многочисленными исследованиями повседневного мышления (*everyday thinking*), представленными в англо-американской научной литературе (см., например, [44]).

Соответственно решается более общий вопрос о соотношении фундаментальной и прикладной наук. Вторая из них не просто лишь «прикладывает», реализует те закономерности, которые уже открыты в академических исследованиях; она *продолжает* научное исследование объекта в более конкретных условиях. Посредством анализа через синтез в процессе любого мышления познающий субъект оперирует познаваемым объектом, а не *самими по себе* словами, понятиями, знаками, значениями, смыслами и т. д. (в этих словах, понятиях и т. д. выражается, фиксируется все глубже раскрываемое содержание *объекта*) [25, с. 35–37]. Тем самым определяется исходная *теоретическая* основа для правильного понимания взаимосвязей между теорией и практикой, для ликвидации разрыва между теоретическим и практическим интеллектом, между фундаментальными исследованиями и прикладными разработками. Поскольку даже в ходе предельно абстрактного мышления люди уже изначально оперируют *объектом*, оно тем самым сразу и всегда имеет «выход» к реальной *действительности* и потому всегда существенно также и для прикладной науки. Это

относится и к любому моделированию: модель *не замещает* не «отодвигает» познаваемый объект, а помогает выделять его существенные свойства и взаимосвязи.

Следовательно, и переход от общей психологии к специальным областям психологической науки (к психологии труда, инженерной психологии и т. д.) осуществляется по принципу восхождения от абстрактного к конкретному. Это значит, что не существует двух типов *обособленных* и *рядоположных* закономерностей, относящихся соответственно к общей психологии и ее специальным отраслям. Например, нет такой рядоположности между законами мышления, раскрываемыми общей психологией, и законами, скажем, оперативного мышления, изучаемыми инженерной психологией, и т. д. На самом деле, в первом из указанных двух случаев изучаются наиболее существенные и общие свойства и отношения, фиксируемые в абстрактных определениях, в «чистом» виде, а во втором – эти абстрактные определения вводятся во все более конкретные условия, соответственно видоизменяясь и получая новую специализированную форму проявления. А потому именно в ходе проведения так называемых прикладных исследований удается осуществить *наиболее конкретное* изучение того или иного явления, процесса, предмета и т. д.

Например, известные исследования Н. Д. Заваловой, Б. Ф. Ломова и В. А. Пономаренко в области авиационной психологии глубоко раскрыли взаимосвязи между инструментальной и неинструментальной «информацией» в процессе формирования у летчиков психического образа полета. Тем самым были непосредственно подтверждены, продолжены и развиты существенные достижения общей психологии, выявляющие соответствующие различия и взаимосвязи между субъектно-деятельностным и знаково-речевым (инструментальным) подходами ко всем психологическим проблемам. Точно так же недавно опубликованная под редакцией В. Д. Шадрикова «Рабочая концепция одаренности», разработанная группой московских психологов в рамках Президентской программы «Дети России», развивает и конкретизирует психолого-педагогические закономерности одаренности, наиболее существенные для развития ребенка [32].

Следовательно, во всех этих и подобных случаях не просто *реализуются* «до того» уже полностью известные закономерности, а, напротив, продолжается изучение последних во все более конкретных жизненных ситуациях. Тем самым подтверждаются и обогащаются

результаты экспериментальных исследований мышления как непрерывного *процесса* (К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский и их сотрудники), согласно которым такой процесс не разделяется на два четко отделенных друг от друга этапа: 1) формирование *замысла* решения, инсайт и т. д.; 2) последующая *реализация* такого замысла. В действительности, как показали эти эксперименты, само формирование замысла *продолжается* в ходе его реализации и через его реализацию, т. е. столь резкого деления процесса на две стадии не бывает [1; 7; 10; 29].

Некоторые психологи, считающие правомерным такое разделение надвое мыслительного процесса решения задачи, полагают даже, что первый этап решения относится к творческому мышлению, а второй – к репродуктивному (ср. с фундаментальной и прикладной науками). Но, на мой взгляд, такое «рассечение» мышления на творческое и репродуктивное не подтверждается экспериментальными данными [6; 7; 10]. Ближе к истине другая точка зрения: любое мышление у любого человека всегда, хотя бы в минимальной степени, является самостоятельным, открывающим нечто существенно новое. А потому творческое и продуктивное мышление – это тавтология (типа «красивая красавица»), а репродуктивное мышление – противоречие в определении (типа «жареный лед»).

Субъект в своей деятельности, духовности и т. д. – это субъект творчества, созидания, инноваций. Любая его деятельность (хотя бы в минимальной степени) является творческой и самостоятельной [34]. Труд может быть деятельностью, однако может и не быть ею (когда он – монотонный, принудительный и т. д.). Творчество неразрывно связано с мышлением, но, конечно, не сводится к нему. Мышление всегда – искание и открытие, создание, созидание чего-то существенно нового (по отношению к данному субъекту), поскольку мышление уже с раннего детства изначально возникает и укореняется в повседневной жизни каждого человека. В таком смысле и маленький ребенок, и большой ученый открывают для себя много нового, но обычно лишь во втором случае это новое может стать таковым и для человечества в целом. Отсюда значительное сходство и принципиальное различие между разными уровнями и типами мышления, вообще творчества (см. эксперименты К. А. Абульхановой, Д. Б. Богоявленской, А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой, В. Т. Кудрявцева, А. Н. Поддьякова, Н. Н. Поддьякова, Я. А. Пономарева, В. В. Селиванова и

др.).

Тесты, характеризующие *интеллект*, часто парадоксальным образом противоречат показаниям тестов, диагностирующих *креативность*. Этот парадокс свидетельствует о существенных расхождениях между психологией мышления и психологией интеллекта и объясняется, прежде всего, тем, что во втором случае нередко выявляется не столько *мышление*, сколько *знание* (неадекватно понимаемое как *репродуктивное мышление*?!). При всей важности тестов они не раскрывают психическое как *процесс*, но четко фиксируют некоторые из его *результатов*, что одинаково существенно учитывать для любого типа и уровня мышления, будь то академическая, отраслевая, вузовская и т. д. наука. Это общее положение подтверждается экспериментальным исследованием, проведенным под моим руководством аспиранткой Т. В. Павлюченковой [27].

С такой точки зрения ясно, что представленная здесь позиция относительно фундаментальной и прикладной наук получает дополнительное подтверждение от психологического исследования самой сущности мыслительного процесса. Это подтверждение существенно еще и потому, что фундаментальное и прикладное в науках нередко рассматривают как (соответственно) общее и частное. Но в некоторых теориях общее и частное выступают в отрыве друг от друга. Например, в педагогической психологии разработана концепция, согласно которой формирование (теоретического) мышления у младших школьников, да и вообще у всех людей, осуществляется только в направлении от общего к частному, т. е. вначале общее еще отделено от частного. Иначе данная проблема решается в теоретических и экспериментальных исследованиях, проведенных С. Л. Рубинштейном, некоторыми его учениками и последователями. Эти исследования показали, что мышление возникает и развивается всегда одновременно и от частного к общему, и от общего к частному. «Абстрагирование общего в научном понятии не может означать отрыва его от частного» [34, с. 97]. Для эмпирического обоснования этого вывода решающее значение имеет экспериментальное исследование мышления как непрерывного *процесса* [1; 7; 10; 25; 29; 36].

Теория не есть изучение только общего (вне частного), а практика не сводится к раскрытию частного. Фундаментальная наука (теория, эксперимент и т. д.) всегда в той или иной мере неразрывно связана с практикой, вообще с жизнью, а практика в современном обще-

стве необходимо (хотя бы в минимальной степени) связана с теорией [30; 34; 42; 43].

Например, психологические теории личности создаются, прежде всего, в процессе и на основе психотерапевтической практики (скажем, теория К. Роджерса).

Вместе с тем в своей повседневной жизни огромная часть населения, по крайней мере, цивилизованных стран, не занимаясь профессионально наукой, тем не менее, учитывает и как-то использует определенные научные достижения. Ярким примером могут служить *социальные представления* больших масс людей, глубоко изученные Сержем Московичи, его учениками и последователями. Согласно С. Московичи, социальные представления – это общественное обыденное сознание, в котором очень сложно взаимодействуют на уровне здравого смысла различные убеждения (отчасти иррациональные), идеологические взгляды, знания, собственно наука, раскрывающие и во многом составляющие социальную реальность. Особенно важны социальное происхождение таких представлений, убежденность в их справедливости и их принудительный (для индивида) характер. Наука не вытесняет эти обыденные убеждения, а они, в свою очередь, не обособляются от нее. Напротив, научные представления и здравый смысл в той или иной мере трансформируются друг в друга. Таковы, например, социальные представления о городе, здоровье, болезни, человеческом теле, о женщине и детстве и т. д., тщательно изученные школой С. Московичи [13; 45; 47]. Сейчас некоторые из социальных представлений исследуются на российской выборке К. А. Абульхановой-Славской и ее сотрудниками [33]. Тем самым осуществляется кросс-культурное исследование путем сопоставления западноевропейских и отечественных испытуемых.

Другие кросскультурные исследования, проведенные, в частности, М. Коулом в Африке, показали, что межкультурные различия среди детей и подростков существенно уменьшаются, если последние освоили в школе основные знания и, прежде всего, хотя бы исходные простейшие понятия (арифметические, лингвистические и т. д.). Это означает, что у всех детей, учившихся в школе, их, казалось бы, чисто практическое мышление уже имеет в своем составе некоторые научные знания, понятия и т. д. А потому и в данном случае какие-то компоненты теоретического мышления проникают в повседневное практическое мышление уже у школьников – независимо от их после-

дующего образования. Стало быть, изучая мышление, например, у рабочих в их трудовой деятельности, мы не можем не учитывать и это существенное обстоятельство. Оно становится еще одним аргументом в пользу признания упоминавшегося единого интеллекта, в котором повседневная и заводская практика неразрывно связана хотя бы с некоторыми элементами понятийного мышления.

Целостность субъекта означает прежде всего единство, интегральность его деятельности и вообще всех видов его активности. Еще до формирования у новорожденного младенца самых первых, простейших практических действий (т. е. исходных компонентов начинающейся, предельно элементарной практической деятельности) сначала возникают уже во внутриутробном периоде первичные психические (сенсорные) явления, регулирующие потом эти формирующиеся начальные действия. По мере дальнейшего развития такой практической деятельности из нее выделяется в качестве особой теоретической (прежде всего познавательная) деятельность, которая, однако, не обособляется в некую самостоятельную активность, поскольку ее продукты, в конечном счете, снова включаются в состав исходной деятельности, поднимая ее на более высокий уровень. Это и есть *единая* деятельность индивидуального и группового субъекта.

Например, первобытные люди вначале научились практически (шагами и т. д.) измерять земельные участки, и только потом, на основе знаний, формирующихся в ходе такой примитивной (до-теоретической) практики, постепенно возникла и развивалась геометрия как особая теоретическая наука. В итоге практическая и теоретическая деятельности взаимосвязаны — особенно в наше время (у учителей, врачей, квалифицированных рабочих, организаторов производства, государственных деятелей, военачальников и т. д.).

А потому «во всех слоях научного знания содержится схематизированное и идеализированное изображение существенных черт практики, которое вместе с тем (а вернее, в силу этого) служит изображением исследуемой действительности» [40, с. 169]. При правильном понимании деятельности субъекта она не расщепляется на оторванные друг от друга практическую и теоретическую деятельность, хотя первая из них — в ее *простейшей* форме — генетически является первичной. «Не практика сама по себе, т. е. безотносительно к научной теории, а единство практики и научной теории становится осно-

вой последующего развития научного познания» [26, с. 28].

Таким образом, практика, отделенная от теории (как и теория, оторванная от практики), не является деятельностью в строгом смысле слова. Практика не тождественна деятельности (подробнее см. [11]).

Поэтому, когда говорят, что «сама практика» подведет нас к решению проблем, связанных с реформами в России (см. выше), то одной из причин столь неоправданных надежд является, на мой взгляд, одностороннее понимание роли обратных связей как регуляторов деятельности субъекта.

Первооткрыватели обратных связей как универсального «механизма» саморегуляции у животных, людей и в технических системах – П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн, Н. Винер – внесли огромный и общепризнанный вклад в современную науку и технику. П. К. Анохин справедливо полагал, что понятие обратной связи – это «душа кибернетики». Вместе с тем, данное понятие, давно уже ставшее традиционным, нуждается в уточнении именно с позиций психологии субъекта.

Традиционная трактовка обратных связей характерна не для любых типов взаимоотношений между различными видами функционирования и их результатами, а лишь для строго определенных соотношений между ними: непосредственных, наглядно-чувственных, сигнальных, заранее заданных, однозначных и т. д. Приведу лишь один самый любимый пример Анохина: наливание воды из графина в стакан (или различные двигательные акты у животных и людей). Однако человек осуществляет и бесконечно более сложные виды активности: мышление (несводимое к наглядно-действенному и наглядно-чувственному), совесть, свобода, творчество и т. д. Во всех подобных случаях исходные цели, текущие и конечные результаты, вообще вся детерминация выходят далеко за пределы наглядно-чувственных и заранее заданных соотношений. В этом, в частности, и проявляется специфичность субъекта, отличающая его от животных и технических систем. Тем самым сила обратных связей как универсального «механизма» саморегуляции и у людей, и у животных, и в технике оборачивается их слабостью, поскольку здесь не учтено своеобразие человека как субъекта. Обратные связи необходимы, но *недостаточны* для *высших* уровней активности людей. На этих уровнях наглядно-чувственные сигналы, непосредственно соотносимые с заранее заданными критериями, уже *не сами по себе* как бы автоматически регули-

руют всю активность человека в обход субъекта, а именно и только субъект с помощью своего мышления, совести и т. д. раскрывает отнюдь не очевидное значение вышеуказанных сенсорно-перцептивных данных [9; 10]. Если бы обратные связи были *достаточными* для высших уровней саморегуляции субъекта, то, например, даже такие сверхсложные виды деятельности, как реформирование нашей страны, сразу же на любом этапе приводили бы к результатам, ясным и очевидным для всех участников и наблюдателей такого реформирования. Но, к счастью (или к сожалению?), это невозможно. А потому чуть ли не каждый, даже промежуточный результат всей указанной деятельности по-разному понимается и принимается различными людьми и общественными объединениями. В этом очень отчетливо проявляется специфика субъекта и высших уровней его активности.

Список литературы

1. Абульханова К. А. О субъекте психической деятельности. М., 1973.
2. Абульханова К. А. Стратегия жизни. М., 1991.
3. Абульханова К. А. Психология и сознание личности. М. – Воронеж, 1999.
4. Анцыферова Л. И. Психологическое содержание феномена «субъект» и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000.
5. Брушлинский А. В. Роль анализа предметных отношений и силлогизма в процессе мышления // Тезисы докладов на 1 Съезде Общества психологов СССР. Вып. 3. М., 1959.
6. Брушлинский А. В. Творческий процесс как предмет исследования // Вопр. философии, 1965, № 7.
7. Брушлинский А. В. Психология мышления и кибернетика. М., 1970.
8. Брушлинский А. В. О соотношении биологического и социального в развитии личности // Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974.
9. Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
10. Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.-Воронеж, 1996.

11. Брушлинский А. В. Практика – это еще не деятельность // Независимая газета, 22 марта 2000 г. (приложение «Наука»).
12. Воловикова М. И. Нравственное становление человека: субъектный подход // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000.
13. Донцов А. И., Емельянова Т. П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987.
14. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб, 1999.
15. Журавлев А. Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000.
16. Знаков В. В. Понимание в познании и общении. Самара, 2000.
17. Изучение практического мышления: итоги и перспективы. Под ред. Ю. К. Корнилова. Ярославль, 1999.
18. Капица П. Л. Эксперимент, теория, практика. М., 1981.
19. Карпов А. В. Психология принятия управленческих решений. М., 1998.
20. Корнилов Ю. К. Проблемы психологии практического интеллекта // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000.
21. Краткий психологический словарь. Ростов н/Д, 1999.
22. Ломов Б. Ф. Системность в психологии. М. – Воронеж, 1996.
23. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1999.
24. Мамчур Е. А., Овчинников Н. Ф., Огурцов А. П. Отечественная философия науки. М., 1997.
25. Мышление: процесс, деятельность, общение. М., 1982.
26. Ойзерман Т. И. Опыт критического осмысления диалектического материализма // Вопр. философии, 2000, № 2.
27. Павлюченкова Т. В. Мышление как процесс и тесты // Современная личность. Под ред. К. А. Абульхановой и др. М., 2000.
28. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.
29. Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения. Экспериментальные исследования. Под ред. С. Л. Рубинштейна. М., 1960.
30. Психологическая наука в России XX столетия. М., 1997.
31. Психолого-педагогические проблемы развития школьника как субъекта учения. Под ред. Е. Д. Божович. М. – Воронеж, 2000.
32. Рабочая концепция одаренности. М., 1998.
33. Российский менталитет. Под ред. К. А. Абульхановой и др. М.,

- 1997.
34. Рубинштейн С. Л. Избранные философско-психологические труды. М., 1997.
35. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1997.
36. Селиванов В. В. Мышление в личностном развитии субъекта. М. – Смоленск, 2000.
37. Сергиенко Е. А. Природа субъекта: онтогенетический аспект // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000.
38. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология человека. М., 1995.
39. Социальная психология экономического поведения // Под ред. А. Л. Журавлева и Е. В. Шороховой. М., 1999.
40. Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000.
41. Цукерман Г. А. Опыт типологического анализа младших школьников как субъектов учебной деятельности // Вопр. психологии, 1999, № 6.
42. Activity theory and social practice. Aarhus Univ.Press, Denmark, 1999.
43. European psychologist. Special issue: 30 teleinterview on psychology in Europe. 2000, V. 5, N 2.
44. Everyday Cognition. Cambridge, London, 1984.
45. Farr R., Moscovici S. (Eds.). Social Representations. Cambridge, 1984.
46. Maurer D., Maurer Ch. The World of Newborn. N.Y., 1988.
47. Moscovici S. Social consciousness and its history // Culture and psychology. 1998. V. 4, N 3

К. А. Абульханова

**Рубинштейновская категория субъекта
и ее различные методологические значения***

Разработка категории субъекта в отечественной психологии связана с именами Б. Г. Ананьева, Д. Н. Узнадзе и С. Л. Рубинштейна. Последнему принадлежит наиболее развернутая философско-

* Абульханова К. А. Рубинштейновская категория субъекта и ее различные методологические значения // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – С. 34-51.

психологическая концепция субъекта, которая была сформулирована еще в двадцатых годах, выдержала почти тридцатилетний период своего подпольного существования и была представлена в рукописи «Человек и мир», опубликованной лишь через тринадцать лет после смерти ее автора. В нашей стране табу на идею субъекта было наложено тоталитарной идеологией до середины шестидесятых, но уже в конце восьмидесятых на конгрессе в г. Брайтоне мировая философская мысль констатировала «смерть субъекта», опираясь, с одной стороны – на ницшеанскую и буддистскую критику этой категории, с другой – указывая на то, что в системе современного гуманитарного знания она оказалась бесконечно малой, практически исчезающей величиной. И вопреки всему этому неожиданно сегодня именно в России можно наблюдать расцвет и торжество этой категории: привилось и проросло это зерно гегелевской философии. И с этого времени рубинштейновская категория субъекта обнаруживает свои все новые и новые *философские, методологические и конкретно-научные* значения.

Два исходных положения имеют собственно *философское* значение. Посредством этой категории Рубинштейн, во-первых, частично восстанавливает, а в основном создает заново *онтологию* – учение о бытии, включающее в качестве эпицентра субъекта. Во-вторых, одновременно он разрабатывает новый вариант философской антропологии, которая находилась под запретом даже в качестве ранних философских рукописей К. Маркса. Он раскрывает особую роль и место человека в бытии, мире, человека, которого разные философско-психологические течения пытались заменить его сознанием, психикой, превратив их в субъекта. Субъекта характеризует, по Рубинштейну, активность, способность и к развитию и интеграции, самодетерминации, саморегуляции, самодвижению и самосовершенствованию. Субъект – это идеал или высший уровень развития человека.

Методологические значения этой категории Рубинштейн раскрывает, переводя ее из чисто философской в контекст логики и методологии науки (гуманитарного знания), полемизируя с баденской и марбургской школами (в последней из которых он получил свое философское образование) по поводу природы гуманитарного знания. Он отвергает марбургскую парадигму телеологизма и субъективизма в определении сущности этого знания и для раскрытия присущего этому знанию типа причинности выдвигает принцип субъекта. Присущая субъекту самодеятельность, самодетерминация имеют не субъек-

ективный, а объективный характер, что и позволяет доказать объективность метода всех гуманитарных наук. Рубинштейн обосновывает объективность гуманитарного знания, раскрывающего особый тип причинности бытия посредством доказательства объективности качественной специфичности субъекта. Категория субъекта распространяется на все гуманитарные науки (психологию, этику).

Несколько схематизируя, можно сказать, что оторвавшись (с момента своего становления как эмпирической науки) от философии, психология отрезала себя не только от столетних традиций, на протяжении которых осуществлялись поиски разных определений сознания. Она лишилась, став самостоятельной наукой, векового методологического опыта выстраивания системы абстракций. С этим, по существу, и был связан кризис психологии на *рубеже веков*. Но *категория субъекта*, реабилитированная С. Л. Рубинштейном, задавала методологические ориентиры для дифференциации различных психологических понятий субъектов и их синтеза на особой системной основе, присущей именно психологии.

Методологическое значение этой категории заключается в том, что она позволила поставить проблему дифференциации и одновременно интеграции гуманитарного знания и конкретных наук. Это ее значение было раскрыто в шестидесятых годах уже после смерти Рубинштейна на основе его концепции, когда и в психологии, и в этике и других науках начали возникать специальные категории субъектов, раскрывающие специфику каждой данной области знания. И тогда-то возникла обратная проблема, как от этой специфики можно перейти к способу их соединения, заключенному в философской категории субъекта.

Эта конкретизация довольно далеко продвинулась в психологии, где начали интенсивно дифференцироваться понятия субъекта деятельности, субъекта познания, субъекта общения (Б. Г. Ананьев), субъект-субъектных отношений (Б. Ф. Ломов), наконец, субъекта жизни (С. Л. Рубинштейн). Но еще не решенная задача заключается в том, чтобы не только указать на их дифференциальный характер, но раскрыть закономерную специфику каждого субъекта таким образом, чтобы не оторвать ее от философского значения этой категории. Одна из таких попыток была предпринята К. А. Абульхановой при обосновании природы субъекта психической деятельности. Ключевая идея заключалась в раскрытии противоречий, присущих индивиду, лично-

сти в ее соотношении с обществом, противоречивости самого соотношения индивидуального и общественного, и определения субъекта через способность к их разрешению. Субъект, обладающий сознанием и психикой, был определен как одновременно источник порождения противоречий (благодаря своей активности) и способности к их решению. Однако на пути интеграции психологии на основании этой категории оказалась другая категория – категория деятельности, посредством которой психологи предполагали решить эту задачу.

Поскольку советская идеология и философия определили на долгие годы лидерство «безсубъектного» подхода: материя без человека, познание, деятельность, психика – без субъекта, центральное место в психологии заняла психологическая концепция деятельности, достаточно абстрактно определяемая через мотив, предмет, цель, результат. Проблема заключалась в том, что она, с одной стороны, как будто бы воплощала в себе специфику психической активности субъекта (мотив и т. д.), с другой – при доказательстве объективности психического – оказывалось, что все психические процессы проявляются и развиваются в деятельности (т. е. в другом, имеющем статус объективности). В одном случае имелось в виду внутреннее «строение» деятельности (А. Н. Леонтьев), в другом – проявление внутреннего во внешней (реальной, практической) деятельности. Акценты на структуре этой деятельности, на ее предметном характере – при всей их важности – замаскировали, отодвинули на задний план проблему ее субъекта. В этом виде деятельность наступила как нечто идеальное, обладающее качеством само-движения, и теперь уже реальная, практическая деятельность оказалась лишь декларируемой категорией, отодвинулась на задний план. Именно этот вариант деятельностного подхода в 1970-х годах создал опасность того, что деятельность уничтожит специфику психики, сознания, личности. Рубинштейновский – более исторически ранний – принцип единства сознания и деятельности предполагал их различие и связь именно на основе их различия, а не слияние и отождествление.

Это серьезнейшее методологическое недоразумение разрешается следующим образом. Согласно Рубинштейну, категория субъекта многомодальна: она выявляет не только разные, вышеперечисленные характеристики самого субъекта, но и его разные отношения к миру. Таковыми, согласно Рубинштейну, являются по крайней мере следующие отношения: познавательное, деятельностное (деятельность),

этическое (отношение к другому человеку) и включающее последнее – созерцательное: субъект в процессе сознания реорганизует объект, но не изменяет его онтологически, реально, выявляет его подлинную сущность, и в этом его радикальное отличие от деятельности. Каждому из этих отношений присуща своя «логика», своя качественная определенность. При таком многомодальном подходе деятельность перестает быть своеобразным субъектом, в которого она постепенно превратилась в психологии, а занимает место одного из отношений субъекта к миру.

Подход С. Л. Рубинштейна и Б. Г. Ананьева впоследствии неожиданно получил поддержку от исследователей по инженерной психологии и труда, поскольку именно они изучали особенности, виды, способы реальной деятельности, прежде всего профессиональной. На первый взгляд, их парадигма противоречила субъектному подходу, поскольку на первый план выходило отнюдь не целеполагание, свобода и мотивация субъекта, а, напротив, необходимость деятельности, не только ее условия, но и профессиональные, нормативные требования, иногда жесткие. Исходная концепция инженерной психологии и была попыткой минимизировать роль человека в системе «человек-машина». Но последующая альтернативная ей концепция, и, прежде всего, представленная моделью активного оператора, по сути, отвечала идее субъектного подхода, но реализованного уже в реальной, практической, профессиональной деятельности.

Именно в этом случае, во-первых, возникает возможность конкретизировать понятие субъекта деятельности в психологии. Попытка конкретизации деятельности через дифференциацию деятельности и общения имела место в дискуссии на страницах журнала «Вопросы философии» между Б. Ф. Ломовым и А. Н. Леонтьевым. Б. Ф. Ломов обратил внимание на специфику *субъект-субъектных* отношений как раскрывающих специфику общения, в отличие от деятельности.

Однако перейти от методологической парадигмы субъекта, как источника активности к теоретической разработке его критериев оказалось весьма трудной задачей. Причиной этого была несвязанность, несостыкованность методологического и теоретического уровней рассмотрения субъекта, поскольку теоретически понятие субъекта приобретало дифференциальное значение. Уже Б. Г. Ананьев (в отличие от С. Л. Рубинштейна и Д. Н. Узнадзе) оперировал дифференциальным понятием субъекта: отличал субъекта познания от субъекта дея-

тельности и от субъекта общения.

В 1970-е годы начался этап своеобразного умножения субъектов: говорилось и об обществе как субъекте, о субъекте совместной деятельности, об испытуемом как субъекте психической деятельности, морали и т. д. Но прибавлялось ли что-либо этими определениями к раскрытию их сущности, кроме уже очевидного признания активности?

Еще в идеалистической философии понятие субъекта указывало на источник активности. В марксистской философии последнего периода с понятием субъекта стало связываться представление об определенных *уровнях* общественной организации людей, их общественных отношениях. Категория субъекта дает возможность психологу методологически различать пропорциональные тому или иному субъекту масштабы активности и соразмерные ему формы деятельности, а не только дифференцировать познание, общение и деятельность.

Деятельность общественного субъекта на уровне системы общественных отношений обладает одними возможностями организации – деятельность на уровне коллективного субъекта, конкретной общности – другими, а на уровне личности как инициатора, субъекта деятельности – обнаруживаются третьи особенности. Иными словами, *деятельность выступает в разном качестве, разной форме в зависимости от того, в какой системе отношений рассматривается уровень ее субъекта*. Разные субъекты имеют разные уровни, масштабы и способы своей деятельности, а соответственно – разные возможности изменения действительности, имея дело с разной действительностью.

Сложившаяся в психологии структура деятельности (соотношение мотива, цели и т. д.) была скорее ее внутренней, субъективной структурой, несмотря на указание на ее предметный характер. Категория субъекта позволила раскрыть, что деятельность представляет собой способ связи субъективного и объективного, свободного, произвольно иницируемого субъектом и *необходимого*. Сегодня в психологии учитывается не только традиционное определение деятельности, которое связано с наличием цели. В психологию через прикладные области – психологию труда, инженерную психологию – постепенно вошло представление об общественно-необходимом характере деятельности как труда. Поэтому никогда субъективные мотивы, цели, возможности личности не совпадают с теми требованиями, которые деятельность предъявляет к человеку (деятельность в качестве

труда, профессии, занятия и т. д.). Функция субъекта и состоит в решении, этого противоречия, т.е. в реализации целей, возможностей, притязаний личности в соответствии с объективными условиями профессиональной деятельности (социальными, техническими и т. д.).

Если первоначально с деятельностью связывались способности, мотивы, т. е. она рассматривалась безлично, то по мере развития личностной проблематики стало возможным соотнесение личности и деятельности. Характеризуя состояние разработки проблемы личности в психологии, достаточно сказать, что в первом пособии по психологии Корнилова, Теплова и Шварца (1938) вообще не было главы о личности. Ее определение впервые дается Рубинштейном в «Основах общей психологии» (1940), в трудах Ананьева глава о личности появляется в 1945 г., Левитова – 1952 г., Теплова – 1953 г., Артемова – 1954 г. А. Н. Леонтьев практически осуществил отождествление деятельности и личности. С. Л. Рубинштейн рассмотрел личность как субъекта, различным, но каждый раз определенным образом связывающего сознание и деятельность.

Однако как личность становится субъектом деятельности? Или она, как предполагают многие, изначально является субъектом? По-видимому, к ответу на последний вопрос стоит идти, первоначально рассмотрев личность как субъекта деятельности.

Основной вопрос заключается в следующем: личность как субъект деятельности лишь *проявляет* свои свойства, способности, цели и мотивы или в качестве субъекта она изменяется? Мы предполагаем, что она обладает некоторой динамической способностью к композиции, представляющей собой «ансамбль», «оркестр», в котором одни качества компенсируются другими, вводятся то мотивационные, то волевые механизмы, устанавливаются пропорции усилий, затрат (цена деятельности) в соответствии с объективными требованиями деятельности и ее ценностью для субъекта. Если структуру личности представлять как иерархию (как предполагают одни – субординационный принцип ее организации) или совокупность ортогональных качеств, особенностей (так полагают другие, придерживаясь координационного принципа организации), то и в том и в другом случае саморегуляция субъекта есть «вертикаль» этой иерархии или координатор разно-модальных качеств, приводящая их в связь, необходимую для функционирования личности.

Таким образом, на основе категории субъекта деятельности

сближается общепсихологический подход к деятельности с ее пониманием в качестве профессиональной деятельности (профессии), труда, сближаются общая психология, психология личности, психология труда, инженерная психология и т. д.

Психологическая концепция деятельности на основе категории ее субъекта, кроме раскрытия ее психологической инвариантной структуры, которая долгие годы находилась в центре внимания ведущих психологов, должна обогатиться раскрытием этапов «превращения» личности в субъекта разных видов деятельности, включая становление личности профессионалом (выбор профессии, овладение профессией, достижение разного уровня профессионального мастерства). Однако возможны разные направления такого исследования. Если проводится личностно ориентированное исследование с целью выявить личностные характеристики процесса становления субъекта деятельности, то должны быть учтены особенности личности как субъекта жизненного пути: как личность самовыражается в деятельности, в профессии, в какой период жизни она достигает профессионального совершенства, как она сама связывает разные виды деятельности в своем жизненном пути. В профессионально ориентированных исследованиях предполагается разработка системы критериев профессионального совершенствования и может быть введена – столь же отнесенная – категория меры становления субъектом деятельности.

Однако в целом проблема превращения или не превращения личности в субъекта деятельности является не только проблемой ее желаний и доброй воли. Если личность не осознает противоречия между своими данными возможностями и социальными требованиями, не решает его, то она расплачивается психологической или личностной «ценой». Это понятие, пришедшее из инженерной психологии, на первый взгляд, из узкой и специфической области науки, на самом деле имеет принципиальный научный и жизненный смысл. Деятельность человека может быть оптимальной, результативной социально, но усилия, которые он вынужден затрачивать ежедневно, истощают его жизненные силы, работоспособность, порождают неудовлетворенность жизнью. В конечном итоге все жизненные силы человека уходят на восполнение этого несоответствия.

Осознавая, что его труд не стоит тех усилий, которые на него затрачиваются, что результат покупается слишком дорогой ценой, и постоянно живя с этим сознанием, человек неизбежно деградирует

как личность. Как же изменяется качество личности, ставшей субъектом? В чем состоит «механизм», производящий в ней «переворот»? Во-первых, все эти психические процессы, свойства, состояния, способности и т. д., которые рассматривались психологами в теоретически реконструируемых структурах, выступают в качестве средств «обеспечения» деятельности и жизнеспособности личности (А. А. Деркач, В. Д. Шадриков). Есть типы, действующие эмпирически, т. е. минимально использующие свой интеллект, волисилы, минимально напрягающие свою волю, тратящие минимум энергии и т. д. Становление личности субъектом деятельности есть процесс реорганизации, *качественного преобразования* включенных в деятельность и обеспечивающих ее осуществление психических и личностных свойств в соответствии с требованиями деятельности и критериями самой личности. Мышление, память, воля выступают не как характеристики самой по себе личности, как принято в психологии, а как ее ресурсы, используемые так или иначе в деятельности, в жизни в целом. Такой подход, состоящий в функциональном рассмотрении субъекта, позволяет принципиально иначе рассматривать содержание психологических, личностных и др. задач, которые он решает в деятельности, и соотношение тех разных средств – в широком смысле слова, которыми он пользуется. Например, одну и ту же задачу субъект может решать сугубо эмпирически – в ином случае другой субъект решает ее сугубо теоретически как проблему, требующую интеллектуального анализа и синтеза. И наоборот, скажем, насколько более интеллектуально или нравственно оснащен субъект, настолько иначе он воспринимает и формулирует задачу. Это, во-первых.

Во-вторых, подобные ресурсы образуют такую индивидуальную композицию, которая не может быть охвачена единым инвариантным теоретическим описанием – эта композиция отвечает тому или иному соотношению личности и деятельности, *способу* деятельности, который выбирает для себя личность в труде, в жизни, в данной ситуации. Эта композиция с точки зрения личностно-психологических составляющих отвечает критериям удобства, легкости-трудности, оптимальности для данного человека, сочетает определенные уровни его организации, выдвигая как ведущий то сознательно-произвольный, то автоматически-неосознанный и т. д. Эпицентром – механизмом этой композиции является саморегуляция.

В-третьих, личность исходит не только из психических ресур-

сов, способностей, возможностей, потребностей, а из своей стратегии – жизни и деятельности, из своего отношения к делу и жизни. Никакое глубокое знание мотивации и воли не поможет психологу понять причины безволия и пассивности, если им не учитывается пессимистическое отношение личности к жизни, будущему. Все то, что должно, согласно теории, побуждать и действовать, – не функционирует, «не работает». Человек с волевым характером живет, не работая, скучно и неинтересно, если жизнь или он сам привели его к выводу о бессмысленности жизненных устремлений и усилий.

Наконец, определение субъекта как разрешающего противоречия позволяет понять, почему личность, уходящая от таких решений, начинает подвергаться деформации, деградации, фрустрации. Во внутриличностной организации происходит регресс первоначальных оптимальных для нее пропорций в силу неадекватного способа жизни и деятельности. Оставаясь личностью, она перестает быть субъектом в силу своей «неподлинности». Защиты, фрустрации, стрессы, комплексы, болезненное самолюбие – проявление этой неподлинности.

Таким образом, с одной стороны, исходные личностные особенности преобразуются, когда она становится субъектом деятельности, другие – развиваются (такие как способности), но третьи – консервативно остаются ведущими личностными характеристиками способа деятельности, определяя большую или меньшую степень ее становления субъектом деятельности. Основной личностной характеристикой деятельности оказывается интеграл притязаний личности – совокупность ее требований и ожиданий к качеству, эффективности и времени деятельности, саморегуляции и удовлетворенности. Отечественной психологией – в отличие от западной (особенно американской) в традиции изучения удовлетворенности, оптимизма, счастья, был сделан акцент на социальную продуктивность, производительность деятельности. Проблема удовлетворенности вообще была исключена и как социальная, и как психологическая. Однако сейчас в контексте изучения субъекта деятельности мы учитываем субъективную приемлемость, но не только результата деятельности, но и самого способа ее осуществления, ее качества, степени трудности, которую определяет для себя субъект заранее или постфактум.

С точки зрения психологии, сама личность закладывает определенные критерии удовлетворенности или неудовлетворенности в уровень своих притязаний, ожиданий. При отсутствии результата можно

удовлетвориться мерой преодоленных трудностей, тем, что не изменил себе, «сохранил лицо» и т. д. Другой, недавно очень распространенный тип личности удовлетворялся социальным одобрением, статусом и т. д. без каких-либо значимых результатов, заведомо изменяя себе. Однако с психологической же точки зрения – при том, что удовлетворенность есть относительная к личности, ее понятиям и принципам величина, – это источник дальнейшей активности, то «подкрепление», которое представляет собой не предметный, а личностный результат и дальнейший двигатель ее усилий. Если неудовлетворенность, подобно страху, стрессу производит определенные разрушения, деструкцию в дееспособности человека, то удовлетворенность «питает» его силы, повышает жизненную энергию. Но удовлетворенность есть та субъективная и объективная результирующая деятельности личности, которая поддерживает ее дальнейшую мотивацию по принципу обратной связи. Удовлетворенность субъективно интерпретируется личностью более глубоко или поверхностно в зависимости от ее исходных притязаний (один удовлетворяется малым, другой – не удовлетворен и большим, значительным результатом).

Именно поэтому мы рассматриваем удовлетворенность в интеграле притязаний и саморегуляции личности, который представляет собой систему ее активности. Последняя же характеризует не только систему организации субъекта, но способ связи субъекта с действительностью, в которой он осуществляет деятельность. Активность проявляется в структурировании субъектом своей деятельности, в определении ее задач, их последовательности, согласовании внешних событий деятельности со своими усилиями, организации ее пространства. Активность субъекта проявляется в определении задач деятельности, т. е. способе сочетания тех условий и требований, тех трудностей и усилий, которые потребуются для их решения. И сегодня, когда сокращается производство, исчезают некоторые профессии, депривируется наука, когда тысячи людей старшего поколения по типу своему, сложившемуся при тоталитаризме, не могут перестать быть исполнителями, служащими, отсиживающими на работе положенные рабочие часы, чрезвычайно важно, чтобы люди могли осознать психологические проблемы своего труда, соотношение своей личности и профессии. Постановка проблемы субъекта, на наш взгляд, может способствовать такому осознанию – нахождению относительной независимости способа осуществления деятельности от ее требований,

поиску новых способов решения противоречия между личностью и трудом.

Таким образом, если личность, согласно общепринятому определению – интегративная система, если активность, согласно нашей гипотезе, – это интеграл притязаний, саморегуляции и удовлетворенности, то субъект деятельности – это синтез или интеграл качеств личности в ее способе осуществления деятельности и требований деятельности к личности. Этот интеграл оформляется в виде вышеупомянутых задач, в которых субъект может преобразовать не только свои личностно-психологические ресурсы, но и сами условия и требования деятельности.

Оптимальная организация деятельности субъектом это та, при которой движущие силы его деятельности опираются на способности, саморегуляцию и ответственность. Ответственность – максимальное выражение субъектной позиции в деятельности: добровольное взятие на себя гарантий по обеспечению условий ее осуществления, гарантий по уровню качества деятельности, гарантий ее результата, готовность отвечать за любые последствия (несоответствие целей и результатов и т. д.). В психологии еще предстоит выявить релевантность разных типов личностной ответственности задачам и ситуациям деятельности.

Специфику самой личности удалось выявить благодаря рубинштейновской категории (или специальному понятию) *субъекта жизнедеятельности, субъекта жизненного пути*. Со времен Ш. Бюлер сформировалось множество разных подходов к его изучению – событийный, биографический или близкий к социологическому, среди которых рубинштейновский субъектный подход занимает особое место. Он дал возможность, во-первых, рассмотреть саму личность проективно в масштабах жизненного времени и пространства. Во-вторых, он дал возможность понять личность как многоуровневую систему. На высшем уровне находятся те ее качества, которые можно назвать *жизненными способностями*. Это высшие ценностные образования, механизмы, выработанные в ходе самой жизни субъекта, – активность, сознание, способность к организации времени жизни. В-третьих, он дал возможность объяснить развитие личности через способ разрешения субъектом жизненных противоречий (разработать типологию этих противоречий и их решений). В-четвертых, он позволил раскрыть своеобразную теорию относительности применительно к определению субъекта. В собственно философском определении

субъект – это высший уровень развития человека, его совершенство. Поэтому философский смысл этого понятия в психологии должен быть конкретизирован. Можно и нужно сочетать его с понятием меры или принципом относительности. Та или иная личность в разной мере является субъектом, и это означает лишь то, что она *движется* по пути совершенства, не достигая некоторого абсолюта. Более того, относительность этого понятия и его употребления заключается в том, что оно обозначает индивидуальное движение к совершенству или, что то же, движение к индивидуальному, а не универсальному для всех совершенству. Этим обнаруживается очень существенная проблема: дело не в том, назвать ли высший уровень развития личности понятием субъекта или индивидуальности, а в том, *как* определить этот высший уровень, какими критериями воспользоваться, чтобы сказать: «Этот человек достиг своей вершины, а этому еще до нее далеко». Но наличие таких критериев означало бы, что, во-первых, существует мерка (своего рода потолок), посредством которой можно измерять уровни развития людей, во-вторых, что должны существовать своего рода «судьи», которые будут выносить такие суждения, в-третьих, это означало бы, что человек, достигнув своего потолка, перестает совершенствоваться и начинает деградировать. Таковы следствия употребления понятия субъекта в качестве абсолютного идеала – или эталона.

По-видимому, в психологии правомерно гегелевское понятие «меры» развития, меры становления субъектом. Таким образом, соединяются понятия субъекта и индивидуальности: каждая личность в разной мере реализует себя как субъект жизни и в качестве такого субъекта обнаруживает свой способ жизни, свою индивидуальность. Разные люди в разной мере способны организовать ход своей жизни соответственно со своими целями и притязаниями, в разной мере реализовать свои возможности, способности, осуществить самореализацию своей индивидуальности в категориях и формах своей жизни. Таким образом, субъект не есть эталон и предел совершенствования, он постоянно решает задачу совершенствования, это его постоянно возобновляющаяся жизненная задача. Иными словами, здесь категория субъекта приобретает не абсолютный, а относительный характер.

Психологическая категория субъекта позволяет выявить у личностей разную меру их активности, разную меру интегративности, разную степень самоопределения. Здесь категория субъекта позволяет раскрыть соотношение идеала развития и реально достигнутого уров-

ня, возможностей личности и реальной меры ее активности. Так осуществляется синтез понятий «субъект», «личность», «индивидуальность», при котором мы опираемся на гегелевское понятие меры. Относительность проявилась и в социальных представлениях, т.е. в сознании личностей. Эмпирические исследования показали, что для российского менталитета в целом характерна взаимосвязь представлений о себе с представлениями об обществе, социуме, что, по-видимому, является наследием мышления эпохи тоталитаризма. Однако у разных групп эти представления значительно варьируют: один тип представляет себя в качестве субъекта, а общество – объекта, другой – и себя и общество мыслит как субъектов, третий тип представляет себя как объект, а общество в качестве субъекта (типично тоталитарное сознание), и наконец, последний – и себя и общество представляет в качестве объектов.

Согласно Гегелю, активность имманентна субъекту. Фактически же – наоборот – субъект организует (реорганизует, направляет и т. д.) активность. Очень существенно то, что личность представляет собой интегративную систему. Но, во-первых, эта интеграция на разных этапах жизненного пути носит более-менее развитый, определенный и индивидуализированный характер. Во-вторых, она осуществляется на разных уровнях. И, главное, высшая способность к интеграции присуща личности как субъекту. Он интегрирует личность как систему с миром, т. е. обеспечивает ее взаимодействие с действительностью в формах деятельности, познания, общения. Он устанавливает связи между этими формами активности, причем не только ситуативно, но пролонгированно. В отличие от частных, эмпирических, стихийных взаимодействий личности с миром, в которых она частично, *непосредственно* выражает себя, субъект осуществляет стратегические направления взаимодействия с миром, через совокупность которых он и *прокладывает* ту или иную линию жизни личности.

Психология представляет личность как систему с присущей ей структурно-уровневой организацией. Сюда включаются и низшие, природные, нервные, темпераментальные, «базальные» особенности и средние, и высшие, к числу которых кроме сознания мы отнесли активность и способность к организации времени жизни.

Но личность – это функциональная, функционирующая система. И ее функционирование подчиняется (согласуется) не только с ее системными, индивидуальными особенностями, но также с внешними

условиями и требованиями. Именно в момент их «стыковки», соглашения или разрешения противоречия между ними и образуется то *интерактивное пространство* (между личностью и действительностью), которое должно быть организовано заново как новая система субъектом. Для того, чтобы такая система возникла, необходима активность личности в качестве субъекта. Субъект по-одному организует это пространство, если речь идет об осуществлении деятельности, по-другому (в иных формах), если речь идет о познании, и еще иначе, если речь идет об общении. Мысль Рубинштейна, что «личность *проявляется* в деятельности», должна быть конкретизирована. Деятельность не просто активность личности: это особая композиция личностных мотивов, способностей, притязаний, которая должна быть функционально структурирована ею как субъектом в некое «дееспособное» целое. Способности приобретают форму, соответствующую профессиональной деятельности, сочетаются с навыками, а личность достигает мастерства и т. д. Точно так же личность создает особую систему взаимодействия с другим субъектом, если речь идет об общении. Эта система строится и применительно к данному времени, и обстоятельствам, и соответственно личностным целям, этическим принципам, мировоззрению, строится пролонгированно, как долговременная система отношений. Когда в жизни мы спрашиваем кого-либо: «а какие у Вас с ним (с ней) были отношения?», мы имеем в виду конкретные качественные совершенно специфические особенности этих отношений. (Достаточно вспомнить об отношениях Л. Брик и В. Маяковского.) В эти отношения включаются и поступки, и уходы, и подъемы, и спады, любовь (привязанность), верность и измена. (И вероятно мало кому удалось так непротиворечиво-лживо сочетать верность и измену и заставить другого это принять как благо!).

Все эти детали мы воспроизводили лишь с целью показать сложность и неповторимость систем, создаваемых личностью как субъектом, когда она *организует свою активность во времени и пространстве действительности*. Здесь действует и общается и та же, и другая личность: выступая в качестве субъекта, она изменяет свои одни, совершенствует другие, перестраивает третьи особенности.

В общении принципиальнейшая личность идет на уступки, желая сохранить отношения, поскольку последние отвечают не только ее намерениям, притязаниям, но и целям, ценности личности другого человека. С. Л. Рубинштейн блестяще показал сущность человеческого,

этического отношения к другому человеку как субъекту. Признать его субъектом и построить соответствующие этому отношения – сложнейшая задача, если рассматривать общение как *взаимоотношения*. Эти проблемы поднимал еще Лев Толстой, Джавахарлал Неру, Махатма Ганди в идее непротивления злу насилием. Но кто может поставить границу любви к ближнему, если тот способен на презрение, унижение, непризнание любящего? Как разрешается дилемма при встречном характере отношений? Здесь личность опять-таки выступает в качестве субъекта, определяющего грань приемлемого – неприемлемого, переводящего отношения на уровень поведения в бытовых ситуациях или уровень поступков в этическом контексте. До каких пределов может она «отступать» (выражаясь метафорой Рубинштейна), чтобы не «уступить» – своего достоинства, своего «Я». Этот вопрос она и решает в качестве субъекта, если поднимается до стратегического осмысления жизни и взаимоотношений с людьми.

Можно легко себе представить, что и способ деятельности, и способ поведения, и сам способ жизни будет существенно различаться в зависимости от представления о себе как субъекте или объекте. Тот тип, который мыслит себя как субъекта, стремится к организации целостного контура деятельности, выступает ее инициатором, тогда как тот, кто мыслит о себе как объекте, осуществляет ее как простой исполнитель. Это есть особая характеристика субъекта деятельности, связанная с самосознанием и сознанием личности.

Список литературы

1. Абульханова К. А. О субъекте психической деятельности. М., 1973.
2. Абульханова-Славская К. А. Активность и сознание личности как субъекта деятельности // Психология личности в социалистическом обществе. Активность и развитие личности. М., 1989, с. 110–133.
3. Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна. М., 1989.
4. Абульханова-Славская К. А. Субъект как символ российского самосознания. Российский монитор. В. 7, 1996, с.117.
5. Абульханова К. А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997, с.56-74.
6. Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000.

7. Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
8. Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. М. Воронеж. 1996.
9. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
10. Славская А. Н. Личность как субъект интерпретации. Дубна, 2000.

Осницкий А. К.

Проблемы исследования субъектной активности*

Преодолению ограниченности функционализма в отечественной психологии способствовали деятельностный подход к анализу активности человека и его психических функций, культурно-исторический подход к анализу формирования возможностей человека, его психики и подход с точки зрения социального опосредствования к анализу основных тенденций личностного развития. В рамках этих подходов зреют новые аспекты методологии исследования, новые методы анализа психической жизни человека; раскрываются механизмы функционирования психических явлений, наблюдаемых в повседневных и необычных условиях, а также механизмы, определяющие динамику и направленность психического развития. В числе этих механизмов важнейшее место занимают система саморегуляции деятельности и система структурирования субъектного опыта, определяющие, по нашему мнению, активную, целенаправленную и конструктивную позицию человека в повседневной жизнедеятельности и перспективе его развития. В практической жизни подобная позиция характеризует человека как самостоятельного и творческого.

Предметом наших исследований на данном этапе стала целостная характеристика активности человека, обнаруживаемая в деятельности и поведении человека – **субъектность**, а также подбор инструментария для выявления ее параметров. Особенно значим анализ этой характеристики при решении практических задач помощи учащимся в учении и работе, самоопределении, самопознании и преодолении пре-

* Осницкий А. К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии – 1996. – № 1. – С. 5–19.

пятствий в своем развитии. Чрезвычайно важна подобная характеристика и при вовлеченности человека в виды труда, требующие повышенной ответственности, повышенной мобилизации в критических ситуациях. Хотелось бы думать, что «оживление» субъектности в человеке может помочь ему найти правильные жизненные смыслы и цели, лучшие способы разрешения конфликтных и проблемных ситуаций независимо от того, какой он национальности и в какую общественную структуру включен.

Разрабатываемый подход в изучении субъектности осуществляется на пути развития отечественных представлений об активной роли самого человека в процессе жизнедеятельности: развитии, учебе, работе (Б. Г. Ананьев, П. П. Блонский, Л. С. Выготский, А. В. Запорожец, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейн, А. А. Смирнов и другие), – и является продуктивной оппозицией функциональному и когнитивистскому подходам, рассматривающим отдельные психические функции (аттитюды и другие параметры когнитивных стилей человека) как отдельные, часто слабо связанные, характеристики, определяющие индивидуальные особенности его деятельности и поведения.

Если проблемой активности человека (с точки зрения логического анализа его, естественно, обозначали как субъекта обнаруживаемой им активности) занимались давно и достаточно успешно, то проблема субъектной активности, т. е. активности развиваемой самим субъектом, им самим организуемой и контролируемой, стала предметом пристального изучения сравнительно недавно. Даже в работах основных разработчиков понятия «субъект» (Б. Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева и других) эти аспекты не дифференцируются.

О субъекте и субъектности

Термин «субъектность» в психологических исследованиях стал появляться все чаще. Но вводится он, как правило, без определения этого понятия и понимается при этом или как атрибут субъекта, или как эквивалент этого понятия. Тем не менее, в этот термин вкладывается и новое содержание. Предварительно мы бы определили это содержание следующим образом. Данная характеристика позволяет представить человека в психологическом исследовании не как бесстрастного деятеля-исполнителя (категория «субъект» в плане фило-

софского анализа обычно выступает как «взаимоопределенный полюс» объекта, вступающий во взаимодействие с ним [20, с. 56]), а как пристрастного сценариста своих действий (на высших уровнях развития даже режиссера), которому присущи и определенные предпочтения, и мировоззренческие позиции, и целеустремленность преобразователя.

Выраженность субъектности хорошо, обнаруживается при определении степени соответствия активности, развиваемой человеком в данный момент, и тем видом активности (чаще – деятельности), в которую он вовлечен обстоятельствами своей жизни. Можно было бы назвать эту характеристику субъектной включенностью, но тогда бы оставалась лазейка для привычного и незаметного многим отступления в парадигму бихевиористического подхода, в которой субъекту, включенному в тот или иной вид активности, ничего не остается кроме того, как следовать законам этой активности, т.е. зависеть от обстоятельств, в которых он оказался. Но субъект сам в ряде случаев определяет меру, в которой он занят ставшей ему необходимой деятельностью, к тому же он способен управлять, хотя бы в некоторых пределах, и своими природными возможностями (ресурсами), и правилами организации деятельности, которые освоены в процессе обучения и воспитания. Собственно субъектную активность, означенную как проявления субъектности, точнее можно определить в тех видах жизнедеятельности, в которых человек волен (и обнаруживает волеизъявление) определять для себя и меру субъектной включенности и меру собственного творчества при достижении формулируемых для себя целей. Определяются волеизъявления благодаря накопленному опыту субъектного поведения, богатству личностно значимых целей, ценностей и сконструированной картины мира, в котором человек живет.

Субъектность как характеристику человека можно попытаться описать некоторой совокупностью свойств, чего не сделаешь по отношению к субъекту – интегральной характеристике, претендующей на системность (целостность и неразрывность, несводимость к более простым свойствам). Но подступиться к анализу субъектности можно, лишь опираясь на исторически сложившуюся логику анализа категории «субъект».

Важность анализа психологических особенностей человека как субъекта деятельности, субъекта собственной активности отмечалась неоднократно. Классическими в этом плане были работы С. Л. Ру-

бинштейна, в которых подход к построению методологических категорий психологии начинается с анализа категории «деятельность» и заканчивается постановкой проблемы человека, субъекта этой деятельности [21]. Рассматривая проблему субъекта деятельности, С. Л. Рубинштейн выступал против обособления субъекта от деятельности, против понимания их взаимосвязи как чисто внешней. В деятельности он видел условие формирования и развития субъекта. Субъект не только действует, преобразуя предмет в соответствии со своей целью, но и выступает в разном качестве в процессе и в результате ее осуществления, при котором изменяются и объект, и субъект.

А. Н. Леонтьев предпочитал говорить о субъекте, который реализует в совокупности деятельностей свои отношения, и отмечал, что основной задачей психологического исследования является «изучение процесса объединения, связывания деятельностей субъекта, в результате которого формируется его личность». А она – личность – «требует анализа предметной деятельности субъекта, всегда, конечно, опосредованной процессами сознания, которые и «сшивают» отдельные деятельности между собой» [11, с. 179].

Перспективы разработки проблем активности субъекта, по мнению В. Э. Чудновского, существенным образом зависят от решения вопроса о том, что же является источником этой активности [23]. Он же обнаружил противоречивое понимание активности субъекта: с одной стороны, С. Л. Рубинштейном и его последователями подчеркивается внутренняя детерминация деятельности субъекта, а с другой – к субъекту относятся, в основном, как к результату интериоризации общественного опыта, т. е. как продукту обучения и воспитания.

У С. Л. Рубинштейна нет прямых высказываний о связи «внутренней» детерминации с активностью субъекта. Для него это было одним и тем же. А у многих последователей (незаметно для них самих) при анализе активности субъекта исходно содержится идея первотолчка, первопричины, которая как бы движет субъектом. В. Э. Чудновский причину ограниченного понимания механизмов «внутренней детерминации» видит в использовании термина «преломление». Он замечает, что «...целесообразно сделать больший акцент на следующем аспекте проблемы активности внутреннего: внешнее зависит от внутреннего не только в том смысле, что всякое внешнее воздействие реализуется лишь через внутреннее, но и более непосредственно – внутреннее имеет и свой непосредственный источник актив-

ности и развития» [24, с. 8] и далее обращается к анализу предсубъектных, в том числе и генотипических, влияний (в которых «спрессованы» биологические и социальные – видовые – предпосылки развития), напоминает о необходимости учета проявлений «спонтанности» в развитии.

Чтобы избежать двойственного прочтения термина «преломление», В. Э. Чудновский вводит близкое к нашему подходу понятие развивающегося «ядра субъективной активности», становление которого «...выражается в постепенном изменении соотношения между "внешним" и "внутренним": от преимущественной направленности "внешнее через внутреннее" ко все большему доминированию тенденции "внутреннее через внешнее"» [24, с. 9].

Сходную позицию, но уже употребляя интересующий нас термин, занимает И. С. Якиманская: «Субъектность – приобретаемое, формируемое свойство, но существующее благодаря сложившейся природе жизнедеятельности человека, кристаллизованной в потенциях учащегося» [25, с. 74], далее она подчеркивает многоплановость проявлений активности субъекта и предлагает различать два направления, в которых развивается активность ребенка: приспособительное и креативное.

А. В. Брушлинский, уделивший особое внимание анализу категории субъекта в психологической науке, подчеркивает: «Трактовка человека как субъекта помогает целостно, системно раскрыть его специфическую активность во всех видах взаимодействия с миром (практического, чисто духовного и т.д.). По мере взросления в жизни человека все большее место занимают саморазвитие, самовоспитание, самоформирование и соответственно больший удельный вес принадлежит внутренним условиям, через которые всегда только и действуют внешние причины, влияния и т. д.). Отождествляя, по сути дела, понятия «субъект» и «субъектность», последнюю он определяет как «...системную целостность всех его сложнейших и противоречивых качеств, в первую очередь психических процессов, ее состояний и свойств его сознания и бессознательного. Такая целостность формируется в ходе исторического, индивидуального развития. Будучи изначально активным, человеческий индивид однако не рождается, а становится субъектом в процессе общения, деятельности и других видов своей активности» [3, с. 4].

А.В. Брушлинский не ограничивает анализ активности деятель-

ностью подчеркивая, что важнейшее качество человека – «быть субъектом, т. е. творцом своей истории: инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, познание, созерцание и другие виды специфически человеческой активности творческой и нравственной» [3, с. 5] Действительно, одно дело рассматривать человека как субъекта деятельности, и другое – как субъекта познания или субъекта переживания. Но существенным аргументом для анализа человека как субъекта деятельности является то, что именно в деятельности и через деятельность преимущественно происходит доступное пониманию самого человека овладение средствами управления собственными усилиями и предметной действительностью. К тому же с деятельностью связывают целеполагающий характер активности человека, проявления его субъектности.

При всей конструктивности и перспективности использования понятий «субъект» и «субъектность» есть опасность слишком широкого их понимания и абсолютизации. Тезис А. В. Брушлинского «субъект и есть основание всех психических качеств и вообще видов активности» вряд ли верен, поскольку исходно связан с отождествлением понятия «субъект» и более емкого понятия «психическая активность» (столь широкое понимание термина «субъект» становится неконструктивным).

Многоплановость содержательных аспектов, вкладываемых в понятие «субъект», – основная причина недостаточной определенности этого термина. Мало связать это понятие с активностью, нужно определить, о какой активности идет речь. Даже если речь идет о действиях человека, его деятельности, нужно выяснить, насколько он активен в этой деятельности, насколько является ее субъектом, а не пассивным исполнителем чужой воли, нужно также указать, какие из психических явлений являются действительным приобретением субъекта и из чего эта самая субъектность складывается. Следовало бы развести субъектные проявления человека и проявления досубъектные (может быть, и надсубъектные).

Противоречия порождает и частое использование наряду с термином «субъект» термина «субъективное», содержание которого мешает выявить границы понятия субъектного и является одним из камней преткновения в дискуссии, поскольку субъективность – принадлежность психических явлений субъекту – бесспорна. Но является ли в субъективности все проявлением инициированной субъектом в дан-

ный момент активности – субъектности, – большой вопрос, если попросту не сводить субъектное к активности.

По существу, в психологии субъективное – целостная онтологическая характеристика бытия человека. Субъектность – содержательно-действенная характеристика активности, подчеркивающая интенциональность субъекта, – может в данном ракурсе рассматриваться как одна из граней субъективности.

Гносеологически субъективное чаще соотносится со своеобразием результатов отображения человеком внешних условий и психических процессов. В зависимости от особенностей субъективности при встрече с одним и тем же объектом (вещью) или явлением, разные люди, решая одни и те же задачи, выделяют его различные качества (предметность), и этот объект предстает перед каждым из них в виде разных предметов.

Существенным моментом в изучении субъективности являются, по мнению В. И. Слободчикова, исследование форм активности в их всеобщих и индивидуально-особенных проявлениях и «событийная общность» как источник ее развития [22]. В анализируемом понятии «субъективная реальность» как бы сливаются различаемые нами субъективность и субъектность. Попутно отметим важность изучения не только «событийных» моментов в становлении этой реальности, но и моментов отделенности – тех внутренних переживаний и состояний, которые определяют особенности индивидуального становления субъектности, как способности не только к совместному, но и разделенному определению своих задач, отделенному от задач других, иногда и от обстоятельств, соотносению своих возможностей с реальностью.

Важно отметить, что субъективная реальность человека развертывается как бы в двух планах: с одной стороны, способ жизни, существования человека немислим без «со-бытийной общности», без взаимодействия, в котором спроецированы совместно осваиваемые законы разделения труда и взаимосоотрудничества, законы управления своими усилиями и «опредмеченной» средой (освоенный опыт такого взаимодействия человеком закреплён в знаковой всеобщей форме); с другой – многое в его субъективной реальности дано ему в уникальной, ему одному доступной форме (в «личном» опыте многое зафиксировано в виде индивидуально особенных чувственных знаков) и человек в известной степени «обречен» на одиночество переживания,

невозможность передать другому (иногда и самому себе) чрезвычайно важные для него вещи и отчасти в силу этого склонен все происходящее вокруг него толковать «на свой лад».

Субъектность в деятельности и поведении, процессах восприятия, принятия решений и т. п. связана, прежде всего, с индивидуальными особенностями освоенной человеком преобразующей активности: индивидуальными особенностями постановки и решения задач (мысленных или предметных). И специфика субъектности определяется функциями регуляции активности, которые актуальны в данный момент для человека или актуальны с точки зрения перспективы.

Гносеологически субъектность может быть обнаружена в отношении к вещам, знакам, событиям, явлениям, людям и самому себе и проявляется в действиях, когда человек превращает их в объект (конструкцию) целенаправленных преобразований: начинает рассматривать, анализировать, комбинировать, использовать их в качестве средства. По сути дела, вопрос о развитии субъектности и есть вопрос о развитии инструментария, развитии средств объективации. Специфичность саморазвития, самоорганизации субъекта в том и заключается, что в процессе становления развития человека активность, возникающая в ответ на воздействия окружающей ситуации, сменяется собственной активностью по поиску того, что представляет смысл для его жизнедеятельности: с чем следует вступать во взаимодействие и что следует преобразовать в собственных интересах. Теоретический анализ перехода человека к этому новому уровню взаимодействия с внешним миром хорошо представлен в работе А. В. Брушлинского [6].

В жизнедеятельности (как онтологии) субъективное и субъектное могут и совпасть, в особенности если речь идет о привычных, закрепленных упражнением способах действия, но в рамках сознания самого субъекта и исследователя они могут быть разведены хотя бы на основании того, что последовательные шаги и определенные моменты субъектности включаются в фокус сознания и осуществляемые преобразования контролируются им. Субъективное же для человека выступает как данность, как репрезентация того, что открылось ему в данный момент. Но при этом особенности субъективного в опыте человека открываются стороннему наблюдателю (им может стать сам человек по отношению к самому себе, сравниваемому с другими людьми), а особенности субъектного не всегда во всей полноте рас-

крываются и самому человеку, источнику активности. Для их обнаружения необходимо «специализированное» (регуляторное) подключение рефлексии. Человек в субъектных проявлениях всегда обращен сознанием к поиску и определению задач, поиску средств их успешного решения и поиску средств согласования собственных устремлений с усилиями других людей.

Определенная доля самоизъявления, интенциональности, разумеется, содержится и в субъективном как целом, и в субъектном как его части. Субъективность – всегда индивидуально особенная форма выражения проявлений человека, однако есть основания предполагать, что переживаемая человеком субъективная реальность связана и с несубъектными проявлениями психического. Феноменология сна и многие неконтролируемые человеком действия протекают все же в типичной для данного человека манере, связаны с присущими ему переживаниями. Субъектное всегда связано со способами разрешения проблем, способами реализации потенций человека, проявлениями его авторской активной позиции. Означает ли, что уже ребенок является автором своей активности? Скорее всего, нет: авторство появляется на определенной ступени, стало быть, есть до-субъектные формы активности, до-субъектное психическое. Правильнее сказать – досубъектные психические проявления человека являются скорее предпосылками субъектности и проявляются как зачаточные формы активности: созерцание – еще не созерцание; общение – еще не общение; о деятельности еще и говорить не приходится (существует реально симбиоз со взрослым и простейшие формы взаимодействия). Да и в повседневной жизнедеятельности взрослого круг контролируемых субъектом явлений и производимых преобразований всегда более узок, чем то, что может быть обозначено как субъективная реальность [21] или как недизъюнктивная субъективная реальность [4].

Препятствует определению специфики субъектности и слабое различие понятий «субъект» и «личность». Подробнее этот вопрос следует затронуть при анализе специфических моментов, связанных с саморегуляцией деятельности и саморегуляцией в личностном плане. Саморегуляция деятельности обнаруживает себя в феноменологии предметных преобразований и в преобразованиях прилагаемых усилий. Саморегуляция личностная связана преимущественно с определением и коррекцией своих позиций (в рамках культурно-исторической традиции, закрепленной в нормах социума). И хотя

субъектом саморегуляции деятельности и личностной саморегуляции является один и тот же человек, не всегда можно обнаружить и исследовать связи между предметными и личностными преобразованиями в самом субъекте.

Различение личностного и субъектного позволяет избежать нежелательных отклонений и смешений при анализе психических явлений и дальнейшей разработке методологических оснований (например, были бы сняты рассуждения о гуманной сущности деятельности [5], [6]). Активность, осознанность, творчество, предметность и другие важнейшие характеристики субъектности могут быть связаны и с жизнеутверждением, и с агрессией. **Деятельность сама по себе не является ни насилием, ни радостью, она ни гуманна, ни негуманна, таковую ее делает человек**, осуществляющий эту деятельность в зависимости от исповедуемых им жизненных ценностей и решаемых в связи с ними задач. Личность «окрашивает» деятельность гуманностью или негуманностью целей, точнее – гуманностью или негуманностью смыслов. Неслучайно и С. Л. Рубинштейн счел нужным отметить, что «в единстве человечества определяется и осуществляется этический субъект» [6; 8].

С этой точки зрения показателен анализ созидательных и разрушительных тенденций в марксизме, данный В. Э. Чудновским, лишний раз подтверждающий, сколь много даже в мировоззрении зависит от того, какие задачи решает субъект мировоззрения (а это уже личность) и каким образом он их пытается решить [24].

Не претендуя на исчерпывающий анализ всех моментов, связанных с разработкой субъектного подхода в отечественной психологии, остановимся на основных моментах, так или иначе затрудняющих теоретическую проработку понятий, реализацию субъектного подхода в практике психологического исследования. Далее необходим переход к анализу основных моментов, определяющих реальные возможности исследования субъектности как психологического основания самостоятельности, самодеятельности человека в разных видах активности, и, прежде всего, в деятельности. Начнем с анализа организации преобразующих действий человека, адресованных к предметам и собственным усилиям, затем перейдем к исследованию «внутренних условий», определяющих сформированность и качественное своеобразие преобразующих действий субъекта.

Саморегуляция деятельности и субъектный опыт как осно-

вания субъектности

Субъектный подход к пониманию психических явлений в жизни человека исходно связан с учетом общественно-исторической природы деятельности и позволяет раскрыть те специфические человеческие характеристики его психики, которые проявляются во взаимоотношении людей, в процессе деятельности, в их труде.

Анализ деятельности как теоретического конструкта далек от завершенности. В работах А. Н. Леонтьева представлен анализ генетических преобразований в активности человека, способствующих превращению ее в деятельность, и прослежены корни порождения подобных преобразований. Показана роль деятельности в развитии психических процессов, ее обеспечивающих. Но одно дело – анализ развития деятельности и ее обеспечения и другое – анализ функционирования деятельности в ее сложившихся формах.

В работах Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, П. Я. Гальперина, А. В. Запорожца, П. И. Зинченко, В. П. Зинченко, А. Р. Лурии, А. А. Смирнова и многих других авторов исследовалось становление и совершенствование психических функций, психических процессов. Неоднократно отмечалось, что многие из психических явлений формируются и протекают как действия человека с окружающим миром. Появились такие конструкты, как перцептивная деятельность, мнемическая, познавательная и т.п. Затем ряд работ продемонстрировал роль взаимодействия людей в деятельности, роль этого взаимодействия в порождении совместных эффектов восприятия, мышления и т. д. [13]. Выявлены в общем виде основные признаки человеческой активности, которая может рассматриваться как деятельность: осознанность, целенаправленность, предметность, орудийность, ее преобразующий характер и ценность (смысл) для человека и окружающих.

Существенный толчок в развитии психологических представлений об активности человека в деятельности дали разработки идей физиологов, связанных с анализом функциональных систем управления двигательной и прочими видами активности (П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн, И. С. Бериташвили). В психологии они увенчались разработкой концепции осознанной саморегуляции деятельности, в основу которой были положены представления об осознанности самого процесса регуляции субъектом, о системности вовлеченных в подготовку и исполнение деятельности регуляторных психических функций и о принципиальной схеме организации функций саморегуляции деятель-

ности [10]. Часто приходится сталкиваться с соображениями о том, что активность человека не сводится лишь к осознанной, что арсенал бессознательного оказывает существеннейшее влияние на активность и состояния сознания человека (достаточно ссылок на соображения о роли «значащих переживаний», по Ф. В. Бассину), но примат осознанного в субъектных проявлениях человека все же можно считать общепризнанным. А вопросы, связанные с возникновением сознания и его развитием, исследуются преимущественно в связи со специфически человеческим видом активности – деятельностью [11; 20].

Работу звеньев психической регуляции определяет осознаваемый человеком процесс целеполагания и целеосуществления. Осознающий свои состояния и задачи человек, являясь субъектом своей деятельности (он может быть и не субъектом, а средством в чужих руках, игрушкой обстоятельств), выбирает условия, соответствующие очередной задаче, подбирает способы преобразования исходной ситуации, затем оценивает полученные результаты и решает, нужно ли вносить какие-либо изменения в осуществляемые им действия. Субъект деятельности решает и вопрос о том, какую из возможных и жизненно необходимых задач нужно выполнить в первую очередь, а что может подождать.

Даже если деятельность направлена не на мир вещей и окружающих явлений, а на собственные усилия, на управление собственными состояниями, очевиден ее предметно-преобразующий характер, хотя опредмечивание управляющих воздействий, и управляемых явлений может быть весьма произвольным.

Под деятельностью понимается целенаправленная преобразующая активность, побуждаемая или внешними обстоятельствами (при сохранении принципа «внешнее через внутреннее»), или самим состоянием потребности, «ищущей удовлетворения». При произвольном удовлетворении потребности или реагировании на внешние воздействия, требующие уклонения или немедленного ответа, мы чаще всего говорим о «полевом» (по терминологии К. Левина), подчиненном ситуативным воздействиям поведении (хотя оно тоже подразумевает наличие определенных потребностных состояний – на пустом месте, отмечал К. Левин, активность не возникнет). При управляемых самим человеком действиях говорят о произвольной активности чело-

века, побуждаемой целями¹.

В практике реальной учебной деятельности учащихся лабораторная диагностика сформированности функций саморегуляции затруднена. Помогло допущение, согласно которому процесс саморегуляции деятельности можно представить как реализацию совокупности регуляторных умений, объединенных в комплексы, соответствующие основным регуляторным функциям (по О. А. Конопкину). Конкретное же содержание этих умений более подробно и зависит от сформированности целостного опыта. Указанные комплексы регуляторных умений доступны наблюдению, экспериментальной и опросной диагностике [17].

Так, например, регуляторная функция целеполагания обеспечивается комплексом умений: целеформулирования, переформулирования целей, целеудержания, целеосуществления и др.; функция моделирования условий обеспечивается умениями логического анализа, классификации, систематизации, абстрагирования, выявления существенного, соотнесения значений и многими другими. Функция программирования действий требует умений, связанных с применением тех или иных способов решения задач, согласовыванием пространственно-временных характеристик движений и осуществляемых преобразований, применением усилий в изменчивых, требующих упреждающего моделирования условиях. Применение множества специфических умений, связанных с конкретными предметными преобразованиями, сочетается с умениями программирования усилий в частично изменяющихся условиях, использования их при решении новых задач. Функция оценивания результатов реализуемой деятельности осуществляется с применением различных шкал и субъективных критериев успешности и во многом зависит от умений использовать их в реальных условиях. Необходимы и умения работы с разными шкалами измерения и оценки, работы с различными градациями шкал. Умение вносить своевременные коррективы в осуществляемые действия предполагает уже несколько иные субъективные критерии соответствия достигаемых результатов применяемым в качестве норматива эта-

¹ Не мотивами, а именно целями, поскольку мотивы определяют скорее энергетическую подпитку, общую направленность активности, а цели обеспечивают направленность на определенное предметное содержание и преобразования в рамках осуществляемой деятельности. Не мотивы определяют нашу предстоящую активность (они в ином аспекте), а сценарий, который имеется у каждого из нас на некоторый отрезок будущего. И записан этот сценарий у человека деятельного в виде перечни целей.

лонам. Здесь в наибольшей мере оказываются нужны умения, обеспечивающие пространственно-временную координацию привносимых коррекций.

Собственные исследования, а также исследования, проведенные аспирантами (Е. М. Бохорским, М. В. Воробьевой, Ле Тхи Хоа), подтвердили правильность и продуктивность данного предположения, поэтому диагностика и изучение сформированности регуляторных умений прочно вошли в практику нашей работы с учителями, мастерами производственного обучения и учащимися.

Технология деятельности, как сформировавшееся, закрепившееся и устоявшееся во времени образование, ориентирована на достижение необходимого результата и требует от человека преобразования не только предметных свойств, но и собственных усилий. В совокупности подобные действия составляют функциональную систему, обеспечивающую организацию и осуществление желаемого действия. В рамках решения задач, связанных с организацией собственных усилий и собственной активности, формируются целеподчиненные функции моделирования, программирования, оценки результата и коррекции, в совокупности составляющие систему саморегуляции деятельности [10]. **Наиболее легко обнаруживаются субъектные проявления в необычных условиях: творческом решении проблем, ситуациях риска, преодолении преград, неадаптивном поведении [19].** Но мы часто забываем о специфике обыденной жизни человека, в которой постоянно присутствуют «живое движение», «упражнение без повторения», не адаптация к ситуации, а ее «преодоление» (выражения Н. А. Бернштейна). В них на базе биологических форм адаптации и антиципации формируются механизмы осознанной антиципации, механизмы определения субъективных критериев, механизмы контроля, соотносимые с перечисленными функциями саморегуляции и, кроме того, являющиеся более общими механизмами обеспечения регуляции всех видов активности человека. Далеко не все из них могут выстраиваться по законам деятельности и сведены к ней. Каждая из функций саморегуляции деятельности и других видов активности обеспечивается соответствующими комплексами регуляторных умений, которые могут быть репрезентированы человеку в его субъективной реальности [17].

В работе с педагогами и разными возрастными группами учащихся продуктивными оказались демонстрация и решение типовых

задач, акцентирующих необходимость сформированности отдельных из перечисленных функций саморегуляции деятельности и требующих соответствующих умений, обеспечивающих реализацию функции. Практически каждому человеку независимо от образовательного ценза приходится убеждаться в наличии у себя «типичных почти для любого человека ошибок» при решении предъявляемых задач. Это обеспечивает в дальнейшем большую познавательную активность и большую глубину рефлексивного анализа учителей и учащихся, постигающих закономерности обеспечения осознанной саморегуляции деятельности.

Цель деятельности, в отличие от мотива, который может быть неосознаваемым, всегда связана с осознанием, попытками осмысления и проигрыванием в воображении возможных вариантов действий для ее достижения. Это-то и превращает цель в возможный инструмент овладения ситуацией. Пользование этим инструментом облегчается и общими возможностями осознания, и возможностями оперирования во внутреннем плане. **Внутренняя преобразующая активность человека протекает в виде умственных действий, поиска наиболее подходящих и эффективных способов достижения намечаемых результатов.** Внутренняя мыслительная активность по своему происхождению производна от внешней преобразующей активности – предметных действий. Именно поэтому **технология деятельности и диктует определенную логику организации психической регуляции усилий, прилагаемых и привлекаемых к осуществлению деятельности.**

Многие проблемы организации и осуществления деятельности – осознанной, целенаправленной и преобразующей активности человека – естественным образом связаны с проблемами личности и сознания, поскольку личность формируется в деятельности и взаимодействии с другими людьми [11]. А сознание, по существу, является присущей человеку и ориентирующей его в этом мире формой отображения и окружающего мира и самого себя, взаимодействующего с этим миром.

Даже рассматривая «чисто практическую деятельность», мы не можем абстрагироваться от явлений, связанных с личностной саморегуляцией, с формированием и развитием специфической способности человека быть относительно независимым (от сил природы и требований социума) субъектом своей жизнедеятельности, что и обеспечива-

ет ему возможность стать свободным и сознательным субъектом собственной активности (иной вопрос, насколько он реализует эту возможность).

Проявления самодетерминации преимущественно связываются с не совсем удачным, но прочно вошедшим в терминологию психологии понятием «произвольность» и становлением самосознания. Б. Ф. Ломов, затрагивая эту проблему, отмечал значение активности самого человека и связь процессов социализации с процессами индивидуализации. Самодетерминация, по его мнению, не заключается только в том, что личность научается произвольно регулировать свое поведение. «Более важно то, что в процессе развития на определенной его стадии она (личность) начинает сама сознательно организовывать свою собственную жизнь, а значит, и определять свое собственное развитие, в том числе и психическое», – подчеркивал Б. Ф. Ломов и связывал возникновение самодетерминации с той стадией развития, на которой, по выражению Л. И. Божович, «происходит переход ребенка от существа, уже ставшего субъектом (т. е. сделавшего первый шаг на пути формирования личности) к существу, осознающему себя как субъект» [13, с. 310].

В связи с решением задач практики, развивая представления об основных принципах саморегуляции человеком собственной деятельности: системности, активности, осознанности, мы установили, что субъектное отношение к учебной и трудовой деятельности (как субъектно-представленное понимание человеком своих возможностей и своего места в осуществляемой деятельности) обусловлено взаимодействием ряда необходимого и достаточного числа параметров: активности, направленности, осознанности, умелости в действиях и склонности к сотрудничеству, т.е. умения координировать свои усилия с усилиями других [15]-[18]. Субъектное отношение к выполняемой деятельности реализуется в обращенности человека к своим внутренним резервам, возможностям выбора средств осуществления деятельности, что, в конечном счете, определяется взаимодействием сформированных умений саморегуляции и компонентов субъектного опыта.

Организация и содержание каждого регуляторного умения опосредствованы общим процессом формирования и актуализации субъектного опыта. Обращение к содержанию субъектного опыта и его компонентов при анализе регуляторных умений (анализ структуры

субъектного опыта будет дан ниже) позволяет установить и уровень их сформированности, и возможности дальнейшего совершенствования. Субъектная активность перед внешним наблюдателем предстает в виде реализуемых регуляторных умений, служащих преодолению неопределенности с привлечением информационного обеспечения субъектного опыта. Они являются и конкретными формами проявлений субъектного опыта, и связующими субъектный опыт элементами.

Субъектный опыт, по точному определению И. С. Якиманской, – это опыт пережитого и переживаемого поведения, в котором сам человек может дать отчет себе о своих возможностях, в котором он хотя бы приблизительно знает правила организации собственных действий и собственного отношения, в котором зафиксированы значимые для него ценности, существует определенная иерархия предпочтений, о которых он способен отдать себе отчет, что ему самому нужно и что он хочет [25].

Обратившись к анализу субъектного опыта (благодаря которому человек обретает возможность ставить себе задачи, выбирать из числа задач, навязываемых ему окружением, а затем последовательно добиваться их успешного решения), мы выявили пять взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов.

1. Ценностный опыт (связанный с формированием интересов, нравственных норм и предпочтений, идеалов, убеждений) – ориентирует усилия человека.

2. Опыт рефлексии (накапливаемый путем соотнесения человеком знаний о своих возможностях и возможных преобразованиях в предметном мире и самом себе с требованиями деятельности и решаемыми при этом задачами) – помогает увязывать ориентировку с остальными компонентами субъектного опыта.

3. Опыт привычной активизации (предполагающий предварительную подготовленность, оперативную адаптацию к изменяющимся условиям работы, расчет на определенные усилия и определенный уровень достижений успеха) – ориентирует в собственных возможностях и помогает лучше приспособить свои усилия к решению значимых задач.

4. Операциональный опыт (включающий общетрудовые, профессиональные знания и умения, а также умения саморегуляции) – объединяет конкретные средства преобразования ситуации и своих возможностей.

5. Опыт сотрудничества (складывающийся при взаимодействии с другими участниками совместной деятельности) – способствует объединению усилий, совместному решению задач и предполагает предварительный расчет на сотрудничество.

Совокупность именно этих компонентов субъектного опыта, как показали исследования, может считаться необходимой и достаточной для формирования субъектности, обеспечивающей ему продуктивную самостоятельность [2], [7], [12], [15]-[18].

...Особый интерес представляет анализ источников пополнения субъектного опыта, предполагающий обращение непосредственно к чувственным (эмоционально оцениваемым) и опосредствованным (рационально оцениваемым) составляющим опыта, изучение механизмов их смыкания, взаимообогащения. При изучении уже сложившегося субъектного опыта немаловажным оказывается анализ пронизанности освоенных опосредствованных форм опыта непосредственно чувственными представлениями. Именно это обстоятельство способствует превращению приобретаемого, «чужого» знания, знания для всех в знание собственное – **субъектное**.

Во взаимодействии, при достаточной сформированности каждого из компонентов субъектного опыта, обеспечиваются **активные, целенаправленные, умелые, осознаваемые и координированные с усилиями других людей действия** при выполнении самостоятельного задания, реализации замыслов, постановке и творческом решении задач и даже при исполнении поручений, вместе с этим **формируется отношение** к своим поступкам и поступкам других людей.

...В общей картине активности, обнаруживаемой человеком, возможно выделить специфический для человека вид активности – субъектную активность. В этом виде активности человек выступает автором собственной активности. Целесообразно при этом различение «субъектного», «субъективного» и «личностного».

Человек в субъектной активности многолик. Многоликость его определяется задачами саморегуляции, которые приходится решать при достижении им поставленных целей, и адресованностью к разным компонентам субъектного опыта. Учитывая возможности, данные природой и приобретенные в процессе обучения и воспитания, а также требования сообщества, субъект выстраивает свою линию поведения и осуществления предметных преобразований.

Сценарий субъектной активности – список целей, так или иначе

представленных в сознании.

Инструментарий – умения саморегуляции деятельности, ориентированной на достижение целей. Комплексы умений саморегуляции, соотносимые со звеньями системы осознанной саморегуляции деятельности, формируются и развиваются как по мере совершенствования системы саморегуляции деятельности, так и по мере формирования компонентов субъектного опыта. **Осознанная саморегуляция деятельности и поведения, по сути дела, является формой существования субъектности.**

Субъектный опыт – условие обеспечивающее реализацию субъектной активности. Он также имеет компонентную структуру, во взаимодействии обеспечивающую активную, осознанную, целенаправленную, умелую и координированную с усилиями других людей позицию человека.

Формирование субъектности и соответствующей ей активности обеспечивает человеку успешность в деятельности и в различных аспектах социальной адаптации.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М., 1980.
2. Бохорский Е. М. Развитие рефлексии как условие формирования у учащихся субъектного отношения к труду: Автореф. канд. дис. М., 1991.
3. Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) // Психол. журн. 1991. Т. 12. № 6. С. 3–10.
4. Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке (статья вторая) // Психол. журн. 1992. Т. 13. № 6. С. 3–12.
5. Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке (статья третья) // Психол. журн. 1993. Т. 14. № 6. С. 3–15.
6. Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
7. Воробьева М. В. Анализ сформированности умений саморегуляции деятельности в профконсультировании школьников: Автореф. канд. дис. М., 1994.
8. Запорожец А. В. Избранные психологические труды: В 2 т. / Под ред. В. В. Давыдова, В. П. Зинченко. М., 1986.
9. Захарова А. В. Генезис самооценки: Автореф. докт. дис. М., 1989.

10. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М., 1980.
11. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
12. Ле Тхи Хоа. Становление субъектного опыта учащихся СПТУ в процессе профессионального самоопределения: Авторсф. канд. дис. М., 1988.
13. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
14. Осницкий А. К., Сипачев Н. О., Жуйков Ю. С. Связь профессионального самоопределения учащихся ПТУ с особенностями самооценки // Результаты психологических исследований – в практику обучения и воспитания. М., 1985.
15. Осницкий А. К. Саморегуляция деятельности школьника и формирование активной личности. М., 1986.
16. Осницкий А. К. Методические указания по курсу «Психология». Направленность личности. М., 1990.
17. Осницкий А. К. Диагностика самостоятельности учащихся в школе и СПТУ: Методические рекомендации для практических психологов. Иваново, 1991.
18. Осницкий А. К. Умения саморегуляции в профессиональном самоопределении учащихся // Вопр. психол. 1992. № 1–2.
19. Петровский В. А. Феномен субъектности в психологии личности: Докт. дис. М., 1994.
20. Пископпель А. А. и соавт. Инженерная психология. М., 1994.
21. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1989.
22. Слободчиков В. И. Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Автореф. докт. дис. М., 1994.
23. Смирнов С. Д. Психологическая теория деятельности и концепция Н.А. Бернштейна // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1978. № 2. С. 14–25.
24. Чудновский В. Э. К проблеме соотношения «внешнего» и «внутреннего» в психологии // Психол. журн. 1993. Т. 14. № 5. С. 3–12.
25. Якиманская И. С. Требование к учебным программам, ориентированным на личностное развитие школьников // Вопр. психол. 1994. № 2. С. 64–76.

К. А. Абульханова-Славская

Личностная регуляция времени*

Не претендуя на концептуализацию проблемы психологического времени в целом, можно тем не менее выделить по крайней мере четыре основных аспекта ее рассмотрения. Первый – отражение (психическое, сознательное) объективного времени, адекватность (большая-меньшая) этого отражения, механизмы отражения (например, восприятие времени). Второй – временный, т. е. процессуально-динамические характеристики самой психики, связанные прежде всего с лежащими в ее основе ритмами биологических, организменных, нейрофизиологических и других процессов. Третий – способность психики к регуляции времени (движения, действия, деятельности). Четвертый – личностная организация времени жизни, т. е. тот временно-пространственный континуум, в котором строятся ценностные отношения личности с миром.

Это расчленение позволяет их концептуально интегрировать. Так, первую отражательную функцию психики можно, по-видимому, объяснить как своеобразную конвергенцию и дивергенцию объективных структур, темпов времени и субъективных процессуально-динамических характеристик психики, а также временных особенностей личностной организации времени. Например, в психике представлено как одномоментное то, что объективно существует длительно и последовательно, и, наоборот, психическое переживание «растягивает» во времени, придает длительность тому, что объективно одномоментно. Память воспроизводит прошлое в настоящем, за счет чего в психическом настоящем представлено и то, что отражается в данный момент, и то, что было отражено в прошлом, т. е. происходит удвоение времени. Иными словами, объективное время отражается и воспроизводится в психике за счет несимметричного ему времени и темпов осуществления психических процессов.

На основе психического отражения реализуется на разных

* Фрагменты статьи в сборнике: Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь // Ред. Б. Ф. Ломов, К. А. Абульханова-Славская. М., 1990. С. 114-129.

уровнях взаимодействие человека с миром, одновременно развивается способность психики к регуляции этого взаимодействия во времени. Не рассматривая иерархию этих уровней, ряд особенностей которой описал Пиаже, можно сказать, что в целом психика обеспечивает сопряжение объективного времени (и как времени внешних субъекту процессов, и как временного измерения самого субъекта в качестве объекта, имеющего временное измерение) и субъективного времени, т. е. - скоростей, темпов и ритмов психического времени. Сопряжение объективных скоростей, темпов, требований и собственных (организменных, психических) скоростей, ритмов и т. д. имеет место в структуре деятельности. Деятельность – создание особого временно-пространственного континуума, в котором субъект связывает объективно разобщенные во времени и пространстве объекты, придает им свою временную целостность и цикличность и собственные временные параметры и ритмы.

На основе отражения времени у человека появляется способность регулировать во времени деятельность, связывая воедино скорости субъекта как физического, психического и сознательного существа. Психическая и сознательная регуляция деятельности, на которую указывали И. М. Сеченов и С. Л. Рубинштейн, заключается в способности соотносить временные требования, исходящие извне, и собственные временные возможности (и ограничения). Другая особенность психики, связанная с регуляцией деятельности, заключается в способности к временному ускорению. Как говорилось выше, природная основа психики – это естественно текущие ритмы психических процессов, привязанные преимущественно к ритмам нейрофизиологических процессов, темпераментальных особенностей и т. д., а также скорости запоминания, мышления, восприятия и т. д. Регуляторная способность психики начинается с повышения в доступных индивиду пределах этих естественных скоростей, что и составляет одну из особенностей произвольной регуляции. Ускорение распространяется, повторяем, не только на скорость движения, но и на ритм психической деятельности. Далее эта психическая способность распространяется на регуляцию деятельности в целом. Психика – ускоритель, т. е. условие повышения работоспособности, дееспособности, интенсивности человеческой деятельности.

Личность оказывается способной работать в условиях временной стимуляции, временного стресса, снимать или усиливать его дей-

ствие, способной улавливать и вычленять временные пики событий деятельности, оперативно использовать все временные объективные и субъективные параметры. Вырабатывается способность действовать своевременно или более тонко определять пределы допустимых опозданий, допустимых опережений.

Сознание интегрирует способность психики к отражению времени, в том числе переживание времени, ее временные процессуальные параметры и, наконец, способность к регуляции деятельности во времени; эта способность сознания (интегрирующая все аспекты и временные особенности психики) и становится основой личностного уровня регуляции времени. Иными словами, четвертый аспект, или уровень психической регуляции времени, – личностный, – возникает как интеграл разноmodalных временных возможностей психики и прежде всего временной регуляции деятельности.

Основной способностей отражения и регуляции времени является принцип «раздвоения», или несимметричности времен (объективного и субъективного, отраженного и переживаемого, объективного и физического и т. д.), что, в свою очередь, приводит к несимметричности «психологических» времен – отраженного и регулируемого в деятельности. На уровне личности появляется способность произвольно ускорять не только физические действия, но и естественные темпы запоминания, мышления, внимания. Актуализация запомненного осуществляется субъектом в нужный момент, так же как в нужный момент реализуется функция мысленного предвосхищения. Своевременное использование своих временных психических возможностей и механизмов – такова общая «задача» регуляции личностью ее соотношений с миром.

Если психика структурирует деятельность в особый временной континуум, имеющий начало, протяженность, скорость и завершение, то личность структурирует свое существование, по-своему «размещая» во времени жизни определенные занятия, деятельности, события, отводя на них объективно и субъективно требуемое время.

Одновременно она вырабатывает некоторые общественные способности регуляции времени: способность к планированию, т. е. последовательности операций во времени, способность сосредоточивать максимум напряжения, усилий в данный момент времени, способность сохранять пролонгированную линию деятельности в ценностном и волевом отношении, абстрагируясь от краткосрочной стиму-

ляции, способность сохранять психические резервы до конца деятельности, способность устанавливать психологически и объективно целесообразную ритмику-периодизацию деятельности и многие другие.

Временной масштаб личностной регуляции времени – это масштаб жизненного пути и его временных образований. Если при регуляции деятельности «задача» временной регуляции состоит в том, чтобы сопрягать психические процессы с временно-целевым центром деятельности (последовательно или одновременно включить механизмы памяти, восприятия, мышления), согласовывать объективные и субъективные скорости деятельности, то личностные «задачи» регуляции могут быть раскрыты только через соотношение личности с целостным, специфическим и динамическим жизненным процессом, который обозначается как ее жизненный путь.

В исследованиях жизненного пути личности этот динамический аспект выделялся посредством категории прошлого, настоящего и будущего. Прежде всего отмечался субъективный характер личностного времени, но для выявления специфики личностного времени как раз важна связь между субъективным и объективным временем, то, как личность устанавливает эту связь, и то, какую роль играет субъективное время в регуляции жизненного пути как объективного процесса. В первоначально поставленной Ш. Бюлер задаче – найти интеграл биологического, исторического и индивидуально-биографического времени – эта идея связи объективного и субъективного времени лишь угадывается.

Во многих теориях жизненного пути отразилась концепция времени точных и естественных наук, представление о равномерном и типичном для всех времен: прежде всего в понятии возраста этапы жизненного пути всех людей унифицировались и стандартизировались. Событийный подход позволил расчленить жизненный путь на некоторые «кванты», которые дают возможность представить его динамику. Однако авторам этих теорий не удалось связать внешние события с внутренними, а тем самым объективное и субъективное личностное время остались несоотнесенными.

Категории прошлого, настоящего и будущего наиболее адекватны особенностям жизненного пути как специфического временно-го процесса, и не только потому, что в них раскрывается необратимость человеческого времени, но и потому, что они относительно к

личности, постоянно перемещающейся во времени. Наиболее конструктивными оказались подходы к личностному времени, связанные с понятиями психологической или жизненной перспективы. Однако понятие временной перспективы много уже, чем понятие жизненного пути. Вместе с тем даже в психологических интерпретациях временной перспективы личности также сказалась тенденция к ограничению сугубо субъективными параметрами времени, его ценностно-мотивационными структурами.

Основная ограниченность всех перечисленных подходов сказалась в том, что личность в них не выступает причиной, субъектом жизненной динамики, субъектом жизненного пути. Генетическая теория личности, идея качественного изменения и развития личности в жизни, которая разрабатывалась П. Жане, Ж. Пиаже и Л. С. Выготским, еще не сомкнулась с представлением о личности, развивающей свою жизнь.

Для определения особенностей личности как субъекта жизни необходимо раскрыть сущность основного противоречия жизненного пути. Историческое и социальное время жизни личности задаются не только той эпохой, в которую она живет, не только социальными процессами и событиями, современницей которых она является, но и внутренней детерминантой ее личной жизни. <...>

Личная жизнь, жизненный путь личности и является тем вторичным ценностным образованием и процессом, который личность создает и осуществляет в порядке объективации, самовыражения. Жизненные отношения, жизненные перспективы, жизненная позиция – та действительность, которая существует и воспроизводится личностью постольку, поскольку она имеет ценность для личности. Ценностное отношение к жизни или переживание ее ценностности проявляется в мотиве успеть воплотить себя в жизни, в чем-то непреходящем, человечески ценном, общественно значимом. Эта основная потребность развития выражается по крайней мере в трех отношениях: в стремлении расширить границы своего индивидуального бытия и своей конечности, в стремлении объективировать себя в формах, неподвластных течению времени, в формах объективных, результативно-статичных, наконец, в стремлении сделать свою жизнь более интенсивной в настоящем. Последнее и составляет основу деятельности личности, основу переживания времени как ценного или как пустого,

бессмысленного.

Противоречие жизни личности может выглядеть так, что, совершая во времени реальные действия, поступки, личность оказывается не в силах переживать их как ценность (в силу общественных или личных причин). Это и есть обесценение, уничтожение личностного времени, а тем самым потребности и способности к развитию. Однако разрешение основного жизненного противоречия целиком не зависит от личности. Субъектом жизненного пути личность начинает становиться по мере развития ее способности к регуляции времени жизни.

В основе последней лежит ряд составляющих. Как известно, психологические способности (развитие которых также в известном смысле не зависит от личности) – это образования, представляющие в первую очередь природно-личностный, а затем личностно-социальный потенциал, который дает ускорение интеллектуальному, деятельному, жизненному продвижению личности. Способный человек в отличие от неспособного задает определенный темп деятельности, открывает для себя возможность действовать с большей скоростью, в иных временных масштабах. Управление своими способностями, использование их личностью для овладения новыми темпами, новыми временными возможностями уже есть особая способность личности к организации времени жизни. Это использование-неиспользование происходит в реальных структурах организации жизни (образования, труда, досуга и т. д.).

Далее, независимость объективного хода жизни от личности, которая диктуется объективностью общественного и природно-биологического времени жизни, проявляется в том, что личность не может ускорять (или удлинять) время общественных событий, занятий, не может увеличить продолжительность своей жизни, от нее не зависит общественно необходимое время труда, она не может увеличить продолжительность свободного времени.

Однако при независимости от нее общественного времени личность тем не менее развивает в себе способность устанавливать со временем оптимальные «отношения». Она развивает в себе особую способность соответствовать, быть адекватной объективному времени, потребность успевать, действовать своевременно ходу общественных и природных процессов. Своевременность овладения профессией, включая получение образования и становление мастерства, своевре-

менность прохождения этапов профессиональной жизни (карьеры) диктуется и существующей социальной нормативностью, и ценностью оптимальных возрастных сроков прохождения этих этапов, и личностной потребностью в объективации. Иногда неосознанно человек ставит себе сроки, оценивая их несоблюдение как жизненную неудачу или победу. Осуществление основных жизненных этапов (вступления в брак, рождения детей, «карьеры») размещается каждым в своеобразном ценностно-временном континууме, в котором и получает определенную личностную оценку («еще успею», «еще рано», «уже поздно», «скоро будет поздно»). Эти временно-смысловые оценки и являются часто важнейшей составляющей мотивации (или ее падения) и затем регуляции реальных жизненных соотношений и деятельности личности в объективном времени. Своевременность – таково важнейшее из качеств личности как субъекта жизни, осознаваемое или переживаемое основание регуляции времени жизни. Это образование, как показывают наши предварительные исследования; имеет индивидуально-типологический характер. Мера осознанности времени жизни как жизненной проблемы и т. д. весьма различна у разных людей. Это можно, в свою очередь, объяснить разными причинами: у одних это связано с общей осознанностью жизни, с развитой способностью к жизненной рефлексии, у других – с появлением такого осознания в силу жизненных обстоятельств, трудностей и противоречий. Различна и мотивирующая сила этого чувства своевременности: у ряда людей ярко выражена жизненная торопливость, совершенно безотносительная к реальным объективным обстоятельствам их жизни, как будто время подстегивает их, как будто они боятся все время упустить главное, у других подобное качество вообще отсутствует. Однако при всех типологических различиях, оказываясь несвоевременной, личность упускает и социальные возможности и не может реализовать индивидуальные.

Чаще всего в сфере труда, однако, у некоторых в сфере именно личной жизни развивается (иногда тоже неосознаваемая) способность к организации времени в более узком смысле слова, которую часто квалифицируют как составляющую организованного человека. Самоорганизация во времени, организация временных параметров своего труда и личных занятий включает и планирование, и учет времени, и учет производительности, скорости труда, и временных интервалов, требований и т. д. Продуктивное использование времени, ориентация

во времени, способность по-своему структурировать время в условиях объективной временной неопределенности – неопределенности времени наступления событий, отсутствия строгой детерминации временем – это особые личностные временные способности, которые обеспечивает ее своевременность, продуктивность, оптимальность ее общественной и личной жизни. Именно здесь появляется возможность свободного владения временем в относительной независимости от его объективного хода. Здесь формируется предпочтительное для личности распределение времени в соответствии с субъективной значимостью занятий и событий, способность экономить время, пренебрегая незначительным, умение абстрагироваться от текучки и суеты, которая часто диктуется объективными структурами жизни.

Организация времени проявляется и в способности личности включаться в события и структуры социальной жизни, придающие ее жизни большее ускорение, более продуктивный темп, в сферы, развивающие ее. Она проявляется в способности «улавливать» сущность, логику событий, включаясь в них в оптимальный момент.

Однако способность к организации времени не существует как формальная, оторванная от его ценности и переживания. Само по себе переживание ценности времени без соединения со способностью к его организации дает так же мало, как способность к его организации, безотносительно к целям и их значимости для личности. Ценностный аспект времени не измеряется его переживанием как таковым, субъективно удлиняемым или укорачиваемым личностью. Ценность времени личности – это ее способность сохранения во времени своей направленности на удовлетворение потребности, а также оптимальная организация условий ее удовлетворения, т. е. основных жизненных потребностей. Подлинным субъектом жизни становится та личность, которая способна организовать свой жизненный путь как целое, сохранив на протяжении времени и обстоятельств свои важнейшие потребности, которые не удалось реализовать в настоящем, направляя всю свою жизнь на достижение главных ценностей, на решение задач самовыражения.

Сферы общественной жизни объективно различаются по насыщенности событиями, противоречиями, по социальной перспективности, темпам развития. Попадая в такие сферы (профессиональной деятельности, культурной, общественной жизни и даже личного общения), личность получает большие возможности, более интенсивно

взаимодействует со средой, повышает ритм жизни. В данном случае общественная детерминация расширяет возможности личности, умножает ее потенциал.

Исходя из сказанного, можно более точно определить понятие психологического будущего (перспективы), которое остается достаточно неопределенным при наличии большого числа работ в этой области. Одни определяют будущее относительно прошлого и настоящего, другие – с точки зрения его структуры, третьи – ценностного содержания. Мы предлагаем различать психологическую, личностную и жизненную перспективы как три различных понятия.

Психологическая перспектива – это когнитивная способность предвидеть будущее, прогнозировать его, представлять себя в будущем. Эта способность, как показывают наши исследования, типологически варьирует.

Личностная перспектива не только когнитивная способность предвидеть будущее, но и целостная готовность к нему в настоящем, установка на будущее (например, готовность к трудностям в будущем, к неопределенности и т. д.). Такая перспектива может иметь место даже у личностей с когнитивно бедным, нерасчлененным, неосознанным представлением о будущем. Личностная перспектива открывается при наличии способностей как будущих возможностей, зрелости, а потому готовности к неожиданностям, трудностям, присущего ей потенциала, способности к организации времени.

Психологической перспективой обладает тот, кто способен предвидеть будущее, кто видит личностную перспективу, имеет жизненный опыт, личностный потенциал.

Жизненная перспектива включает совокупность обстоятельств и условий жизни, которые при прочих равных условиях создают возможность оптимизации дальнейшего жизненного продвижения. Как было отмечено, это может быть не зависящая от личности включенность в более развивающие, более перспективные сферы общественной жизни, которые сразу выводят личность на другой уровень и масштаб жизни, но чаще всего жизненная перспектива открывается тому, кто сам создал систему оптимальных (т. е. имеющих множество возможностей) жизненных отношений, систему опор, которые обладают все возрастающей ценностью. Совокупность таких опор и отношений, которая гарантирует все возрастающую ценность жизни личности и в будущем, расширяет ее возможности, мы назовем жиз-

ненной позицией. Такая жизненная позиция детерминирует будущее личности. Определенные жизненные рубежи, достигнутые человеком, в последующем способствуют ускорению его жизни, требуют в будущем меньше усилий, в некотором смысле «обеспечивая» его будущее. Обладая личностной перспективой, человек при отсутствии такой выработанной позиции может быстро исчерпать свои личностные возможности, способности, попадая в зоны жизни, насыщенные трудностями, противоречиями, или, напротив, зоны, бедные событиями, не способствующие развитию, подобно сенсорно бедному полю.

Если развитие есть потенцирование, резервирование времени (и тем самым создание предпосылок будущего в настоящем), если способность к регуляции и организации времени есть основа личностной готовности к будущему, то позиция личности есть вторичное жизненное образование. Активность как качество субъекта жизни связана именно с жизненной позицией.

Личность как субъекта жизненного пути характеризует, кроме уровня развития и временных особенностей, активность.

Если развитие есть потенцирование и резервирование времени, если переживание ценности есть способность умножения, присвоения времени личностью, если способность к организации времени есть его оптимальное использование, то активность есть практически действенная форма его реализации. Авторы концепции психологического времени часто сводят и этот аспект к субъективному времени, к представлениям, целям, будущему и т. д. Однако личностное время – это и объективный способ реализации субъективного, форма, интенсивность и качество его реализации, т. е. активность. Динамической характеристикой обладает не только побуждение, мотив, но и личностный способ реализации – поступок. Но поступок – это не только реализованный мотив, а активность – это ни только форма выражения потребностей.

Понятие активности может быть полностью раскрыто тогда, когда объективные условия реализации потребностей рассматриваются не как данные в готовом виде, т. е. наличные, уже адекватные потребностям, но и как препятствующие их удовлетворению, не соответствующие им и т. д. Активность выступает тогда как преобразование, формирование, преодоление встречных детерминирующих тенденций. Активность возникает на стыке двух времен, двух детерминирующих тенденций – субъективной и объективной. Она предстает как

разрешение противоречий между этими временами, как поиск соответствия между ними, как их сопряжение.

Активность должна быть определена как реальная организация времени жизни, а не только способность к ней. Организация времени жизни – это структурирование объективных – общественного и природного времен, преобразование их воздействия, снятие ограничений, расширение возможностей, изменение направлений. Активность есть реальное умножение, расширение, наполненность времени жизни.

Это достигается различными путями: в одном случае – путем оптимального использования природных возможностей, в другом – путем нахождения оптимально-индивидуального темпа жизни, деятельности, в третьем – путем определения своевременности включения личности в социальные процессы. Так, личность должна выявить логическую фазу и временной период события, в который нужно проявить активность, например, для ускорения этого события. За пределами этой фазы даже максимум активности ничего не меняет. Человек выбирает формы активности, которые нужны, чтобы предотвратить наступление событий или поддержать их развитие или затормозить их ход и т. д. Максимум активности, приложенный в неадекватной форме, не может повлиять на развертывание событий. Из этих общих примеров очевидно, что активность есть сопряжение субъективного времени, целей, ценностей и объективного времени.

Анализ развития, способности к организации жизни во времени и активности как трех аспектов времени жизни личности, обнаруживает, что существуют не сами по себе как таковые природное, социальное, индивидуальное времена, но разные формы собственно личностного времени. Так, развитию соответствует прежде всего потенциальное время, временной способности личности – наличное, заданное обществом время, активности – реальное время личности. Последнее – это время, соединенное с переживанием личности, которое становится реальной личностной ценностью.

Эти три личностных времени зависят от нее, но в разной мере подлежат управлению. Потенциальное время – время развития (в том числе и его темпы, периоды) – это время, которым личность не может управлять непосредственно. Конечно, развитие способности к организации времени и развертывание активности непосредственно влияют на временные параметры развития личности. Способность к организации времени жизни есть способность к управлению, овладению

временем. Одновременно она зависит также и от активности личности, т. е. от способа включения ее в социальные процессы, и от развития личности и ее потенциалов. Иными словами, развитие личности есть процесс, который содержит возможность возрастания времени, не зависящую от личности, тогда как активность есть форма оптимизации самой личностью реального времени, что превращает личностное время еще и в ценность.

Эти теоретические соображения позволяют выдвинуть гипотезу, что не существует как такового понятия биографического, индивидуально-неповторимого времени, что личностное время имеет вариативно-типологический характер.

Первоначально было проведено эмпирическое исследование и построена типология по двум основаниям: характеру регуляции времени и уровню активности. Первый этап построения типологии был проведен под нашим руководством В. И. Ковалевым на основании глубинного интервью, биографического метода и литературных материалов. На втором этапе был применен комплекс проективных методик, а также модифицированная методика С. Я. Рубинштейн для выявления соотношения реального и желательного времени и модифицированная методика Б. В. Зейгарник для выявления краткосрочного и пролонгированного эффекта незаконченного действия, т. е. краткосрочной и пролонгированной активности.

Выявились четыре основных типа регуляции времени: пассивно-ситуативный, активно-ситуативный, пассивно-продолженный и активно-продолженный по характеру регуляции времени жизни или ее отсутствию и активности.

1. Стихийно-обыденный тип регуляции времени: личность находится в зависимости от событий и обстоятельств жизни, они не успевают за временем, не может организовать последовательность событий, предвосхищать их наступление или предотвращать его, этот способ организации жизни характеризуется ситуативностью поведения, отсутствием личностной инициативы.

2. Функционально-действенный тип регуляции времени: личность активно организует течение событий, направляет их ход, своевременно включается в них, добиваясь эффективности, однако инициатива охватывает только отдельные периоды течения событий, но не их объективные или субъективные последствия; отсутствует пролонгированная регуляция времени жизни – жизненная линия. Лич-

ность соотносится с событийным временем.

3. Созерцательный тип: проявляется в пассивности, отсутствии способности к организации времени. Пролонгированные тенденции обнаруживаются только в духовной, интеллектуальной, творческой жизни. Понимание сложности и противоречивости жизни или уход в сферу научных, общечеловеческих, исторических перспектив не позволяет проявить собственную активность.

4. Созидательно-преобразующий тип: характеризуется пролонгированной организацией времени, соотносенной со смыслом жизни, с логикой общественных тенденций.

Построение полной типологии требует включения и третьего основания – развития, что даст большее число типов, однако такая типология требует лонгитюдинального исследования. Данная типология, построенная всего по двум основаниям, является не только типологией, но и иерархией: типы 1-й и 4-й представляют собой низший и высший уровни развития – наименее и наиболее оптимальные типы. Иными словами, данная типология может быть и определенным шагом на пути к построению типологии по трем основаниям. (Хотя типы 2-й и 3-й не представляют собой иерархических уровней, что также требует специального исследования.)

Данная типология служит диагностической цели, а также подтверждает исходное положение о зависимости личности от общественного времени, независимости последнего от личности и зависимости времени жизни от личности. Однако это положение конкретизируется для каждого типа особым образом, т. е. в каждом варианте действует в разных пределах. Иными словами, каждый тип представляет собой не субъективные структуры личностного времени, а своеобразные способы связи зависимости-независимости общественного и индивидуального времени, а также отношения зависимости-независимости собственно времени жизни от личности.

Данная типология позволяет понять, что только один из типов, последний, обладает способностью к целостной, пролонгированной регуляции и организации времени жизни, т. е. в подлинном смысле является субъектом своей жизни, наличие пролонгированной регуляции позволяет ему произвольно членить жизненные периоды, этапы в относительной независимости от объективного событийного ряда и придавать жизни целостность.

На основе данной типологии можно еще раз убедиться в огра-

ниченности событийного подхода к жизненному пути: для первых двух типов жизненный путь выступает действительно как событийный, но он оказывается таковым исключительно в силу типа их личностной временной организации, которая имеет краткосрочный характер. Для двух последних типов жизненный путь представляет собой непрерывную линию, хотя и в их жизни, конечно, имеют место события.

Косвенно данная типология позволила выявить и ценность времени для каждого из типов, и то, как выявлять эту ценность. Например, для функционального типа как значимая выступает именно данная ситуация и данный момент его активности; за пределами этого времени, когда дело сделано, она теряет свою ценность (и может быть даже забыта, стерта из памяти человека). Новый подъем активности, острота расчета момента действия, взвешивание соотношения внешних и внутренних сил привязаны к следующей ситуации (хотя сама ситуация во времени может быть достаточно длительной, а продлевать ее значимость может и сам человек в силу своей активности).

Для пролонгированного типа существует скорее вневременная ценность, т. е. для него значимость времени выходит за пределы его личной жизни вообще: это может быть время науки, искусства, истории (описание этого типа дал в свое время еще К. Юнг). Для него ценность времени – это не ценность того или иного способа жизни, тем более не способа действия, а переживание ценности самого человеческого бытия, вечного вневременного проявления человеческого духа.

Опираясь на субъективный подход ко времени, многие психологи с этих позиций пытались изучить способы переживания личностью времени. Р. Кнапп выделил некоторые параметры такого переживания: переживание протяженности времени как континуального или дискретного, эмоциональности восприятия времени как приятного-неприятного, наконец, переживание напряженности-ненапряженности времени.

Наше более позднее эмпирическое исследование (Л. Ю. Кублицкене, 1989) исходило из задачи выявить соотношение субъективного и объективного времени, имело своей целью преодолеть их противопоставление. Поэтому предметом исследования явилась взаимосвязь переживания времени, его осознания и его практической регуляции. На основании предварительного анализа разных видов про-

фессиональной деятельности были выделены в общем виде основные режимы, в которых она чаще всего осуществляется. Определились следующие пять режимов: 1) оптимальный срок, данный человеку для определенной деятельности; 2) неопределенный срок, при котором человек должен сам определить и общее время, необходимое для данной деятельности, и срок ее завершения; 3) лимит времени, когда человек должен достаточно напряженно работать, чтобы уложиться в данное ему время; 4) избыток времени, когда его дается заведомо больше, чем необходимо; 5) дефицит, т. е. явно недостаточное время.

Такие варианты временных режимов предлагались испытуемым (аспирантам гуманитарных и технических вузов) в виде специальной методики, включавшей эти временные задачи. Каждый испытуемый давал два варианта ответов – как он действует реально (обычно в том или ином режиме) и как нужно бы было действовать идеально. На основе этих ответов была получена следующая типология.

1. Тип, условно названный оптимальным, во всех временных режимах действовал успешно, т. е. справлялся со всеми временными задачами, но его переживания не были связаны с его деятельностью. Этот тип и обнаруживает ту особую способность, которая названа способностью к организации времени. На наличие этой способности указывает диапазон его временных возможностей: то, что он оптимален в любых временных режимах (особенно в сравнении с некоторыми другими типами, которые оказываются продуктивны только в одном режиме).

2. Тип, названный дефицитным, парадоксальным образом сам сводит все режимы к дефициту времени, т. е. уравнивает все режимы, но в дефиците действует успешно. Для него характерна внешняя заданность времени (минимального); и хотя кажется, что его «подстегивает» дефицит, однако его переживания времени не связаны с деятельностью, ее не регулируют.

3. Тип, названный спокойным, напротив, испытывает трудности при работе в дефиците времени или при сроке, ограниченном извне, но в остальных режимах действует успешно. Это те лица, которые хотят заранее знать о предстоящей им работе, любят сами ее распланировать, распределить во времени (соответственно им и нужно сообщать о предстоящей работе). Переживания этого типа двойственны; когда он сам определяет время, он переживает время как напря-

женное, что свидетельствует о его способности к саморегуляции, мобилизации; когда же время задается извне, он дезорганизуется.

4. «Исполнительный» тип успешно действует во всех режимах, кроме временной неопределенности, т. е. во всех режимах с внешне заданным сроком. В его переживаниях преобладает эмоциональное отношение ко времени, что, по-видимому, связано с циклическим завершением деятельности, удовлетворенностью.

5. «Тревожный» тип успешен в оптимальном сроке, неплохо работает в избытке, но всячески избегает дефицитной ситуации, что и отражается в его переживании времени.

Эта типология, которая строится на основе анализа и обобщения способа действия в различных режимах, фактически выявляет предпочтения людей, их ориентацию на заданность времени извне или самим субъектом. Первый тип, однако, индифферентен к этому различию, что свидетельствует о высоком уровне развития его способности к организации времени. Типология выявила число и характер временных режимов, оптимальных для каждого типа. Это позволит лучше ориентировать людей в профессиональном отношении, выбирая оптимальный для каждого режим работы внутри данной профессии. Каждый человек, зная свои особенности организации времени, сам сможет избегать трудных для себя временных режимов или же совершенствовать, тренировать свои временные возможности. Последнее возможно посредством выбора определенных стратегий организации деятельности.

Основным различием типов, несомненно, является их дифференциация на тех, кто самоорганизуется во времени, и тех, кем нужно руководить извне. Зачем давать человеку избыток времени на выполнение задания, если он все равно все будет делать в последнюю минуту? Но, наверное, именно с таким человеком нужно браться за «горящую» работу?

В исследовании выявилась разная степень связи переживания с деятельностью, разный характер этой связи, разная роль переживания. Одни переживания регулируют деятельность, другие – дезорганизуют ее, третьи – отражают трудности деятельности и т. д. Когда человек свободно справляется с деятельностью в любом временном режиме, его переживания, по-видимому, «высвобождаются» от привязанности к деятельности, от функций ее контроля и регулятора и становятся переживанием ценности времени как такового. Конечно, полученные

данные ставят массу новых проблем, нуждающихся в дальнейшем исследовании.

Из краткого анализа этих типов можно выйти опять к двум методологическим предпосылкам, с которых мы начали: первая состоит в том, что личность – это развивающийся, качественно изменяющийся и становящийся во времени объект; вторая – в том, что личности присуще специфическое движение во времени как субъекту жизни.

Построенная нами типология (при всей своей предварительности) позволяет понять, как можно ставить, а затем исследовать проблему развития. Она позволяет предположить, что вариативность путей развития связана с тем, что в жизни разных личностей складываются разные соотношения индивидуальной и общественной детерминант развития. Личности, жизнь которых более тесно связана с социальной жизнью (профессиональной, коллективной и т. д.), в своем развитии – его темпах, перспективах и ограничениях зависят от социальных возможностей, темпов и ограничений. Для более активных внутри данного типа индивидуальные возможности суммируются с социальными. Если собственно природный, возрастной и т. д. потенциал развития умножается на способность своевременно включаться в социальные структуры и процессы, на активность личности, то ее жизненное движение и развитие оказывается оптимальным. При этом личность в своем развитии не только продвигается быстрыми темпами, но и поднимается на высший уровень, ее жизненное движение приобретает восходящий характер. Если природные потенции, индивидуальные возможности не сопровождаются активностью, своевременным включением в социальные процессы, ценностным присвоением жизни, жилищное движение и жизненный путь перестают зависеть от самой личности, потенциалы развития истощаются.

Таким образом, особенности временной психической регуляции и способность личности к организации времени жизни – ключ к раскрытию природы психики, личности и развития последней.

А. Н. Славская

Роль субъекта в создании и интерпретации авторской концепции*

Самую большую сложность в исследовании интерпретации представляет собой определение той системы координат, в которых она может быть теоретически смоделирована. Поскольку методологически мы определяем интерпретацию как способность сознания личности, субъекта, необходимо очертить то проблемное пространство, в котором реализуется эта способность. Проще говоря, надо установить, *что* является *объектом* интерпретации. Дадим в начале – самый общий – ответ на этот вопрос. То, что любое явление социальной действительности становится объектом интерпретации, это не дает возможности более конкретно – теоретически – рассмотреть соотношение субъекта и объекта интерпретирования.

При анализе познания внеположность субъекта и объекта уже существует. Она является предпосылкой познавательной деятельности. Однако, исходя из положения С. Л. Рубинштейна, развитого К. А. Абульхановой, онтологически субъект не противостоит объекту, а принадлежит объективной действительности, т. е. находится *внутри* самой действительности. Рассуждая философски, он должен выделиться из нее как субъект, т. е. самоопределиться по отношению к ней. Но *одновременно* он должен *выделить* и тот *объект*, который явится объектом его интерпретации.

С. Л. Рубинштейн писал, что объектом, а затем предметом каждой науки становится достаточно объективно (онтологически) обособленная часть действительности. Сегодня, когда фактическая смежность наук достигла максимума, можно говорить скорее о том, что резко обособлены онтологически лишь материальные (природные) и идеальные объекты, хотя деятельность человека все больше минимизирует их обособленность. Относительно личности как субъекта нет (не существует) онтологически обособленного объекта интерпретации. Ее специфика заключается в том, что личность сама выбирает и

* Славская А. Н. Роль субъекта в создании и интерпретации авторской концепции // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – С. 161-182.

синтезирует те фрагменты действительности (ситуации, отношения, факты, явления, события, людей, информацию и т. д.), из которых и образуется собственно предмет интерпретации. Эти фрагменты – как очевидно – разного качества, разной модальности. В действительности они входят в определенные структуры и системы, занимая в них свое место, но интерпретация составляет в качестве своего – предмета свою систему, свои композиции, свои «гештальты».

Текст как объект интерпретации в герменевтике уже задан в качестве объекта. Более того, он «неподвижен», «неизменен». Тексты, как очевидно, могли храниться веками.

Для того чтобы отойти от текстовой парадигмы, а именно опровергнуть убеждение, что *только* текст может быть объектом интерпретации, мы первоначально выбирали предметом теоретико-эмпирического исследования *объект*, с одной стороны, близкий к тексту, с другой – кардинально отличающийся от него, а именно – авторскую концепцию.

Понятие авторской концепции лежит на пересечении целого ряда областей знания – методологии и логики науки, психологии и истории научного творчества, социологии знаний и т. д. Наиболее близким к ее определению, но нечетко оформленным является направление, которое можно назвать психологией творчества, творческих личностей, историй научных открытий. Однако это направление, включающее в себя и популярные биографии великих ученых, художников, философов, преимущественно охватывает описание особенностей творческого акта, этапов и конкретных обстоятельств научного открытия, совершенного учеными. Здесь неизбежна психологизация, «крен» в феноменологический подход к творчеству. Сам творец – ученый – в известной мере остается в тени, даже если дается описание особенностей его личности. Нужно дифференцировать творческий акт (или процесс) от самой концепции (как результата), которая, чтобы быть признанной в науке, должна отвечать определенным критериям.

Можно заметить, что выпадение из этого процесса личности ученого или утверждение безличного характера знаний является закономерным. Во-первых, долгое время и процесс познания, и наука, в которой фиксируются его результаты, рассматривались с философских позиций, а здесь были важны критерии истинности, адекватности познания (или его субъективности). Даже рассмотрение науки как рациональности носило философский характер, поскольку ставилась ос-

новная для философии проблема – насколько наука *объективна*. Во-вторых, личностный подход или, если так можно выразиться, *личностный масштаб* (или ракурс) анализа науковедческих, творческих, историко-научных проблем стал достоянием лишь последнего времени, по мере появления тенденции индивидуализации в самом обществе. Пока вышеуказанная область рассматривалась в категориях «культура», «наука», «творчество», «мышление», «общество», «практика», личности в нем не могло быть места. «Решающая причина, почему явно неадекватные формулировки оснований науки... были приняты выдающимися мыслителями, заключена в их настойчивом стремлении представить знание как *безличное*», – пишет М. Полани (курсив автора данной главы). За стремлением представить знание как безличное бессознательно скрыто желание противопоставить знание как вечное, а потому фактически – неизменное, настоящему, в котором реально живет и мыслит ученый. С этим ложным противопоставлением позволяет разобраться хейдеггеровская концепция времени. Он делит время на современное, на то, в котором течет и умещается жизнь конкретного человека (его двадцать пять или шестьдесят пять лет), и те годы (может быть тоже двадцать пять или шестьдесят пять лет), которые можно исчислять безлично, как полагает анализирующий концепцию Хейдеггера Т. Шварц [36]. Однако и настоящее время (современность), согласно Хейдеггеру, может дифференцироваться по очень глубокому принципиальному основанию. Существование в повседневности может быть неподлинным, «безличным», распадающимся существованием – оно расходует и теряет время. Это вульгарное и традиционное понятие времени, согласно Хейдеггеру, исходит из представления о «бесконечности общественного времени» [34, с. 425], а последнее принадлежит каждому и, следовательно, никому. Но оно может быть *подлинным* в том случае, добавим мы, если живущая в настоящее время личность создает то, что исходит из прошлого и через настоящее обеспечивает продвижение вперед. А именно – ученый создает концепцию, расширяющую пространство из прошлого в настоящее и из него – в будущее.

Отсюда, в-третьих, следует возможность совсем иного понимания конкретно-исторической детерминации творчества ученого, чем это было принято в традиционной отечественной методологии [39]. Ученый в своей концепции фактически и становится выразителем всего того, что существовало в рассеянном, неопределенном, неявном

виде в период его жизни. Он улавливает, воплощает черты своей эпохи и выражает их. Своей концепцией *он осуществляет* тот яркий прорыв в мышлении и знании, который интегрирует возможности своей эпохи. Он не отражает свою эпоху, а выражает ее характерные черты.

Один из крупных отечественных исследователей психологии творчества Я. А. Пономарев справедливо указал на необходимость дифференцирования собственно познавательного процесса и процесса мыслительного [там же, с. 125]. Но, по-видимому, нужно дифференцировать не только познавательный и мыслительный процессы, но и процессы познавательные, мыслительные и... научные. И для их дифференциации и последующей интеграции основанием должна служить личность. Сама эта дифференциация еще не обеспечивает признания личности субъектом и познания, и мышления. Познавательный процесс осуществляется общественным субъектом в масштабах истории. Это процесс, раскрывающий *сущность* действительности. Индивидуальный субъект осуществляет на основе присвоения выработанных человеком знаний познание *мира*, которое соединяет в себе черты обыденного и научного познания; познание мира, уже интерпретированного знаниями. Субъектом, который интегрирует существующие в данной науке знания и формулирует новые познавательные проблемы, является ученый. Его творчество – это особый синтез научных, личностных и интеллектуальных способностей. Сложно найти особенности *процесса создания* ученым *своей концепции*, учитывая *научно-личностные*, а не только интеллектуальные критерии.

Такая возможность открывается только на пути интеграции методологии, истории, социологии науки, психологических разработок в области научного творчества, научного мышления. Резкий прорыв, заключающийся в реализации личностного подхода к науке и знанию, был осуществлен М. Полани. Как отмечает в предисловии к его книге «Личностное знание» крупнейший отечественный философ В. А. Лекторский, целью Полани явилось «изучение научного познания как постижения объективных связей универсума с учетом исключительной конструктивной роли субъекта познания» [7, с. 7]. Сам Полани убедительно показал, что «в каждом акте познания присутствует страстный вклад познающей личности и что эта добавка – не свидетельство несовершенства, но насущно необходимый элемент знания» [там же]. Основу научного прогресса, по его мнению, составляет *личное* проникновение ученого в суть исследовательской задачи.

С. Л. Рубинштейн в своей собственно философской концепции восстановил или, точнее, открыл определяющую роль субъекта, будь то субъект познания или субъект деятельности. Опираясь на это философское положение Рубинштейна, мы и стремимся интегрировать данные разных областей философского и методологического знания с целью сфокусировать их на роли личности как создателя и автора научной концепции.

Почему для раскрытия этой роли недостаточна вся интересная, значимая и конкретная область «психологии творчества», имеющая свою историю, включающую имена П. К. Энгельмейера, И. И. Лапшина, М. А. Блоха, С. О. Грузенберга и других, принадлежащих уже советскому периоду исследователей (И. Н. Дьякова, А. В. Петровского, П. А. Рудика, А. П. Нечаева, П. М. Якобсона, И. С. Сумбаева и, наконец, Я. А. Пономарева)? Прежде всего, потому, что в описании психологических особенностей творчества и его этапов (за редким исключением) отсутствует сама личность. Потому, далее, потому что психологам и исследователям творчества не удавалось вобрать в свой анализ *собственно научные* критерии, рассмотреть научное открытие в контексте науки (хотя многие исследователи творчества были не психологами, как, например, П. К. Энгельмейер, М. А. Блох и др.).

Социолог науки М. Малкей справедливо замечает, что сами ученые, оценивающие степень обобщенности, концептуальности знания, опираются на многочисленные критерии – такие, как согласие с опытными данными, простота, широта применения, точность, плодотворность, изящество, которые трудно суммировать в универсальное представление об авторской концепции в силу их чрезвычайной разнородности, во-первых, и недостаточной определенности, во-вторых. Он приводит многочисленные примеры того, что критерий «практической эффективности» концепции в истории науки многократно нарушался. Поэтому нельзя считать, что данный критерий может использоваться для оценки новых научных концепций [14, с. 93-94]. Точно так же он убедительно опровергает такой общепринятый критерий как доказательство, опирающееся на факты, поскольку и сами факты – явления, допускающие различные *интерпретации*, а попытки повторения экспериментов предпринимались крайне редко. Поэтому на данной стадии развития науки новая научная концепция, знание, положение «подвергается лишь весьма поверхностной и предварительной оценке на его адекватность, согласованность, значимость»

[там же, с. 100].

Критерий используемости научных данных, теорий другими авторами (или последователями) также имеет относительный характер. Во-первых, лишь небольшая часть новых научных теорий «замечается исследователями и широко используется ими. Однако же те элементы сообщения (концепции – примечания автора главы), которые рассматриваются в качестве его наиболее существенных аспектов, могут не совпадать с теми, которым эту роль приписывал сам автор; точно так же работа необязательно *интерпретируется* (курсив автора главы) одинаково. Как только новое научное утверждение отделяется от первоначального контекста, оно подвергается изменяющимся *переинтерпретациям* – даже в том случае, если оно остается в границах одной и той же области исследований» [там же, с. 100–101]. Ссылаясь на анализ, проделанный Равецом (J.R. Ravetz), Малкей приходит к выводу, более радикальному, чем обозначенный нами первоначально (что новое знание не вытекает непосредственно из старого и в его рамках не может быть ни понято, ни объяснено). А именно: когда ученый предлагает сообществу решенную научную задачу, иногда незначительно, иногда радикально изменяются объекты исследования, и, следовательно, первоначальная аргументация оказывается относящейся к несуществующим объектам. Соответственно, отвергаются первоначальные выводы (как относящиеся к несуществующим объектам или приписывающие реальным объектам неверные свойства). Но в лучшем случае первоначальная проблема, уже решенная, рассматривается лишь как содержащая некий элемент, инвариантный по отношению к изменению объектов исследования.

«Именно этот неформальный процесс отбора направляет развитие науки и преобразует в ее главные интеллектуальные достижения те немногие формулировки, которые *выдерживают переинтерпретации* (курсив автора данной главы) и продолжают генерировать «успешные» выводы (St. Toulmin).

Здесь намечена линия, которая представляет один механизм *преемственности* в науке. По поводу второй линии, о которой речь шла выше – относительно *критериев оценки научности* теории, Малкей приходит к выводу, что их критерии культурно-специфичны, зависят от уровня культуры определенного периода [14, с. 93], а также меняют свои значения в соответствии с контекстом их применения (там же), «поскольку формально безупречные демонстрации досто-

верности в науке недостижимы, новые научные утверждения оцениваются не их истинностью, а их способностью удовлетворять требованиям определенного *интерпретационного контекста*. В науке такие контексты содержат как минимум два общих требования: во-первых, согласованность с другими научными утверждениями, уровень общности и степень надежной обоснованности, которые могут быть весьма различными; во-вторых, соответствие конвенциональным стандартам адекватности (например, в связи с требованиями количественной точности, строгости рассуждений, широты данных и т. п.), которые члены соответствующего исследовательского «сообщества» считают подходящими для данного класса проблем» [там же, с. 96].

И возвращаясь опять к первому вопросу о преемственности в науке (в связи с относительностью оценки адекватности научных теорий), он приходит к выводу, что «ранее принятые утверждения, когда они используются для защиты справедливости последующих, не обеспечивают полной надежности этого процесса, ибо все научные утверждения в своей основе не вполне убедительны» [там же].

Мы нарочито подробно воссоздали весь ход анализа, осуществленного Малкеем, чтобы этим подтвердить слова Полани о роли ученого, о личностном характере знания. При анализе движения и развития знания как безличного процесса очевидно, что исчезает и единая логика и непрерывность исторического развития знания. Все оказывается относительным и малодостоверным. И, вероятно, неслучайно, что Малкей постоянно употребляет понятия «научные достижения», «формулировки», «выводы», но не понятие «концепция» (которые мы добавляли от себя в его текст). Все употребимые им понятия логичны и справедливы в рамках социологического исследования знания, которое по сути своей безлично (даже если употребляются слова «научное сообщество», «ученый»).

Но, обращаясь к определениям концепции, существующим в методологии науки (в силу столь же безличного подхода последней) можно воссоздать те ее определения, которые вытекают из личностного подхода к знанию М. Полани. Так, начальным звеном формирования концепции является наличие (отсутствие) чувства *уверенности* в вероятности того или иного события (связи явлений и т. д.), что представляет собой нащупывание субъектом некоторой закономерности. Степень этой *уверенности* и является ориентиром личности для выдвижения гипотез (их проверки и т. д.). «Эта уверенность может

варьироваться от чувства непоколебимой уверенности до едва уловимого сомнения [17, с. 51]. Такого рода личностная избирательность является неотъемлемой чертой науки» [17, с. 43].

При выдвижении определенных утверждений (гипотетических или категорических) о наличии определенной закономерности ученый руководствуется ощущением «личной *ответственности*» за то, что такое утверждение истинно, соответствует действительности, раскрывает сущность. Кроме того, справедливо соображение Полани о том, что жизнь слишком коротка, чтобы ученый мог позволить себе проверять миллионы ложных гипотез в надежде натолкнуться на одну истинную. Тем самым в любом утвердительном высказывании ученого присутствует элемент *личного отношения* (будь то утверждение гипотезой или выводом). Но и выбор, и проверка гипотез осуществляются на основе таланта автора. Определение таланта Малкей детализирует, рассматривая регулирующие *искусные действия* ученого (обозначаемые Малкеем «максимами»), правила, искусное применение которых составляет «часть области его мастерства» [14, с. 58]. Очень существенно то, что речь идет не о некотором открытии, которыми занимается психология творчества, а о личном способе конструирования научной концепции. «Цель искусного действия достигается путем следования ряду норм или правил, известных как таковые человеку, совершавшему это действие», – пишет Полани, выводя на свет «субъекта, создающего концепцию. Это искусство не формализуемо. И потому передается только посредством личного примера, от учителя к ученику» [17, с. 86]. Это неявное искусство научного исследования – в отличие от содержания науки – остается скрытым, но условием его передачи от учителя к ученику оказывается не только личный пример, но и авторитет учителя.

Детализируя действия, осуществляемые учеником в области точных наук, Полани рассматривает способности к упорядоченности, лежащие в основе создания классификаций, способность к созданию некоторого целого из разрозненных данных, подчиненного поставленной цели. Это «*усилие*, направленное на реализацию избранного нами плана действий, помогает включить в деятельность все элементы ситуации, которые в ином случае воспринимались бы лишь сами по себе, но в данном случае их восприятие объединено той целью, для достижения которой мы их используем» [там же, с. 97].

Всякое действие является актом *самоотдачи*, присутствующим

в каждом интеллектуальном свершении и стягивающим множество вещей к *единому фокусу* [там же]. Это, в свою очередь, требует особой способности к *эффективной координации* отдельных конкретных деталей, способ связи которых неизвестен, даже если они эксплицитно определены. «Основная трудность состоит в необходимости интеграции этих элементов в единое целое при отсутствии формальных ориентиров для такой интеграции» [там же, с. 132]. Это знание Малкой называет молчащим, периферическим, невербализируемым – *неявным знанием*. Оно связано с личностным стремлением к тому, чтобы твердо и *определенно* нечто установить. А механизмом, который включается в эти усилия, умения, искусные действия, являются... *интеллектуальные эмоции*. Эти эмоции, страстность ученого связаны с научной *ценностью*. Оценка существенного в отличие от незначительного связана не только с рациональными критериями — она связана с переживаемым ученым чувством интеллектуально прекрасного. «При этом видение научной ценности оборачивается способностью ее открыть, точно так же; как восприимчивость художника рождает его творческие способности. Такова эвристическая функция научной *страстности*» [там же, с. 207]. В то же время эвристическая эмоция служит главным источником *оригинальности* как *силы*, побуждающей нивелировать общепринятую схему интерпретации и соглашаться (преодолевая при этом логический разрыв) на использование новой схемы. Наконец, эвристическая эмоция часто имеет тенденцию превращаться в страсть к *убеждению*, главный источник всех споров по фундаментальным вопросам [с. 229]. Исходя из этого, Малкей дает радикально новое определение истины: «истина есть нечто, о чем можно мыслить, только будучи в этом убежденным» [14, с. 308]. В акте самоотдачи разрешается глубочайшее противоречие субъекта науки: личность опирается на всеобщее, повинуюсь велениям своей совести, т. е. обязательствам, добровольно возлагаемым личностью на самое себя. Всеобщность господствует над ней в силу ее ответственности перед собой. Но это и есть – одновременно – независимость, исключаяющая всякую субъективность.

Малкей сравнивает ход научного открытия с процессом вынесения трудного судебного решения. «В обоих случаях ответственное за нововведение лицо располагает широкими возможностями для выбора, поскольку оно не имеет каких-либо фиксированных правил, на которые оно могло бы надежно положиться, диапазон свободы его дей-

ствий определяет и меру его личной ответственности» [там же, с. 315].

Таким образом, воссоздавая звенья теории личностного знания, построенной Малкеем, мы имеем возможность на этой основе дать обобщенное представление о научной концепции как *авторской концепции*. Создание концепции оказывается неэквивалентно научному открытию во множестве существующих его описаний.

Концепция создается ученым как субъектом совершенно особой научной деятельности. Не говоря о том, что именно им определяется выбор направления и проблемного поля, он выявляет те *противоречия* в существующем знании, которые не даны эксплицитно, не формулируются авторами других теорий, а могут быть найдены, обнаружены специальным интеллектуальным поиском. Его личностные усилия направлены на то, чтобы связать и удержать своим сознанием из разных данных некое целое, еще достаточно неопределенное и сформулировать гипотезу таким образом, чтобы она была единственно достоверной среди множества других и для обеспечения этого целого и для решения проблемы. Это целое может включать и существующие факты, и программу исследовательских процедур, их последовательность, их смысловую связь с гипотезой и с предвосхищаемыми выводами. Авторское мастерство, искусство в создании этого конструкта опирается на глубочайшую уверенность именно в такой организации целого из всех других возможных бесконечных допустимых вариантов. Эта личная уверенность и есть другая сторона мастерства, таланта, способности ума как скальпелем проникать в сложнейшие системы связей, переплетений знаний, данных и, отсекая лишнее, выстраивать новые совершенно оригинальные структуры. Эта уверенность не есть ни на чем не основанная вера, а выражение взятой на себя ответственности.

Наиболее явственным воплощением авторства при создании концепции, по мнению Полани, является момент *решения*, принимаемого личностью, когда она отказывается от прежних принципов, меняет свои исходные предпосылки и тем самым изменяет свое интеллектуальное бытие, изменяет самое себя так, чтобы достичь приемлемости *для себя самой*. Этот решительный шаг делается в стремлении найти более твердую опору, в стремлении к большей ясности и связности и тем самым прийти таким путем к более тесному контакту с реальностью. «Мы должны довериться собственному суждению как высшей инстанции в ряду всех наших интеллектуальных проявле-

ний... мы будем достаточно компетентны, если выберем в качестве ориентира интеллектуальное совершенство...» [17, с. 276].

Таким образом, повторяя, можно сказать, что авторство при создании концепции проявляется в эмоциональном, волевом, ответственном и одновременно свободном интеллектуальном самовыражении личности, в ее свободе радикально преобразовать сами основы предшествующего хода мысли и тем самым занять новую личностную позицию, выразить новое *мнение*. Но мыслить о новом подходе, принципе рассмотрения проблемы можно, только будучи убежденным в нем.

И, конечно, автор является таковым потому, что он не только преобразует ход и логику научной мысли, но и потому, что он находит новое место в научном пространстве, с которого начинается *иное* видение бытия. Это и есть, согласно Хейдеггеру *осмысление*. «У осмысления другая сущность, чем у осознания и научного познания», – пишет он [34, с. 252]. «Путем осмысления мы достигаем места, откуда впервые открывается пространство, вымеряемое нашим действием и бездействием» [там же]. Это место достойно вопрошания. А в вопрошании заключено неразрывное единство того, «как начать думать», и определения того места бытия, в котором оно говорило бы о себе и о своем пребывании. Это и есть способность ученого стать интерпретатором. Он своим способом мысли и осмысления открывает то пространство, в котором связи и отношения оказываются в особом единстве, единстве, имеющего смысл, понятного и объяснимого. Это своего рода выведение на свет бытия, делающее его существующим для нас, извлечение его из неизвестности. Интерпретированное есть сделанное видимым ученым, надежно обеспеченное им самостоятельно, внутри сферы, которой он сам распоряжается. В акте представления «чего-либо как осмысленного, определенного всегда присутствует субъект, «Я». Оно становится представляемым против того и перед кем оно представлено. «Этот последний как *таковой* берет на себя сущностную роль масштаба для того, *что* выступает и должно выступать в представлении как *предо-*ставлении сущего» [там же, с. 125]. Таким образом, во всяком представлении (концепции, трактовке, мнении) заключена сущностная принадлежность представляющего к конституированию представления. Истина есть достоверность, для которой оказывается решающим то, что человек как субъект в ней каждый раз удостоверен и обеспечен в самом себе. Это и есть неразрывность

субъекта и его интерпретирования как действия, выбирающего ту позицию, с которой сущность бытия становится видимой, представляемой, осмысленной.

В интерпретировании познание смыкается с осмыслением, истолкованием, мнением познающего. В нем одновременно заключено, согласно Хайдеггеру, и оценивание. Признание ценности, значимости чего-либо – это уверенность в его надежности, принимая во внимание действующие силы и обстоятельства. «Этот расчет подразумевает тогда задействие того, при наличии чего должно получиться то, на что рассчитывают и с чем считаются» [34, с. 164]. Это определение условий, при которых нечто становится необходимым и обязательным, а такое определение и есть оцениваемое, расцениваемое как условия, т. е. ценность. А расценивание осуществляет субъект, который безусловно устанавливает все на самом себе и от себя и для себя.

Но насколько интерпретирование есть проявление авторства, т. е. определенности субъекта как «позиции» интерпретирующего, насколько скрыта та точка в теоретическом пространстве, с которой ему открылась определенность, осмысленность объекта? Как он пришел к этой позиции, из которой он осуществил переворот в ходе мысли и сумел достичь ее новой интегративности, композиции?

Это другая сторона проблемы авторства как субъекта интерпретирования. Это вопрос о контексте как том пространстве, в котором такая точка, позиция могла быть найдена. Он сам, даже с помощью рефлексии, вряд ли может определить этот контекст, постольку, поскольку в нем он был лишь идущим, ищущим определенность своей позиции. Контекст существует не относительно к тексту, концепции, а относительно к автору. А открыть этот контекст может только методология науки как ее рефлексивная и целеполагающая способность. Контекст может быть обнаружен и понят другим субъектом, который берется за интерпретацию авторской концепции.

Но контекст, согласно Хайдеггеру, всегда *историчен*. Это означает нечто большее, чем традиционное понимание автора как современника своей эпохи, ее выразителя и т. д. Хайдеггер связывает историчность с событийностью, отрицая ее как процесс, фиксируемый историографами. В событии само бытие *сбывается* и пребывает, изменяется через это событие и, мы бы добавили, *являет себя*. События это такие моменты изменения, в которых проявляется, является *определенность* бытия. Но событийность истории имплицитна. Она требу-

ет своего эксплицирования. И последнее может опираться на категорию или метод *реконструкции* (В. А. Кольцова). Последняя определяет совокупность тех возможностей и ограничений, которые содержал исторически контекст автора данной концепции. Но реконструкция исторического контекста – это не только реконструкция логики развития науки, как считал М. Г. Ярошевский. Это реконструкция предполагает и раскрытие причин такого или иного познавательного отношений к действительности, и выявление событий, изменяющих характер того или иного отношения, а также выявление неких неизменных ценностей, т. е. анализ типа мировоззрений. Историчным – в этом смысле – является признание того, что субъективный опыт не менее реален, чем данные точных наук, что гуманитарное знание не в меньшей мере является ценным для человечества, чем данные физики и математики. «Аристотель, – пишет П. Фейерабенд – просто «перевернул» Парменидову шкалу ценностей: реально то, что играет важную роль в жизни людей, а не то, что придумано логиками» [32, с. 47]. По мнению Протагора контроль и *переинтерпретация* научного знания задача всех граждан, а не только философов.

Следовательно, интерпретация авторского контекста является сложным актом определения его исторической, мировоззренческой, методологической составляющих, совокупность которых и образует особенность, оригинальность его исходной позиции для осуществленной им творческой интерпретации. «История, – пишет Александр Пятигорский, – это в каком-то смысле место мышления» [там же, с. 108].

Однако интерпретация авторской позиции в системе культуры является чрезвычайно трудной в силу спрессованности смыслов культурных концептов, которые чрезвычайно сложно разделить на составные компоненты (Н. И. Суканенко). Поэтому авторство есть явление, подобное двояковыпуклой линзе. Сам автор, создавая свою концепцию, осуществляет самый сложный акт интерпретации, представления нового смысла через новую композицию, достигаемую им посредством выбора и определения своей позиции. А авторство его – и сама эта позиция – подлежат интерпретации другими – учеными, философами, простыми смертными. Оно устанавливается, определяется (в смысле – определенности) через культурно-исторический контекст. Основным научным методом такого определения в истории является *реконструкция* (В. А. Кольцова), основным методом обыденного познания и методом, применяемым в образовании – *интерпретация*.

«Продуктом» ее является установление оригинальности концепции, ее перспективности, масштабности и тем самым авторства.

Способом квалификации авторских концепций личности Л. Хьеллом и Д. Зиглером в их труде «Теории личности» явились две сетки категорий, одну из которых можно назвать *методологической*, а другую – *наукovedческой*.

В число первой сетки входят:

1. Свобода – Детерминизм
2. Рациональность – Иррациональность
3. Холизм – Элементаризм
4. Конституционализм – Инвайроментализм
5. Изменяемость – Неизменность
6. Субъективность — Объективность
7. Проактивность – Реактивность
8. Гомеостаз – Гетеростаз
9. Познаваемость – Непознаваемость [35, с. 40].

В число критериев оценки «достоинств» теорий личности авторы включили следующие шесть *наукovedческих* категорий:

1. «Верифицируемость», под которой подразумевается возможность проверки, осуществляемой независимыми исследователями. «Это означает, что теория должна быть сформулирована таким образом, чтобы содержащиеся в ней концепции, положения и гипотезы были определены ясно и недвусмысленно и логически связаны друг с другом» [там же, с. 36].

2. «Эвристическая ценность», подразумевает перспективность данной теории для дальнейших исследований.

3. «Внутренняя согласованность» предполагает отсутствие в теории внутренних противоречий.

4. «Экономичность», согласно этому критерию «более простые и более четкие объяснения предпочтительнее более сложных» [там же, с. 37].

5. «Широта охвата» предполагает многосторонность концепции и широту сфер, на которые распространяются ее объяснительные возможности. «Еще одно достоинство всесторонней теории состоит в том, что она может быть использована как логический каркас для объединения и интеграции новых разрозненных фактов, установленных в наблюдении или эксперименте» [с. 38].

6. «Функциональная значимость» состоит в практической ори-

ентации, которую дает теория личности. Она способна пролить свет на особенности последней и ее межличностные отношения.

Методологическая система категорий построена по принципу противоположностей каждой пары, что, на наш взгляд, не совсем адекватно по отношению ко всем категориям. Например, детерминизм и свобода противоположны только при ограниченной трактовке детерминизма как внешней обусловленности. Но рубинштейновская трактовка детерминизма как *диалектики внешнего и внутреннего* совершенно снимает эту противоположность. Ряд пар категорий фактически совпадает (или очень близки друг другу). Свобода и детерминизм – это одновременно субъективность и объективность (свобода – это и есть проявление субъективности). Проективность – реактивность – это также свобода проявления активности или активность в ответ на внешнее воздействие (детерминизм). Также почти тождественны конструкционализм – инвайроментализм и гомеостаз и гетеростаз, поскольку понятие конституционализма раскрывает специфику личностной организации также как и понятие гомеостаза. Таким образом, список мог бы быть сокращен, с одной, и расширен, с другой стороны. В контексте отечественной методологии была выявлена полярность категорий *биологическое – социальное*, которая имеет место и в способах объяснения личностной детерминации и активности во всей мировой психологии. Пара индивидуальное и общественное также логически и методологически существенна для объяснения личности. Изменяемость – неизменность может быть более глубоко раскрыта через принцип развития.

Можно было бы продолжить этот анализ и сопоставление с отечественной методологической системой категорий, но нам важно здесь отметить лишь главное различие методологических контекстов личностных концепций в отечественной и зарубежной психологии. В первой уровень методологии представляет собой не всегда сопоставимый и непосредственно связанный с *каждой* теорией самостоятельный уровень интерпретации личности. Каждая теория не может быть проанализирована под углом зрения *всех* пар категорий. Иными словами, методологическое пространство отечественной психологии личности организовано (структурировано) иначе и имеет иную функцию для построения концепций личности.

Что касается науковедческой сетки категорий, то она безусловно более значима и адекватна для квалификации отечественных тео-

рий личности. Можно только сожалеть о том, что науковедческие категории гораздо менее проработаны в отечественной психологии и редко используются для квалификации ее концепций. Однако некоторые категории, например, «эвристическая ценность», трактуемая как перспективность, фактически работают в отечественной науке в виде понятия «школы», «направления», под которым имеется в виду обеспеченная перспективностью теории преемственность ее дальнейшего развития данной школой (Выготского, Рубинштейна, Узнадзе и т. д.). «Функциональная значимость» в отечественной психологии эквивалентна практическому значению, практической приложимости, роли теории и является одним из ведущих критериев оценки различных психологических концепций.

К сожалению, в число отмечаемых авторами книги категорий не вошел параметр «теоретичность», который характеризует большинство отечественных концепций и предполагает, что они строились преимущественно по принципу моделирования, а не изучения личности как реальности (психосоциальные исследования).

Этот анализ проделан нами с целью показать, каков научный и методологический контекст, в котором могла бы интерпретироваться любая концепция личности любым представителем психологической науки – будь то психолог-теоретик, психолог-практик или преподаватель психологии.

Чтобы отойти от текстовой парадигмы в данном исследовании в качестве объекта интерпретации был избран не текст и задача его понимания, а **авторская концепция**, т. е. идеальный объект. Мы предполагаем, что именно такой объект соответствует определению интерпретации как процесса выработки субъектом своего *мнения*. В конечном итоге и герменевтика, работавшая с текстами, содержала и идею автора, его замысел и воплощение. Наиболее доступной для исследования является авторская концепция в том понимании, которое сложилось в методологии науки, в исследованиях по истории науки, в частности – истории и методологии психологии (М. Блок, Е. А. Будилова, М. Вебер, А. Горнфельд, В. А. Кольцова, А. Пуанкаре, Р. С. Микулинский, Б. Рассел, С. Л. Рубинштейн, М. Г. Ярошевский и др.). Она опирается на понятийный аппарат самой методологии науки, на содержательные и науковедческие критерии, некоторые из которых мы проанализировали. В исследовании процесса интерпретации авторской концепции психологами (при анализе их мыслительного, интер-

претационного процесса) можно использовать соответствующие критерии. Существует еще ряд понятий авторитетности, современности и других, которые одновременно являются и понятиями герменевтики и методологии науки.

Так как в отечественной психологии все концепции личности носят авторский характер (К. А. Абульханова), интерпретировать их в единых понятиях и категориях, как это сделали Л. Хьелл и Д. Зиглер, очень сложно. Концепции опираются на самые различные основания (В. Н. Мясищев определяет личность на основе отношений, А. Н. Леонтьев – деятельности, Д. Н. Узнадзе – установки, С. Л. Рубинштейн – принципе детерминизма и триединстве потребностей, способностей и характера личности и т. д.). В данном случае эти основания концепций носят содержательный методологический характер. Поэтому перед интерпретатором (респондентом) данного исследования также стояла своего рода авторская проблема: как сформулировать, определить *свою* задачу интерпретации.

Реализация субъектной парадигмы оказалась сложной теоретико-эмпирической проблемой, поскольку нужно было сочетать одновременно три принципа: 1) свободу самовыражения субъекта, т. е. предоставить ему возможность определения задачи, чтобы не исказить, не подавить эту позицию субъекта, 2) обеспечить контролируемость направлений, по которым оформляли свою интерпретационную задачу субъекты, 3) учесть возможные разнообразные варианты постановки этой задачи и способы решения каждым из них. Для реализации последнего принципа были использованы имеющиеся в психологической, герменевтической и философской литературе понятия: «вывод», «априорный», «контекст», «уровни комментариев» (С. В. Васильев) и др. и разработана совокупность параметров, критериев, которые вошли в теоретико-эмпирическую модель интерпретации.

Поясним более детально эти уровни и параметры модели. Исходным *уровнем* нашего анализа является *процесс мышления и его критерии*, введенные С. Л. Рубинштейном, развитые, дополненные, детально исследованные А. В. Брушлинским. Первым уровнем является уровень изучения интерпретации как *интеллектуального процесса* и процесса осмысления, который выступает как *первичный* механизм интерпретирования. Следующим *уровнем* являются *личностные особенности* интерпретирования, которые выявляются с опорой на модель Васильева, модифицированную для целей данного исследова-

ния.

Личностные особенности интерпретации проявляются в том, что над процессом мышления начинает осуществляться контроль сознания. Это выражается в некоторых мирообобщениях, по выражению А. В. Брушлинского, в комментариях, по С. А. Васильеву. Иногда, по видимому, их трудно выделить из феноменологии самого процесса. Но теоретически они представляют собой тот механизм ограничений, которым сам субъект регулирует свой поиск смысла. Как говорилось выше, для герменевтики ограничителем является жесткость связи текст–интерпретатор.

В число характеристик субъекта интерпретации в качестве особого уровня нужно включить *отношение к авторской концепции*, которое становится стержнем ее интерпретации, а также отношение к самой задаче выработки своего мнения, потребность в его экспликации. В идеале отношение человека к выработке своего мнения должно включать параметр личностной уверенности, отмечаемый А. В. Брушлинским при решении задач, который мы по возможности учитывали в эмпирическом исследовании через отношение к экспериментатору и его заданию.

В данной исследовательской модели субъект имел возможность сам ограничить задачу интерпретации только пониманием содержания, только произвольным толкованием концепции или расширить ее вплоть до создания собственно научной и оригинальной трактовки. Он мог проявить ответственность и стремление к упорядоченности, конструктивности, строгости, последовательности рассуждений, т.е. интеллектуальную дисциплинированность или, напротив, свободу обобщений, переходя от одних контекстов к другим. Он мог обнаружить стремление к обоснованию, *объяснению* своей позиции или уклонение от него, а также желание эксплицировать, репрезентировать свое мнение или оставить его при себе и т. д. По-видимому, в этом проявляются способность, умение интерпретировать, оттачивать свое мнение, стремление к его определенности или, напротив, неумение или нежелание его иметь.

Искусство интерпретации, как и искусство риторики, может быть связано с областью акмеологии, т.е. представляет собой достигнутый личностью уровень мастерства. Умение интерпретировать, по нашему предположению, должно быть свойственно прежде всего ученым, критикам, теоретикам литературы, несомненно, определенным

профессионалам юриспруденции – защитнику, судье и т. д. Повидимому, такое умение, связанное с необходимостью объяснения преподносимых знаний, должно быть важным профессиональным качеством педагогов.

Педагог является такой фигурой, которая обеспечивает переход от общественного познания к индивидуальному. Причем особенность его задачи состоит не только в передаче знаний и их содержания, но в том, чтобы в какой-то мере обучить самому способу научного познания. Именно поэтому и в деятельности педагога, и в деятельности обучаемого, по нашему мнению, предположению, должны проявляться способности объяснения, понимания, обобщения и целостная способность реконструкции авторской концепции, включающая прежде всего ее интерпретацию.

Список литературы:

1. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А. В. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна. М, 1989.
2. Абульханова К. А. Психология и сознание личности. М. – Воронеж, 1999.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
4. Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
5. Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. М. – Воронеж, 1996.
6. Будилова Е. А. Философские проблемы в советской психологии. М., 1972.
7. Вопросы теории и психологии творчества. Т. VII. Харьков, 1916.
8. Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1965.
9. Гайденок П. П. Философская герменевтика и ее проблематика. Природа философского анализа. Т. I. М., 1975.
10. Гурова Л. Л. Семантика. Логика и интуиция в мыслительной деятельности человека. М., 1979.
11. Дильтей В. Описательная психология. М., 1924.
12. Кольцова В. В., Медведев А. М. Об изучении истории психологии в системе культуры. Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 5. С. 3-12.
13. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. М., 1983. Т.1.

14. Малкей М. Наука и социология знания. М., 1983.
15. Объяснение и понимание в научном познании. М., 1983.
16. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.
17. Полани М. Личностное знание. М., 1985.
18. Пономарев Я. А. Психология творчества. М., 1976.
19. Проблемы объяснения и понимания в научном познании. М., 1982.
- Т)
20. Рикер Поль. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.
21. Рикер Поль. Конфликт интерпретаций. М., 1995.
22. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М. – Л., 1940.
23. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957.
24. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1997.
25. Славская А. Н. Интерпретация как предмет психологического исследования // Психологический журнал. 1994. т. 15. № 3. С. 78–87.
26. Славская А. Н. Гуманистические аспекты понимания и интерпретации // Гуманистические проблемы психологической теории. М., 1995. С. 83–95.
27. Славская А. Н. Интерпретация как механизм правовых представлений личности в российском обществе (опыт психосоциального исследования) // Психологический журнал. 1998. Т. 19. №2. С. 3–14.
28. Славская А. Н. Соотношение эгоцентризма и альтруизма личности: интерпретации // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 6. С. 13–23.
29. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992.
30. Теория, школы, концепции. Художественное произведение и личность. М., 1975.
31. Тульчинский Т. Л. Интерпретация и смысл // Интерпретация как историко-научное и методологическая проблема. Новосибирск, 1986.
32. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
33. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. СПб., 1995.
34. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
35. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. М., 1995.
36. Шварц Т. От Шопенгауэра к Хайдеггеру. М., 1964.
37. Штерн В. Изучение свидетельских показаний // Проблемы психологии. Ложь и свидетельские показания. М., 1905.
38. Шлейермахер Ф. Д. Лекции по эстетике // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. М., 1967. Т. 3.
39. Ярошевский М. Г. Наука как предмет психологического исследо-

вания // Проблемы научного творчества. М., 1971.

40. Moscovici S. Social influence and social change. L. N.Y. San-Franc: Acad. Press, 1976.

41. Feyerabend P. K. An attempt of a realistic interpretation. Experience-Proceeding of the Aristotelian Society. New-Series. 1958. V.58.

Е. А. Сергиенко

Ранние этапы развития субъекта*

Разработка психологии субъекта предполагает выделение и описание основных этапов становления человека как субъекта деятельности. Исходные положения психологии субъекта, берущие начало в философии, были разработаны С. Л. Рубинштейном, Д. Н. Узнадзе, Б. Г. Ананьевым и присутствовали, в самом обобщенном виде, в гуманистическом подходе в психологии. А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова-Славская продолжают и развивают основы психологии субъекта, сформулированные С. Л. Рубинштейном. Схематично основные положения психологии субъекта можно свести к следующим: субъект – это человек на высшем уровне своей активности, целостности (системности), автономности. На этом уровне человек предельно индивидуализирован, то есть проявляет особенности своей мотивации, способностей, психической организации. Человек не рождается субъектом, а становится им в процессе деятельности. Каждая личность есть субъект, но он не сводим к личности. Субъект – качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности, способ согласования внешних и внутренних условий осуществления деятельности во времени, центр координации всех психических процессов, состояний, свойств, а также способностей, возможностей и ограничений личности по отношению к объективным и субъективным целям, притязаниям и задачам деятельности. Целостность, единство, интегративность субъекта являются основой системности его психических качеств [6,7,8,9]. Раскрывая природу целостности субъекта, А. В. Брушлинский указывает, что это означает прежде всего неразрывную взаимосвязь природного и социального на всех стадиях развития человека, начиная с пренатальной стадии, когда появляются самые пер-

* Сергиенко Е. А. Ранние этапы развития субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – С. 270-302.

вые, простейшие психические явления у еще не родившегося младенца.

Приведенные схематично основополагающие положения психологии субъекта показывают, что данное направление разработано лишь в самом общем виде и нуждается в детальном теоретико-экспериментальном обосновании.

Представляется, что две идеи данного подхода имеют принципиальное значение для развития психологии. Первое положение связано с возможностью объединения субъектно-деятельностного подхода и системного подхода. Подобное объединение двух парадигм возможно на основе помещения в центр концептуальной схемы психологии человека как субъекта деятельности, как стержня психической организации. На каждом этаже или этапе своей реализации субъект выступает как носитель определенной системности, раскрывающейся во взаимодействии с миром. Именно субъект становится системообразующим фактором на каждом этапе своего развития, созидая свою сложную многоуровневую систему психической организации. «Вопреки широко распространенным точкам зрения, субъект – это не психика человека, а человек, обладающий психикой, не те или иные психические свойства, виды активности и т. д., а сами люди — деятельные, общающиеся. Субъект – качественно определенный способ самоорганизации...» [с. 333]. Заметим, что принцип системного подхода предполагает самоорганизацию психики человека, которая проходит определенные уровни своего развития. Подобное объединение двух подходов: системного и субъектно-деятельностного, позволяет сделать шаг на пути приближения психологии к человеку, реальному, сложному субъекту собственной деятельности, включив в это рассмотрение системные механизмы его психической организации.

Второе положение психологии субъекта, которое важно для перспектив развития психологии, состоит в единстве рассмотрения индивидуального и универсального в человеке. Традиционным для психологии остается изучение характеристик человека как индивида, в смысле его принадлежности к человеческому виду, и индивидуальных особенностей человека, в смысле его отличий от других представителей человечества. Однако современные тенденции развития психологии остро ставят вопрос о разработке единого подхода к изучению человека в обеих его ипостасях: обладающего как универсальными, так и особенными чертами в организации психики.

Одним из открытых вопросов субъектно-деятельностного подхода является вопрос о критериях становления человека как субъекта собственной деятельности. В чем состоит качественное отличие человека как субъекта деятельности от других психологических категорий, описывающих его: индивида, личности, индивидуальности? Понимание субъекта отлично у разных авторов. Так, Б. Г. Ананьев выделял три основные подструктуры в организации человека: индивид, личность, субъект деятельности. Интеграция этих трех подструктур образует неповторимую индивидуальность человека. Компонентами индивидуальности являются свойства индивида (совокупность природных свойств), личности (совокупность общественных отношений) и субъекта деятельности (совокупность трудовых деятельностей). В индивидуальности интегрируются три формы развития. Основная форма развития человека как индивида – онтогенез. Форма развития личностных свойств – жизненный путь человека в обществе, становление субъектных свойств происходит в процессе профессиональной деятельности человека. Все три составляющие имеют свои особенности и характеристики, всем им присуща неравномерность, гетерохронность процесса развития. Индивидуальность генетически формируется позже, являясь результирующей целостной системой свойств, процессов онтогенеза, профессиональной деятельности и жизненного пути человека. Таким образом, мы видим, что в понимании Б. Г. Ананьева человек как субъект деятельности – это определенный этап человеческого развития, предполагающий формирование психических свойств и механизмов в процессе профессиональной (производственной) деятельности. Отсюда человек как субъект характеризуется операциональными механизмами, тогда как индивид функциональными механизмами, а личность – мотивационными механизмами, включающими потребности индивида и ценностные ориентации. «Разумеется, – пишет Ананьев, – разделение человеческих свойств на индивидные, личностные и субъектные относительно, так как они суть характеристики человека, как целого, являющегося одновременно природным и общественным существом. Ядро этого целого – структура личности, в которой пересекаются (обобщаются) важнейшие свойства не только личности, но также индивида и субъекта [3, с 220]. Выделяя в качестве ядра человеческой организации личность, Б. Г. Ананьев указывает, что «структура личности, сложившаяся в процессе индивидуального развития человека, сама детерминирует направление, степень измене-

ния и уровень развития всех феноменов психического развития. С. Л. Рубинштейн именно в этой структуре личности, комплексе личностных свойств усматривал те внутренние условия, через которые действуют те или иные внешние факторы» [3, с. 218].

Здесь мы видим различия в понимании субъекта Б. Г. Ананьевым и авторами субъектно-деятельностного подхода. Если для Б. Г. Ананьева личность является ядерной структурой организации, то для субъектно-деятельностного подхода – субъект, который всегда является личностью, но не сводим к ней. Для Б. Г. Ананьева субъектом становится человек в процессе своей профессиональной деятельности и творчества, как высшего уровня профессиональной деятельности, тогда как в представлении последователей С. Л. Рубинштейна субъект – качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности. «Любая личность может быть объектом подлинного воспитания лишь постольку, поскольку она вместе с тем является субъектом этого воспитания» [8, с. 345]. Именно субъект рассматривается как ядро человеческой организации. «Многообразные виды и уровни активности субъекта образуют целостную систему внутренних условий, через которые как через основание развития только и действуют внешние причины» [8, с. 344].

Однако различно содержание категории субъекта и у авторов субъектно-деятельностного подхода, опирающихся на основные положения С. Л. Рубинштейна. Так, К. А. Абульханова понимает данную категорию как постоянное движение личности к субъекту. Она пишет, что «... не всякая личность может быть субъектом деятельности» [1, с. 63]. И далее: «Применительно к разным личностям можно говорить о разной мере их становления как субъектов, в соответствии с общим определением, что субъект – это не вершина совершенства, а движение к нему» [1, с. 65].

Определяющим для категории субъекта автор полагает возможность разрешать противоречия. Рассматривая качественные изменения личности, ставшей субъектом деятельности, К. А. Абульханова выделяет три основные трансформации, происходящие с человеком. Во-первых, все психические ресурсы (психические процессы, свойства, состояния, способности) используются как средства обеспечения жизнедеятельности и деятельности личности. Во-вторых, все психические ресурсы образуют индивидуальную композицию, подчиненную личностной деятельности. «Становление личности субъектом деятельно-

сти есть процесс реорганизации, качественного преобразования включенных в деятельность и обеспечивающих ее осуществление психических и личностных свойств в соответствии с требованиями деятельности и критериями самой личности» [1, с. 67]. В-третьих, личность, став субъектом, начинает опираться на свои стратегии в жизни и деятельности, несмотря на наличные ресурсы, способности и возможности. Так, человек, потерявший смысл жизни, не использует свою волю, интеллект, способности для работы и самореализации. Автор подчеркивает, что «определение субъекта как разрешающего противоречия позволяет понять, почему личность, уходящая от таких решений, начинает подвергаться деформации, деградации, фрустрации» [1, с. 68]. Таким образом, в качестве критерия субъекта выступает способность разрешать противоречия, и без этой способности личность не становится или утрачивает статус субъекта. Субъект, в определении К. А. Абульхановой, есть гармоничная, самореализующаяся личность, достигшая вершины в иерархическом развитии. В новой работе К. А. Абульханова уточняет различия категорий «субъект» и «личность». Она пишет: «Личность становится индивидуальностью достигая максимального уровня развития своей **особенности**, а субъектом она становится, достигая оптимального уровня развития своей человечности, этичности... Качество ее как субъекта проявляется в оптимальном способе организации этого жизненного пути, общения, деятельности... Субъект осуществляет организацию жизни как целостного процесса, учитывая ее изменчивость и сопротивляемость. Способность личности регулировать жизнь, организуя ее как целое, подчиненное ее ценностям, и позволяет ей стать относительно независимой, свободной по отношению к внешним требованиям, давлению обстоятельств. Жизненный путь личности детерминирован самой личностью, с одной стороны, и объективными, преднаходимыми ей условиями, требованиями, событиями, обстоятельствами, эпохой, к которой она принадлежит, с другой стороны. Эти детерминанты никогда не совпадают друг с другом. Поэтому качества личности как субъекта жизненного пути проявляются в **способе разрешения противоречий**, возникающих в ее жизненном пути при осуществлении его организации» [2, с. 25].

Выделенный критерий субъектности, по моему представлению, не является специфичным и достаточным для данной категории. Разрешение противоречий даже на неосознаваемом уровне выделяется

как движущая сила любого развития, в том числе и личностного. Человек, начиная еще с пренатального периода своего развития, всегда стоит перед разрешением противоречивых тенденций, потребностей и мотивов. Безусловно, противоречия эти разного уровня сложности: от обеспечения комфорта своего психофизического развития до решения мировоззренческих проблем. Но именно эти разного уровня противоречия, стоящие перед субъектом, целостность которого является системообразующим фактором психической организации и регуляции, обеспечивают его развитие и как индивида, и как личности. Активность субъекта, разрешающего те или иные противоречия, созидает психическое, носителем которого является субъект. Избирательность этой активности и ее индивидуализированная результативность и вариабельность указывают на то, что эти действия совершает субъект. Здесь вопрос стоит об уровнях самоорганизации и регуляции субъекта деятельности. Поэтому определение субъекта как разрешающего противоречия, в понимании К. А. Абульхановой, означает, что категория субъекта поглощается категорией личности и является лишь обозначением высокого уровня развития личности, способной к самореализации, что вполне согласуется с представлениями гуманистического подхода о стремлении человека к самореализации и самоактуализации (например, А. Маслоу, К. Роджерс). Значительно шире понимает категорию субъекта А. В. Брушлинский. Напомним: «Субъект – качественно определенный способ самоорганизации...» [9]. С другой стороны, он указывает, что субъект – это человек на высшем уровне своей активности, целостности (системности), автономности. Он подчеркивает, что субъектом не рождаются, а становятся. «Каждая личность (в том числе ребенка) есть субъект, но последний не сводится к личности» [9]. С одной стороны, А. В. Брушлинский признает непрерывность развития человека как субъекта деятельности, а с другой, постулирует субъектность как высший уровень активности, целостности, автономности. Данное противоречие нуждается в разъяснении и разработке, поскольку вопрос о критерии категории субъекта остается открытым.

Нам представляется, что вопрос о природе субъекта может способствовать разработке проблемы критерия субъектности. Только изучение непрерывного становления разных уровней человека как субъекта деятельности, по нашему убеждению, может продвинуть анализ данного вопроса.

Для выделения критерия становления развития человека как субъекта деятельности необходим анализ проблемы выделения человеком себя как действующего субъекта. Факты экспериментальных исследований, теоретические представления о психическом развитии ребенка должны быть обобщены и проанализированы с точки зрения возникновения субъектности в жизни ребенка, его представлений о себе, своей индивидуальности и своих отношениях с другими людьми. Первый аспект этой проблемы – формирование личности человека как стержневой характеристики субъекта. Второй аспект – становление субъекта предполагает рассмотрение понимания и разделения мира физических и социальных объектов. Третий аспект связан с положением субъектно-деятельностного подхода о том, что основой саморазвития субъекта является изначально практическая, а затем теоретическая деятельность. И, наконец, четвертый аспект этой проблемы – развитие индивидуальности. Субъект на высших своих уровнях – развития предельно индивидуализирован, но высший уровень подразумевает существование и неразрывную преемственность всех предшествующих уровней развития человека как особенного, отличающегося субъекта. Все эти аспекты составляют линии, по которым происходит развитие понимания ребенком субъективной концепции мира и себя, как активного субъекта деятельности.

Ранние периоды онтогенеза человека рассматриваются справедливо как решающие и для становления концепции мира (физического и социального – Theory of Mind), и для развития личности человека. Опираясь на принцип континуальности психического развития человека, можно предположить, что развитие базовых уровней субъектности в раннем онтогенезе предшествует развитым, зрелым формам осознанного поведения субъекта. Для описания развития понимания себя и других как агентов, наделенных психическим, необходимо проанализировать виды опыта взаимодействий, доступных младенцам. Эти виды опыта обеспечивают начальную информацию, которая может кодировать факт, что Я и другой – агенты, осуществляющие психическое отношение к миру, следовательно, субъекты деятельности. До недавнего времени младенец рассматривался как пассивный, малокомпетентный объект, на который направляется социальная активность взрослого человека. Способность ребенка стать полноценным субъектом взаимодействий с миром связывалась с его возможностью усвоить социальные символы, знаки как орудия, которыми оперируют

собственно человеческие формы психического. Однако современные исследования показали, что даже самые маленькие младенцы демонстрируют понимание некоторых законов организации физического и социального мира [12, 13], с самого рождения вовлечены во взаимодействие с социальными партнерами, демонстрируя улыбки и распознавая и копируя разные взрослые жесты и экспрессии [33, 34]. Это означает, что на самых ранних этапах развития человека младенец действует избирательно, планируя и контролируя взаимодействия с внешним миром, но развитие его концепции мира, включающей и понимание физического, и понимание социального мира, то есть психических взаимодействий людей, проходит шаг за шагом, на разных уровнях развития. Однако на каждом уровне человек обладает целостностью, избирательностью, индивидуальностью, что и позволяет говорить о базовых этапах становления его как субъекта деятельности. Аргументируем данное положение.

Базовая модель социального мира

Если 5-летнему ребенку показать коробку с картинкой печенья и спросить: «Что там?», он ответит: «Печенье». Когда ребенок откроет коробку, то будет удивлен, увидев в ней карандаши, а не печенье. «Что подумает другой ребенок, который еще не открывал коробку, что в ней находится?» «Печенье», – ответит ребенок. Тот же эксперимент с другим ребенком 3 лет дает иные результаты. Ответ на первый вопрос был ожидаемый: «печенье», но на второй вопрос – неожиданный: «карандаши». Еще более удивительно, что ребенок утверждает, что с самого начала думал, что в коробке находятся карандаши. В отличие от 5-летних детей, 3-летние не понимают, что они или другие люди могут иметь ошибочные представления, заблуждаться. Результаты таких экспериментов относятся к бурно развивающейся области исследований наших знаний и предположений о ментальном мире – нашей житейской психологии или наивной концепции сознания (Theory of Mind).

Начиная с 1980 годов исследования развития понимания ментальности развивались очень интенсивно. В 1978 году в статье Примака и Нуддрафа [24], при обсуждении возможности шимпанзе понимать ментальность, они определили Theory of Mind как возможность индивида выделять ментальные состояния у себя и других. Такие состояния не наблюдаются непосредственно, они проявляются в предвидении поведения других. Эти ментальные состояния могут рассмат-

риваться как отражение собственных целей, интенций, знаний, веры, мыслей сомнений, обмана и тому подобное. Обсуждая положения, выдвинутые в этой статье, три философа независимо друг от друга (Bennett, Dennett, Harman) выдвинули предположение, что можно сконструировать ситуацию, которая бы показала наличие или отсутствие теории психического у животного [20]. Животное видит, как другое животное кладет объект (банан) в контейнер А и затем уходит. Объект перекалывают из контейнера А в контейнер В. Если шимпанзе ожидает, что вернувшийся второй шимпанзе будет искать его в первоначальном контейнере, то это будет демонстрировать наличие уверенности, что объект должен находиться в том же самом месте, где его оставили, а, следовательно, ожидания базируются на ментальных представлениях своих и другого. Эта идея была использована в работах на маленьких детях и известна как тест уверенности, где куклы Салли и Анна разыгрывают подобную ситуацию.

Развитие понимания психического в младенчестве и раннем возрасте

В недавних работах Спелке с коллегами [39] были представлены доказательства, что младенцы могут различать причину движения физических объектов от движения людей. Сравнивали возможности 7-месячных младенцев понимать необходимость контакта как причины движения при взаимодействии физических тел и людей. В ознакомительной пробе младенцы смотрели, как один физический объект или изображение человека появляется с одной стороны центрального экрана и перемещается позади него. Второй объект или человек появлялись из-за другой стороны экрана за интервал времени, при котором первый объект вступал в контакт со вторым. Затем все происходило в обратном порядке. В тестовой серии экран отсутствовал и младенцы видели или контактные или неконтактные события. В контактных событиях физический объект или человек двигались по тому же пути, что и в ознакомительной серии, происходил контакт со вторым объектом или человеком, что сообщало ему движение. В неконтактных событиях второй физический объект или человек никогда не вступали в контакт с первым движущимся объектом. Первый объект останавливался на близком расстоянии от второго, начинавшего движение после паузы. Если младенцы способны отличить физический источник движения от биологического, то они будут находить неконтактные события более интересными (новыми, невозможными), а контактные

– знакомыми. Если «объекты» – люди, у младенцев не должно быть различий между контактными или неконтактными событиями, так как люди являются агентами, наделенными способностью к самодвижению. Это и было получено в экспериментах.

Элегантные исследования были проведены Э. Мелтзоффом [35], который изучал развитие понимания субъектности. Он показал, что более старшие дети могут понимать интенциональность других, которая предполагает понимание субъектности. Мелтзофф показывал детям 18 мес, как взрослый пытается вытащить один объект из другого, но безуспешно. Действия взрослого являлись только попыткой, только намерением неосуществленного действия. Дети в 18 мес. понимали, что экспериментатору надо давать еду, которая ей нравится, а не ту, которая не нравится, даже если сами младенцы ее предпочитали. Эти факты указывают на далеко не эгоцентрическое поведение младенцев.

Младенцы рождаются со способностями, помогающими быстро развить понимание ими людей. Они предпочитают человеческое лицо, голос, биологическое движение физическому. Они способны к имитации эмоций и жестов с самого рождения. Они понимают, что люди как агенты отличаются от объектов физического мира.

В 2-месячном возрасте младенцы приспособливают направление своего взора к изменениям взора матери. Дж. Баттерворт и Л. Гровер [20] показали, что младенцы 6 мес. направляют взгляд в ту же сторону комнаты, что и их мать, однако не фокусируют тот же объект. В 12 мес. они уже могут локализовать объект, но еще не поворачиваются, когда мать смотрит на объект за их спиной. Как только младенцы учатся следовать взгляду другого человека, они начинают следовать глазами за жестом другого. Между 9 и 14 мес. дети уже указывают на разные объекты. Более того, они не только указывают, но и контролируют взгляд взрослого, чье внимание они направляют. Они это делают двумя путями: до указывания они проверяют, смотрит ли на них взрослый, а затем при указывании контролируют, смотрит ли взрослый на указанный ими объект [21]. В состояниях общего внимания младенцы начинают идентифицировать свои ментальные состояния (внимания) и других людей, направленные на один и тот же объект. Они научаются, что объект внимания взрослого человека может вызвать положительные или отрицательные эмоции, что является начальным пунктом социальных референций. Например, ребенок будет

избегать предмета, на который родители реагировали негативно.

Как мы видим, уже в возрасте около года дети приобретают знания о ментальных состояниях, интенциональности, целенаправленности действий других людей. Это важные знания для успешности социальных взаимодействий. Дети понимают, что заставить мать смотреть на что-то может стать условием побудить ее делать желаемое. Вопрос состоит в том, насколько они понимают, что должен видеть взрослый, когда смотрит на предмет? «Смотреть» – это физическое действие, направление взгляда в нужном направлении, тогда как «видеть» описывает ментальный эффект этого действия. Когда дети различают это? Лемперс, Флейвелл и Флейвелл [38] просили детей от 1 года до 3 лет показать игрушку или картинку другому лицу, обращенному лицом к ребенку. Картинка была наклеена на картонку или дно чашки. Дети одного года показывали игрушку, но не показывали картинку. В полтора года дети начинают показывать картинку очень интересным образом. Они не держат ее вертикально, не поворачивают к другому человеку. Они держат ее горизонтально так, чтобы самим видеть вместе с взрослым. Если картинка была на дне чашки, то они держали ее очень низко, чтобы можно было посмотреть самому и взрослому. В 2 года дети показывают картинку, обращая ее к лицу взрослого, при этом сами уже не могут видеть ее. Если взрослый закрывал глаза рукой, то дети полутора лет убирали руку от глаз прежде, чем показывать картинку. Однако, если взрослый просто закрывал веки, только дети 2 лет предпринимали действия, чтобы он их открыл. Эти эксперименты подтверждают, что дети одного года понимают, что другие люди могут испытывать те же ментальные состояния «смотреть» и «видеть» только при условии их общности, тогда как в 2 года они отделяют понятие действия «смотреть» от ментального состояния «видеть».

Дети в возрасте между 3,5 и 5 годами начинают понимать, что человек может иметь ошибочное предположение, уверенность. В этом возрасте они начинают манипулировать доверием взрослых, обманывать и врать. Детям данного возраста предъявлялась задача, которая являлась модификацией теста на уверенность, описанного в начале этой темы. Ребенку демонстрировалась ситуация, в которой кукла-мальчик прятал свой шоколад в зеленую коробочку и уходил, а кукла-девочка перекладывала этот шоколад в синюю коробочку. Ребенка спрашивали, где будет искать шоколад кукла-мальчик. В эксперимен-

тах принимали участие дети с нормальным развитием, аутисты и дети с синдромом Дауна. Дети с нормальным развитием и дети с синдромом Дауна в 4 года в большинстве отвечали правильно, что мальчик будет искать свой шоколад там, где он его оставил. Тогда как аутисты отвечали, что шоколад мальчик будет искать в синей коробочке. Неспособность аутистов понять ошибочность предположений мальчика, их неспособность к обману могут быть следствием дефицита ментальной модели.

Одной из центральных задач при становлении теории психического является разделение между физическим объектом и агентом или субъектом, носителем психического. Поэтому многие исследования посвящены изучению природы и ранних проявлений знаний о наиболее элементарных типах ментальных состояний (желаний, уверенности, общего внимания, восприятия и т.п.).

Теории развития модели ментальности (Theory of Mind)

Развитие понимания детьми ментальности рассматривается как основа социального понимания. Представления о природе житейской, наивной психологии чрезвычайно различны.

Одна из проблем понимания ментальности заключается в том, что информация о себе и своей деятельности качественно отлична от информации о другом человеке, вовлеченном в ту же деятельность. Информация о себе – это информация об объекте, включая опыт взаимодействия с ним, информация о другом – это информация о субъекте и его поведении. На основании только этой информации у ребенка нет способа узнать, что эти два типа информации относятся к одному и тому же, то есть к психическому отношению между субъектом и объектом. Тем не менее, ребенок это узнает. Как же это происходит?

Существует множество теорий, объясняющих данный процесс, которые можно разбить на четыре группы.

1) Теории модулярности.

Главная цель модулярного подхода – определить требования к системе обработки информации, необходимой для когнитивного развития. Общая система обработки информации включает несколько подсистем – модулей, формирующихся по мере созревания мозга. Некоторые модули (в том числе, модуль, ответственный за социальное понимание) имеют встроенную репрезентационную структуру, определяющую тип переработки информации и форму получаемого зна-

ния.

В теории А. Лесли (Leslie) [по 29] предполагается существование трех модулей для обработки соответствующей информации, которые могут развиваться независимо и параллельно, хотя в норме их развитие происходит последовательно, отчасти детерминированное созреванием общей когнитивной структуры.

1-й модуль – теория телесных механизмов. Начинает развиваться с 3–4 месяцев. Ребенок обрабатывает информацию о поведении физических объектов и создает классификацию объектов, основанную на их физических свойствах. Если объект может начинать движение или изменять его сам по себе, то он, скорее всего, может быть субъектом. Если же это происходит только с привлечением внешних источников энергии – он не субъект.

2-й модуль – теория механизмов мышления. Начинает развиваться в 6–8 месяцев. Обрабатывает информацию о субъектах и их целенаправленных действиях.

3-й модуль – теория механизмов мышления 2. Начинает развиваться около 18 месяцев. Обрабатывает информацию о субъектах и их ментальных отношениях к возможно существующему. Следовательно, эти механизмы ответственны за метарепрезентации и отвечают также за понимание действий в отношении потенциально несуществующих обстоятельств.

В теории С. Барон-Кохена (Baron-Cohen) [по 29] подчеркивается решающая роль в развитии *theory of mind* *детекции* ребенком *направления взгляда*. Автор теории добавляет к перечисленным выше модулям еще детектор намерений (определение намерения другого человека), детектор направления взгляда (прослеживание ребенком взгляда взрослого, что позволяет ментально присоединиться к намерению взрослого), а также механизм общего внимания, когда внимание ребенка и взрослого встречаются на одном объекте, что дает представление об обмене психическими состояниями.

2) Неопиажистские теории.

Согласно теориям этой группы, развитие модели ментальности, главным образом, зависит от собственной активности ребенка в социальном мире. Различия между авторами заключаются в том, предшествует ли понимание эквивалентности себя и другого различению социального мира и мира объектов. В первом случае мы имеем теории симуляции, которые предполагают, что понимание другого происхо-

дит через уподобление их собственной направленной деятельности на базе собственного опыта.

Б. Расселл, например, считает, что знание о разделении на субъект и объект и знание об объекте есть на самом деле знание об отношении между собой как субъектом опыта и объектом. Опыт социального взаимодействия играет огромную роль в развитии понимания себя и других как субъектов [по 29].

3) Теории подобия (**matching**).

Основное внимание в теориях этой группы уделяется проблеме понимания эквивалентности себя и другого. Предполагается, что врожденное сходство между собой и другими наиболее очевидно в ситуациях, где Я и другой вовлечены и одну и ту же деятельность. Это и есть ситуации подобия, позволяющие младенцу понять, что Я и другой одинаковы в их потенциальной возможности вступать в психологические отношения с объектами.

Два главных подхода среди этих теорий схожи в подчеркивании центральной роли интермодальной интеграции и амодальной репрезентации информации, полученной от себя и других.

В теории имитации Э. Мельтзоффа и А. Гопника [35] основная роль отводится способности ребенка к имитации. Предполагается, что способность к определению кросс-модальной эквивалентности между зрительным опытом деятельности других и проприоцептивным опытом собственной деятельности позволяет младенцу получать опыт типа «как и я». Таким путем можно получить не только опыт в отношении действий, но и в отношении эмоций, наблюдая за их поведенческими проявлениями (имитация счастливого выражения лица ведет к переживанию эмоции счастья). Хотя относительный характер психологических состояний не дан непосредственно в амодальной схеме тела, младенец склонен имитировать действия других, направленные на объект, и в результате может определять эквивалентность Я и других в смысле действий с объектами и тем самым объектно-направленную природу психической активности.

По мнению К. Моора [35], младенец может участвовать в уподобляющей деятельности, не имея предварительно никакой теории психического. Младенцы, вовлеченные в такую деятельность способны получать информацию о себе и других по поводу одних и тех же психологических отношений, и здесь интермодальная интеграция может обеспечить репрезентацию этой деятельности, опосредующей от-

ношения между субъектом и объектом.

4) Теории интерсубъективности. Термин был введен К. Тревартемом в 1979 г. в контексте описания реципрокности в раннем социальном взаимодействии и прояснения идеи, что младенцы уже в двухмесячном возрасте осознают субъектность и интенциональность других. Имеются, однако, возражения, что реципрокность не является реальным феноменом взаимодействия ребенка и взрослого, но лишь отражает тенденцию взрослого интерпретировать социальное поведение младенцев как направленное.

Наиболее разработанной из теорий этого направления является уже упоминавшаяся теория раннего понимания ментальности Р. П. Хобсона [29]. Напомним, что согласно ей, интерперсональная отнесенность является основой всех нормальных форм социального понимания: ребенок в очень раннем возрасте способен координировать свои установки (комбинацию ментальных и телесных атрибутов человека) с установками другого для включения в интерсубъективное взаимодействие. Во втором полугодии жизни дети способны воспринимать установки других, направленные на объект, и таким образом входить в «треугольник отношений» (Я-другой-объект); дети становятся способны относиться не только непосредственно к другому человеку или объекту, но и к отношению другого к объектам внешнего мира или к ним самим. Чтобы это произошло, предварительно существующее представление о людях как субъектах опыта предполагает когнитивный рост в понимании соотношения целей и средств. Понимание возможности разделения установок другого не требует концептуализации психики (сознания), но требует способности регистрировать тот факт, что другие могут иметь психические состояния, отличные от таковых у самого ребенка. Все вышеописанное происходит к концу первого года жизни.

Младенцы самого раннего периода развития имеют активную репрезентацию некоторых аспектов существования физического мира. При этом их способность представлять и «интерпретировать» физический мир развивается в раннем возрасте, опережая способность активно действовать в нем. В 3–4-месячном возрасте младенцы не способны говорить об объекте, делать локомоции вокруг него и активно манипулировать с ним. Они даже видят объекты с невысокой разрешающей способностью. В то же время младенцы этого возраста могут

представлять объекты, исчезающие из поля зрения, интерпретируют их скрытые перемещения, «знают» о пространстве их существования, избирательны в своем взаимодействии. Младенцы представляют объекты и причинность их движения в соответствии с такими свойствами поведения материальных тел, как непрерывность и субстанциальность. Данные, полученные нами и другими исследователями, опровергают тезис Пиаже, что физическое знание зависит от интериоризации сенсомоторных структур и возрастает постепенно по мере становления координации восприятия и действия. Кроме того, результаты приведенных экспериментов отрицают утверждения сторонников различных эмпирических теорий, полагавших, что источником знаний о физическом мире являются только действия в нем. Представления возникают благодаря активному манипулированию с объектами этого мира или локомоциям вокруг них, или представления невозможны до освоения языка и жестов. Одним из аргументов того, что действие не так прямолинейно опосредует развитие знаний о физическом мире, могут служить наши исследования детей с врожденной катарактой и врожденно слепых младенцев. У этих детей действия с объектами не развиваются до становления представлений о постоянстве объектов, существенно отставшем в развитии по сравнению с нормальными детьми из-за отсутствия зрения, которое выполняет функции интегратора в процессе взаимодействия. Существенные задержки наблюдаются также в развитии локомоций, которые также направляются и побуждаются ментальной представленностью [12, 13].

Однако это не означает неизменности базовых представлений. Роль восприятия и действия, как неразрывных звеньев любого взаимодействия, совершенствуясь, развивает представление, которое имеет врожденную основу. Эта основа может быть обозначена как сердцевина или ядро знания или как «антиципирующая схема». Составной элемент «антиципирующей схемы» – представленность (репрезентация) внешнего мира, которая направляет восприятие и организует действие, а это, в свою очередь, развивает, изменяет и дополняет первоначальное, базовое понятие. Приведенные доказательства и аргументы говорят в пользу базовой, очень ранней основы житейского понятия, которым оперирует взрослый, и отрицают тезис о неизменности понятий.

Условием развития начальных когнитивных способностей является взаимодействие со средой. Когнитивные способности адаптиру-

ются и настраиваются средой, ребенок добывает знания на основе антиципирующих схем, направляющих восприятие и действие, изменяющих начальные представления.

Мы попытались представить самый начальный этап развития ментальных репрезентаций у младенцев первого года жизни. Основным тезисом нашей гипотезы является существование функционального ядра базовой репрезентации, которое рассматривается как механизм интеграции отдельных элементов в целое представление о некоторых атрибутах существования мира. Другую модель развития ментальных репрезентаций в раннем возрасте предлагает Иосиф Пернер [38]. В его уровневой модели развития ментальных репрезентаций начальный уровень характеризуется первичной одиночной моделью восстановления информации (single updating model). Эта модель характеризуется двумя важнейшими особенностями: она не модально специфична и не ограничивает репрезентацию воспринимаемого, и свойственна детям первого года жизни. В модели Пернера использование и восстановление информации связано с ограничениями младенцев совмещать различные репрезентации. Так, многие данные, указывающие на существование постоянства объекта, обсуждаемые выше, указывают скорее на развитие репрезентации пространственных концептов, чем собственно концепцию объекта. Бауэр и Вишарт наблюдали как младенцы 6 месяцев ищут объект за ширмой и достают объект даже тогда, когда после начала движения руки к объекту свет был выключен, а в конце – включен. Те же самые дети демонстрируют классический отказ от поиска объекта, спрятанного под платок или в чашку. Исследователи полагают, что младенцы знают о постоянстве объекта, но не могут представить себе объект, находящийся внутри чего-то еще (чашки). До того как младенцы будут способны представить один объект внутри другого, они представляют его возможные перемещения и законы этих перемещений. Данный пример может служить иллюстрацией первичной модели базового уровня репрезентации Пернера. Одиночная модель репрезентации имеет свои ограничения, которые становятся очевидными при хранении и анализе несовместимых, противоречивых фактов. Несовместимость новой информации с существующим состоянием модели является типичной для модели этого уровня. Старая информация вытесняется новой. Следовательно, понимание временных изменений в рамках одиночной модели невозможно. Вторичная модель ментальной репрезентации сни-

мают ограничения первичной одиночной модели и появляется в полуторагодовалом возрасте. Вторичная модель получила название мультимодели, так как важнейшей особенностью данного уровня становится способность совмещения нескольких моделей репрезентации в единую мультимодель. Появляется способность совмещения прошлых и текущих событий для предсказания невидимых трансформаций, понимания и интерпретации символических средств, таких как изображения, жесты, язык, зеркальный образ. Появление символической игры в том же возрасте может быть объяснено развитием уровня ментальной репрезентации в виде мультимоделей. Уровень мультимоделей необходим ребенку для осознания различия между реальным миром и символическими средствами его представления. В уже рассмотренных экспериментах Лемперса, Флейвела и Флейвел [38] просили детей от 1 до 3 лет показывать игрушку или картинку другому человеку, обращенному лицом к ребенку. Приведенные данные подтверждают, что дети понимают, что «показывать» значит предъявлять объект близко к глазам или лицу другого человека. В полтора года они понимают, что линия взора между глазами и объектом должна оставаться без преград для того, чтобы объект был увиден. Но дети этого возраста показывают картинку так, чтобы самим ее видеть, возможно, потому, что показывание должно вести к внутреннему опыту видения. Дети не могут иметь опыт другого человека иначе, чем глядя на картинку одновременно, то есть имея разделенный внутренний опыт. В 2 года большинство детей имеют свой собственный внутренний опыт, который позволяет разделить видение картинки от взрослого. Данное поведение требует мультимодели репрезентации. Уровень мультимодели ментальной репрезентации объясняет также узнавание себя в зеркале. Необходимо сравнить модель реального отражения с моделью себя. Этот уровень также является теоретическим основанием появления эмпатических реакций у младенцев данного возраста. Соотношение понимания «смотреть», «видеть» и «показывать» отражает динамику изменений ментальных возможностей детей. Сначала дети понимают физические отношения, отражают значение «смотреть», что психологически важно для развития организации поведения. Это означает, что физический конструкт еще не отделен от ментального. Только позже они понимают «видеть» и «показывать» как интенционально направленный ментальный опыт. Понимание интенциональности ментального опыта предполагает уже следующую

уровневую организацию – метамоделю, которая является ментальной теорией сознания. Этой стадии дети достигают в возрасте 4 лет и способны к репрезентационному опосредованию и построению репрезентационных теорий. Именно в этом возрасте дети постигают значение веры и доверия. Они начинают манипулировать доверием, начинают врать и обманывать. Неспособность детей-аутистов обманывать свидетельствует о дефиците репрезентативной концепции сознания на уровне метамоделей.

С. Карей [22] предположила, что развитие детского интеллекта состоит в разворачивании двух врожденных концепций: физической и психической в направлении все большей их специфичности. Некоторые аспекты развития понимания физического мира были рассмотрены нами выше. Наша точка зрения отлична от высказанной Карей. Однако понимание физического мира и понимание организации социального мира, называемого психическим концептом, по определению Карей, означающего понимание психических состояний, происходят различно. Понимание психических состояний требует более сложной ментальной организации, проходит более продолжительный путь развития. Однако врожденные, базовые схемы в понимании как физического, так и социального мира присущи самым маленьким младенцам. Поэтому мы рассмотрели теоретическую модель развития житейской психологии Пернера, пытающегося объединить две линии в ментальном развитии детей – понимание физического и социального мира. Общий прогресс развития, по Пернеру, идет от первичной репрезентации (одионочная модель) к вторичной репрезентации (мультимодель или комплексная модель) к метарепрезентации. Пернер выделяет три ступени в развитии понимания психических состояний или социальных субъектов у детей.

1. Врожденная сензитивность к экспрессии ментальных состояний.
2. Понимание ментальных состояний, тесно связанных с ситуацией «ситуативная теория поведения».
3. Понимание ментальных состояний как внутренней репрезентации «репрезентативная теория сознания». Только на этой стадии появляется возможность связать референты с ментальными состояниями.

Многие положения концепции Пернера безусловно спорны, и некоторые факты, обсужденные в нашей работе, ставят под сомнение

универсальность данной модели. Так, предположение об организации ментальной репрезентации младенцев первого года жизни как оди-ночной модели текущей информации не согласуется с нашими дан-ными о развитии антиципации у младенцев уже 3 недельного возраста в условиях непрерывного движения и с данными о возможности по-нимания некоторых конструктов организации физического мира – не-прерывности и субстациональности. Выполнение младенцами задач с исчезновением объекта с антиципацией и понимание некоторых зако-нов существования физического мира с необходимостью предполага-ют наличие ментальной организации на уровне мульти- и даже мета-моделей. Узнавание себя в зеркале проходит путь постепенного изме-нения понимания отражения как объекта познания (как физического объекта) к пониманию зеркального Я (социального субъекта). Разли-чия в уровнях развития следует, возможно, искать в количестве и ка-честве связанности внутренних репрезентаций, которые существенно изменяются в развитии ребенка.

Первые социальные взаимодействия являются диадическими (взаимная регуляция цикла взаимодействия по уровню активности и средствам [42]). К концу первого года младенцы способны к «триади-ческим» взаимодействиям со взрослыми, вовлекая третий объект. Младенцы могут вместе со взрослым разделять состояние внимания по отношению к объекту, понимать по взгляду другого человека, где находится объект, могут сами привлекать и управлять вниманием взрослого, используя жесты для протодекларативных и протоимпера-тивных целей [18]. Младенцы могут разделять контрастные эмоции взрослых с самого рождения, позже они используют эмоциональные выражения взрослых для управления собственными ориентациями на новые объекты, определяя их значение и безопасность. Таким обра-зом, возникают отношения «треугольника»: взрослый – объект – младенец или взрослый – социальный объект – младенец, которые объединяют в единое целое процесс психического взаимодействия. Все это указывает на то, что младенцы понимают некоторые психиче-ские состояния других, используют их для регуляции и организации собственных состояний. Общая тема современных исследований в психологии развития – это природная реципрокность отношений мла-денца со взрослым, которые играют базовую роль в понимании соци-ального мира [30, 31, 42]. Тревартен ввел термин «интерсубъектив-ность» в контекст описания реципрокных отношений ранних соци-

альных взаимодействий младенца со взрослым. Наличие интерсубъективных отношений позволяет установить тождество: Я – Другой. Установление эквивалентности себя с другим человеком возможно на основе выделения себя из физического мира, различения собственных движений от движений других, собственных состояний и их выражений, различения эмоциональных выражений. Механизмами становления биполярной шкалы Я – Другой является репрезентационная система, возможная благодаря механизмам амодального восприятия и интерсенсорного взаимодействия, которые являются врожденными [11, 12, 13]. Важную роль в становлении системы Я – Другой играет появление третьего объекта («треугольные отношения») в интерперсональных отношениях, что знаменует новый уровень в понимании эквивалентности. Младенческий опыт собственной активности и активности Другого будет качественно дистанцироваться до тех пор, пока ребенок не начнет отражать и концептуализировать психические отношения к объектам, что позволяет сравнивать психические состояния свои и другого и служит основой установления тождества Я – Другой.

Таким образом, базовая концепция физического и социального мира свидетельствует об активности, интегративности, социальности человека как субъекта, что позволяет предположить, что истоки субъектности следует искать на самых ранних этапах развития человека.

Основы развития личности

Одним из основных положений субъектно-деятельностного подхода [7] является личностный принцип: субъект – это всегда личность, но к личности не сводим. Представляется, что и эта характеристика человека как субъекта имеет свои корни в раннем онтогенезе. Одной из важнейших начальных задач в развитии ядра личности выступает выделение Я из среды. В самом начале жизни человек способен получать информацию (например, оптический поток), которая прямо специфицирует его непосредственное положение и его изменения в среде. Можно предположить, что первым типом в развитии представлений о себе является *Экологическое Я* – это Я, воспринимаемое относительно физического окружения. Экологическое Я образуется спонтанно с самого рождения и активно функционирует как

составная часть Я-концепции на протяжении всей жизни, изменяясь и развиваясь. Возможно, что экологическое Я имеет корни в пренатальном периоде, поскольку плод совершает активные движения и взаимодействует активно и избирательно со средой. Плод способен к некоторым формам обучения (слухового, тактильного), а при наличии многоплодной беременности происходит активное и избирательное взаимодействие между плодами, причем формы взаимодействия постоянно усложняются от простой реактивности до сложных паттернов взаимодействия, включающих такую организацию поведения, как объятия, поцелуи, ощупывание друг друга, агрессивные действия и т. д. [17]. Способность специфицировать окружение, благодаря механизмам прямого восприятия, избирательности, антиципирующей схеме, инвариантной детекции, позволяет выделить себя, свои движения, свою активность из окружения. Bahrik & Watson [5] показали, что младенцы отделяют собственные движения от движений других детей, наблюдая их изображения по телевизору. Идея экологического Я не нова. Она сформулирована У. Найссером и подобна идее телесного Я или образу тела У. Джеймса. Изменения Я – экологического связано с ростом ребенка, совершенствованием его навыков, что требует рекалибровки систем восприятия [37].

Второй начальной важнейшей задачей в развитии Я-концепции является установление эквивалентности Я – Другой. Этот тип представлений о себе может быть обозначен как *Я интерперсональное*. Я интерперсональное появляется также у самых маленьких младенцев и специфицируется видоспецифическими сигналами о взаимоотношениях Я – индивид, который участвует в человеческих обменах. В эту проформу Я интерперсонального не входят культурные установки и тонкие аспекты интерперсональных отношений. Такой тип представлений также складывается непосредственно. В человеческой жизни люди часто взаимодействуют прямо лицом к лицу, средствами, присущими человеческому виду. Эти взаимодействия встречаются на разных уровнях человеческой интимности, включая телесные контакты или без них. Характерные средства взаимодействия включают обмен взглядами, жестами или ответными вокализациями. Все эти виды взаимодействия воспринимаются непосредственно и не требуют специальной осознанной интерпретации. Это арсенал невербальной коммуникации, на которой строятся интересубъективные циклы взаимодействия. Интерперсональное восприятие функционирует от рожде-

ния. Новорожденные отвечают аффективно на телесный контакт, материнские вокализации, поддерживают контакт глаза в глаза. Стадия первичной интерсубъективности обеспечивается сензитивностью новорожденных к человеческому голосу, человеческому лицу. Младенцы предпочитают не только голос собственной матери, но и аффективный контур «baby talk», мелодичные медленный разговор на частоте женского, высокого голоса. Новорожденные способны имитировать выражение лица взрослой модели (печаль, радость, удивление, гнев) и повторять жесты взрослых в возрасте от 12 до 21 дня после рождения (движение пальцем, открывание рта, высовывание языка, вытягивание губ) [33]. Многократно подтвержденные опыты с имитацией младенцев заставляют согласиться, что задолго до 8-месячного возраста, оцененного Пиаже как первый этап сенсомоторной интеграции, младенцы демонстрируют способность к интегративным действиям, предполагающим наличие репрезентации. Этот этап в развитии понимания социального мира Й. Пернер обозначил как врожденную сензитивность к экспрессии ментальных состояний. Два типа ранних форм структуры Я – экологическое и интерперсональное – являются двумя аспектами взаимодействия с миром. Я экологическое специфицирует описание системы Я – физический мир, Я интерперсональное – системы Я – Социальный мир. Эти два аспекта становления субъектности могут развиваться относительно независимо, однако их взаимодействие необходимо для возникновения следующего уровня «вторичной интерсубъективности», который предполагает «треугольные отношения», включающие и объект и индивида. Дети начинают испытывать общие психические состояния со взрослым по отношению к объекту или событию. Это путь к пониманию дифференцированной интенциональности.

Таким образом, мы полагаем, что становление субъекта проходит непрерывно и стадийно. Первые базовые уровни в развитии субъектности могут быть описаны как **уровень первичной субъектности**, на котором субъект может быть охарактеризован через модель мультирепрезентаций о физическом мире, первичное выделение себя из физического мира и первичную интерсубъективность. **Уровень вторичной субъектности** означает переход к пониманию интенциональности и интеграцию себя как Я экологическое и Я интерперсональное, что происходит к полуторагодовалому возрасту младенца. При этом когнитивное и личностное развитие взаимосвязаны и взаимообуслов-

лены. На каждом уровне базовой субъектности мы видим проявление интегративности, целостности, социальности и личностного ядра в развитии ребенка.

Список литературы

1. Абульханова К. А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта. // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М. ИПРАН, 1997, с. 56–75.
2. Абульханова К. А., Рубинштейн С. Л. Ретроспектива и перспектива. // Проблема субъекта в психологической науке. М. ИПРАН, 2000, с. 13–27.
3. Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания. Избранные психологические труды. Под ред. А. А. Бодалева. Москва – Воронеж, 1996. Гл. IV. Психологическая структура личности и ее становление в процессе индивидуального развития человека, с. 196-280.
4. Барабанщиков В. А. Динамика зрительного восприятия. М. Наука, 1990
5. Баттерворт Дж., Харрис М. Принципы психологии развития. М. Когито- Центр, 2000.
6. Брушлинский А. В. Исходные основания психологии субъекта и его деятельности. // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. Гл. 5, под ред. Брушлинского А. В. М. ИПРАН, 1997, с. 208–269.
7. Брушлинский А. В. Целостность субъекта — основание для системности всех его качеств. // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. Гл. 9. Под ред. Брушлинского А. В. М. ИПРАН, 1997, с. 559–570.
8. Брушлинский А. В. Психология субъекта и его деятельности. // Современная психология. Справочное руководство, под ред. Дружинина В. Н. Ч. 4. Психическая регуляция поведения. М. Инфра-М., 1999, с. 330–346.
9. Брушлинский А. В. Перспективные направления в разработке психологии субъекта // Вестник РГНФ, 1999, № ,с. 330–346.
10. Виленская Г. А., Сергиенко Е. А. Особенности раннего формирования контроля поведения у моно- и дизиготных близнецов. // Проблемы младенчества: нейро-психолого-педагогическая оценка развития и ранняя коррекция отклонений. Материалы научно-практической конферен-

ции. М., 1999, с. 36–39.

11.Сергиенко Е. А. Влияние ранней зрительной депривации на интерсенсорное взаимодействие // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 5. с. 32–49.

12.Сергиенко Е. А. Истоки познания: онтогенетический аспект. //Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 4. с. 43–54.

13.Сергиенко Е. А. Когнитивная репрезентация в раннем онтогенезе человека. // Ментальная репрезентация: динамика и структура. М. изд. ИПРАН, 1998, гл. II, с. 135–163.

14.Сергиенко Е. А., Рязанова Т. Б. Младенческое близнецовое лонгитюдное исследование: специфика психического развития // Психол. Журнал, 1999, Т. 20, № 2, с. 39–53.

15.Сергиенко Е. А., Дозорцева А. В. Соотношение восприятия и действия в младенческом возрасте. // Психол. журнал. 2000, № 5, с. 43–54.

16.Сергиенко Е. А. Природа субъекта: онтогенетический аспект. // Проблема субъекта в психологической науке. М., ИПРАН, 2000, с. 13–27.

17.Arabin B., Bos R., Rijlaasdam, Mohnhaupt a., van Eyck J. The onset of inter — human contacts: longitudinal ultrasound observations in early twin-pregnancies.// Ultrasound Obstet. Gynecol., 1996, № 8, p. 166–173.

18.Bates E. Intentions, conventions and symbols // The Emegency of symbols. (Eds. Bates E., Benigni L., Bretherton L., Camaioni L., Volterra V.) N.Y. Academy Press, 1979.

19.Bushnell E. W. The decline of visually guided reaching during infancy // Infant Behaviour and Development. 1985. V. 8.P.I 39–155.

20.Butterworth G .E. & Grover L. Joint visual attention manual pointing and preverbal communication in human infancy. // Attention and performance/XIII. M. 19. Jeannerod (Ed.), London, Erlbaum, 1989.

21.Butterworth G., Franko F. Motor development: Communication and cognition. //A longitudinal approach to the study of motor development in early and later childhood. Kalverboer L., Hopkins B. (Eds.), Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

22.Carey S. Conceptual change in childhood. Cambridge, MA: MIT Press, 1985.

23.Dennis M. Impaired sensory and motor differentiation with corpus callosum agenesis: A lack of callosal inhibition during ontogeny.// Neuropsychologia. 1976., V. 14., P. 455–469.

24.Flavell J. H. Developmental of children's knowledge about the mental world. // International Journ. Of behavioral development, 2000, V.24, N.I, p. 15–23.

25. Fraiberg S. Insight from the blind. Comparative studies of blind and Sighted infants. N. Y. 1977.
26. Goldfield E. C., Michel G. H. Spatiotemporal linkage in infant interlimb coordination // *Develop. Psychology*. 1986. V. 19, p. 259–264.
27. Jeannerod M. The timing of natural prehension movements // *J. of motor Behaviour*. 1984., V. 16., p. 235–254.
28. Jeannerod M. The formation of the finger grip during prehension: A cortically mediated visuo-motor pattern // *Themes in motor development*. Dordrecht., 1986. P. 183–203.
29. Hobson R.P. Autism and the development of mind. Hillsdale, Lawrence Erlbaum associates, 1993.
30. Lock A. The Guided reinvention of language. N. Y: Academic press, 1980.
31. Kaye K., The mental and social life of babies: how parents create persons. Chicago, Chicago university press, 1982.
32. Klix F. Information und Verhalten (Information and Behaviour). Berlin, 1973.
33. Meltzoff A., Moore K. Infants' understanding of people and things: from body imitation to folk psychology. // *The Body and the Self*. (Eds. Bermudez L., Marsel A., Eilan N.) MIT Press, Cambridge, London, 1995.
34. Meltzoff A., Moor M.K. Imitation of facial and manual gestures by human neonates // *Science*. 1977. V. 218. P. 179–181.
35. Meltzoff A., Gopnik A. The role of imitation in understanding persons and developing theories of mind. // In Baron - Cohen S., Tager – Flushberg H., Cohen D. (Eds.) *Understanding other minds: Perspectives from autism*., 1996, Oxford: Oxford University Press, p. 335–366.
36. Moore C. Theories of Mind in Infancy // *British Journal of Developmental Psychology* v. 14, 1996, p.19–40
37. Neisser U. Five kind of self – knowledge // *Philosophical psychology*., 1988, V.I, N.I, p. 35–59.
38. Perner J. Understanding the representational mind. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 1991.
39. Spelke E. S., Philips A., Woodward A. L. Infant's knowledge of object motion and human action // *Causal cognition. A multidisciplinary debate*. Eds. Sperber D., Premack D., Premack A., 1995, p. 44 -78.
40. Stein B. E., Meredith M. A. The merging of the senses. Cambridge. 1993.
41. Troster H., Brambring M. Early motor development in blind infants // *J. of applied develop. psychology*. 1993. V. 14, 3. 83–106.

42. Trevarthen C. Communication and cooperation in early infancy: a description of primary intersubjectivity // *Before Speech: The Beginnings of interpersonal communication.* (Eds. Bullowa M.), Cambridge: Cambridge university press, 1979.

43. von Hofsten C The gearing of early reaching to the environment // *Tutorials in motor behaviour.* II. Amsterdam, 1993. P. 49–67.

44. von Hofsten C., Fazel-Zandy S. Development of visually guided hand orientation in reaching // *J. of Exp. Psychology.* 1984., V. 38. P. 208–219.

В. В. Селиванов

Свойства субъекта и его жизненный цикл*

Психологические исследования человека как субъекта жизни особенно активизировались с начала 80-х годов и достигли пика интенсивности в конце 90-х годов, являясь одним из приоритетных направлений в отечественной психологии на пороге XXI века, обеспечивающим установление единства различных школ и теорий психологической науки.

На наш взгляд, наиболее систематически и последовательно психологическая теория субъекта разрабатывается в рамках философско-психологической концепции С. Л. Рубинштейна и его последователей.

С. Л. Рубинштейн одним из первых ввел понятие «субъект» в онтологию, в реальное бытие личности. В настоящее время уже сформулирован методологический принцип субъекта (К. А. Абульханова), который успешно развивается А. В. Брушлинским и другими [10, 11, 12].

Большинство научных школ отечественной психологии имеют богатый опыт исследования субъекта. Это концепция жизненного пути личности Б. Г. Ананьева, его исследования человека как системы индивидуальных, индивидных, личностных и субъектных характеристик [4, 5]. Теории В. Н. Мясищева, который рассматривал личность как субъекта разных видов отношений, доминирующими среди которых являются отношения к другим людям.

* Селиванов В. В. Свойства субъекта и его жизненный цикл // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – С. 310-329.

Исследования интегральной индивидуальности в школе В. С. Мерлина по существу раскрывают субъектные характеристики личности. Интегральная индивидуальность представляет собой многомерное образование, синтезирующее свойства организма (биохимические, морфологические, нейродинамические), параметры индивидуума (психодинамические), особенности познавательных процессов и характеристики метаиндивидуальности (Б. А. Вяткин; В. Я. Дорфман и др.). Принципиально значимым, на наш взгляд, является обнаружение многозначных связей между разными уровнями индивидуальности, что обеспечивает своеобразную форму субъектности каждой личности (В. С. Мерлин, 1986; В. В. Белоус, 1996; 1999).

В теории А. Н. Леонтьева личность рассматривается прежде всего в качестве деятеля, субъекта предметно-практической деятельности. Деятельность как высший уровень активности, обретающий собственную дифференциацию (мотив, операции, действия, навыки и др.) в развитых общественных отношениях, порождает и образует психические процессы и свойства, которые на основе интериоризации формируются по структуре как аналог внешней деятельности [19, 20]. В традиции исследований, идущих от Л. С. Выготского, специфичность психики человека проявляется в том, что личность осваивает многообразные социальные, культурные предметы и средства, становясь субъектом речи, языка, психических орудий в целом, продуцированных обществом. Субъектные параметры личности в использовании языковых культурных феноменов успешно раскрываются в современной психологии с помощью методов психосемантики (В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелев, В. А. Цепцов и др.).

В настоящее время активно исследуются основы онтогенетического развития субъекта (К. А. Абульханова, Л. И. Анцыферона, А. А. Деркач, В. Т. Кудрявцев, Е. А. Сергиенко, В. И. Слободчиков, Д. И. Фельдштейн, Г. А. Цукерман и др.); выделены составляющие компоненты опыта субъектной активности (ценностный, рефлексивный, привычная активация, операциональный, сотрудничество) (А. К. Осницкий); обосновывается существование субъектного взаимодействия между человеком и природой в рамках экопсихологии, которое приводит к появлению единого субъекта совместного процесса эволюционного развития (В. И. Панов); рассматриваются закономерности личности как субъекта понимания (В. В. Знаков); предложена субъектная трактовка способностей как качеств и свойств, обеспечивающих ус-

пешное (оптимальное) функционирование психических процессов (В. Д. Шадриков, В. Н. Дружинин); проводятся исследования восприятия как исходно субъектного и личностного процесса, который представляет собой перцептивную систему, состоящую из чувственного образа, внутренних условий субъекта (перцептивного комплекса) и формы жизнедеятельности в пространстве и времени (В. А. Барабанщиков); наконец, предложен новый вид педагогики – субъектная педагогика и новый вид психотерапии – субъектная психотерапия.

Следует обратить внимание на исследования в профориентации, профессиональном консультировании, в психологии становления профессионала. В этой сфере отношение к человеку как субъекту уже несколько лет является важнейшим фактором результативности и качества его профессиональной деятельности (Л. Г. Дикая, Е. А. Климов, Б. Ф. Ломов, А. К. Маркова, В. Д. Шадриков). Так, по мнению Е. А. Климова, совершенствование профессионального образования в современных условиях необходимо включает в себя «...дифференцированное психологическое знание о человеке как субъекте труда в разнотипных профессиях (не только о его гнозисе, практике, опыте, но и специфическом видении им предметной среды, социума, мира в целом как универсума)» [18, с. 27].

Вместе с тем традиционное психологическое понимание природы субъекта часто связано лишь с отношением человека к себе (и другим) как к деятелю, как инициатору и источнику определенных видов предметной деятельности (Леонтьев А. Н., Волкова Е. Н. и др.). При этом субъектность (как овладение деятельностью) выступает одной из многообразных характеристик личности и является менее общим образованием по отношению к личности, индивидуальности и т. д. Не умаляя значения данного аспекта в рассмотрении критериев, характеристик субъекта, необходимо отмечать еще одну сторону содержания субъекта (к сожалению, остающуюся до настоящего времени вне основного поля внимания ученым – его отношение к собственным психическим процессам, свойствам, переживаниям, состояниям. Таким образом, понятие «субъект» является достаточно высоким обобщением, включающим в себя различные уровни проявления активного, инициативного, интегративного, системного начала. **Важной характеристикой субъекта, вероятно, будет выступать его многоуровневая природа и множественность конкретных проявлений.** Полноценный анализ субъекта предполагает выделение нескольких взаи-

мосвязанных аспектов:

- 1) рассмотрение человека как субъекта различных деятельностей;
- 2) раскрытие субъекта как основы разнообразных форм осуществления им психической активности (процессов, свойств, состояний);
- 3) анализ субъекта в качестве участника, инициатора и организатора системы межличностных взаимодействий с другими людьми;
- 4) изучение субъекта как источника, важной составляющей и преобразователя общественных и социальных отношений («социальной ситуации развития») и др.

Важную роль в становлении человека субъектом психических отправлений и разных деятельностей играет его мыслительная активность. Это определяется тем, что появление субъекта в онтогенезе неразрывно связано с возникновением Познавательного объекта. Субъект как факт онтологии во многом становится (формируется) через гносеологическое отношение субъекта, к объекту. Способность отражать мир как объективную реальность, как самодостаточную и относительно независимую от личности сущность предопределяет появление субъекта, которое является генетически исходным по отношению к формированию (возникновению) личности в онтогенезе. Данные положения предопределяют ведущую роль проблемы соотношения личности и мышления, личности и других психических функций в рассмотрении психологического содержания субъекта.

Введение категории субъекта в психологическую (а не только философскую) теорию оказалось весьма перспективным, эвристичным, позволило разрешить целый ряд противоречий и адекватно, методологически грамотно поставить некоторые фундаментальные психологические проблемы. Прежде всего, принцип субъекта подчеркивает то положение, что отдельные психологические свойства и процессы не являются полноценными субъектами, не они сами по себе разворачивают психическую активность. Сознание не может осознавать, мыслит не мышление, направляет не направленность, испытывает тягу к прекрасному или голод не та или иная потребность личности. Осознает, мыслит, испытывает потребности сам человек, субъект собственных психических отравлений. Субъектом выступает не психика, но человек как носитель психического.

В традиционной психологии зачастую функции субъекта приписываются отдельным психическим процессам, свойствам, состоя-

ниям. В этом случае сам человек, личность, познание, общение и т. п. превращаются в «рабов» приобретенных свойств, мотивов, состояний (характерно для функционализма). При этом личность теряет основное собственное качество – быть субъектом, она перестает быть подлинным «господином» психических явлений, последние, напротив, приобретают «надличностное» существование и распоряжаются человеком (а не он ими).

Необходимо отметить, что, по нашим наблюдениям, в случае психических патологий наблюдается перенесение субъектности (функций субъекта) с целостной личности на отдельные ее составные части, т. е. на те или иные приобретенные психологические свойства, состояния, даже привычки, черты характера. Тогда отдельная часть психического личностного мира довлеет над личностью, подчиняет ее жизнь собственному содержанию (например, маниакальные состояния, фобии, курение, kleptomania и проч.). Человек при этих видах патологии не волен распоряжаться собой, теряет свободу и контроль над собственными психическими проявлениями. Однако такой вид субъектности – это, скорее, асубъектность, патология в функционировании субъекта, нарушение нормального бытия личности. Как показывает опыт нашей психотерапевтической деятельности, для восстановления нормы необходима **субъектная терапия**, основной задачей которой является перераспределение функций субъекта с отдельных составных частей психического на личность в целом и усиление общей субъектности индивида [24, с. 202].

Понимание человека, личности как субъекта жизни предполагает более глубокое изучение его процессуальных психологических характеристик. Важным оказывается определить не только содержательную структуру того или иного личностного параметра, но и его **функциональные особенности**. Например, при исследовании мотивации психолог не может ограничиться указанием на структурные и содержательные особенности мотива, необходимо вскрыть его функциональные (субъектные) черты, т. е. степень напряженности мотива, его устойчивость к внешним влияниям т. п. Субъектные параметры относятся, как правило, не к частным психическим определениям, свойствам, а к личности в целом. В этом смысле субъект – это более высокий уровень обобщения, который позволяет рассмотреть деятельностьную, активную, творческую, пластичную, свободную, регуляторную природу человеческой психики. Субъект объединяет в себе

человека во всех его конкретных проявлениях и психическое в единую систему. Субъект не может быть сведен к сознанию как форме идеального познавательного отношения к сущему, он выступает живущим, действующим существом, сознательно перестраивающим бытие и самого себя. В трактовке С. Л. Рубинштейна становление субъекта связано с тем, что человек своим бытием утверждает и усиливает бытие другого, его индивидуальность, самоценность; с тем, что субъект относится к другому как факту становления его сущности, относится к другой личности как к проблеме, с учетом всей полноты ее сущности, и признает за другими права на самоопределение и свободу. Для субъекта другой человек выступает также в качестве субъекта, способного изменять мир и самого себя.

Целостность, единство, интегральность являются важными свойствами субъекта, которые выступают основой для системности всех его психических качеств, часто весьма противоречивых и трудно совместимых [12, 6].

Субъект, наделенный сознанием, изначально оказывается включенным в структуру бытия. Любое психическое явление принадлежит человеку, поэтому оно субъектно и субъективно. Объективно психическое существует как явление субъективное, т.е. принадлежащее субъекту, личности, человеку.

Понятие «субъект» предполагает наличие познаваемого объекта. Взаимодействие человека с миром, который отражается в виде объекта (объективной реальности, т.е. в его собственной логике и сущности) образует сознание. Взаимодействие субъекта с объектом есть не только гносеологическое отношение, это факт онтологии, реального бытия. Оно включает в себя и познавательный, и действительный, и деятельностный, и личностный аспекты, и план общения. Введение субъекта в гносеологию, как указывает К. А. Абульханова, приводит к тому, что «проблемы теории познания оказываются поставленными не «безлично», не в виде абстрактных, отвлеченных от познавательной деятельности субъекта истин, а онтологически и субъективно...» [2, с. 15]. Высшие уровни субъектного бытия личности предполагают, согласно К. А. Абульхановой, использование человеком собственных психологических ресурсов (процессов, свойств, состояний, способностей) в качестве средства обеспечения жизнедеятельности. Психологические ресурсы при этом образуют своеобразную, индивидуальную структуру личности, которая в бытии выражается в

выработанных стратегиях и стилях жизни и познания [1].

Субъект в теории А. В. Брушлинского всегда является личностью, но его содержание оказывается более широким (например, существует групповой субъект).

Соотношение категорий «субъект» и «индивидуальность», на наш взгляд, требует специального анализа в контексте принципа индивидуализации развития психических явлений (и других работах – принципа индивидуальности), предложенного нами.

Принцип индивидуализации развития психических явлений выступает логическим следствием большинства ранее предложенных принципов в отечественной психологии. Учитывая то, что психика выступает непрерывным способом взаимодействия субъекта с объектом, ее природа оказывается предельно пластичной, процессуальной, недизъюнктивной (А. В. Брушлинский). Наши эксперименты показывают так же, что творческое начало в максимальной мере свойственно даже самому обычному функционированию мышления по ходу решения познавательных задач. Мыслительные процессы являются эмерджентными, в них порождаются не только когнитивные конструкты, но и новые личностные образования. Холизм мышления проявляется через его основной механизм (анализ через синтез), изначально направленный ни творчество, на производство новых структур, новых способов обращения с объектом и рефлексии. Холистическая природа психической активности, как правило, разворачивается и без специальной, сознательной цели, часто помимо воли самого субъекта.

В данном контексте можно предложить следующую формулировку принципа индивидуализации развития психики: **любое психическое явление (свойство, процесс, состояние) осуществляется в индивидуальной, своеобразной форме и уникальном содержании. Каждое психическое образование существует лишь здесь и сейчас, точное его воспроизведение и повторение в сознании невозможно в прошлом или будущем.**

Важно подчеркнуть, что в соответствии с этим принципом наше сознание и бессознательное объективно существуют в качестве неповторимого, уникального по форме и содержанию образования. Индивидуальность психического изначально (с момента рождения), имеет онтологический статус, а не возникает лишь на определенных стадиях развития. В традиционной психологии индивидуальность считается более поздним продуктом онтогенетического развития, чем личность

и индивид. Связи между тремя категориями, согласно Б. Г. Ананьеву и др., выглядят следующим образом: «индивид» – «личность» – «индивидуальность». В соответствии с принципом индивидуальности человек уже рождается индивидуальностью (реально и в большой мере потенциально), т. е. неповторимым существом, способным при соответствующих условиях внести собственный вклад в познавательное и практическое изменение мира. Поэтому приведенная схема может быть дополнена иной: «индивидуальность» – «личность» – «индивидуальность». Понятие «индивид» оказывается флуктуирующим, оно может характеризовать и индивидуальность, и личность (как представителей вида человека разумного).

Рассматривая ребенка как индивидуальность с начала его жизнедеятельности, мы выступаем за введение индивидуальности во все возрастные периоды становления человека. Следует особенно подчеркнуть, что индивидуальность в этом случае принципиально не сводима к индивидуальным различиям и особенностям. Она представляет собой уже определенный уровень организации своеобразных черт, их индивидуального состояния и уникальной иерархии.

Если человек – индивидуальность с рождения, то, в нашей трактовке, это не означает, что он уже статичен, стабилен и полностью сформирован, а в ходе онтогенеза только разворачивает свою сущность. Индивидуальность психики наследуется лишь в определенной степени, в целом она есть продукт и следствие бытия человека в мире. Но мы говорим об индивидуальности новорожденного, потому что он не рождается без психики. Психическое появляется во внутриутробном периоде. На сегодняшний день накоплено достаточно фактологического материала, свидетельствующего в пользу гипотезы о пренатальном характере возникновения нашего психического мира. Однако можно в целом согласиться с мнением Ю. И. Шмурак, что «... психологической концепции беременности пока нет» [27, с. 21]. Но успешно в последние годы развивается пренатальная педагогика, которая имеет вполне убедительные результаты. К сожалению, пренатальное образование (в дореволюционной России состоящее из свода правил и примет о должном поведении беременной) касается в основном заботы о здоровье женщины. Сведений о психическом развитии ребенка до рождения и его воспитании в этот период мы имеем мало до настоящего времени.

Очевидно, что онтогенез психического начинается до рождения.

Следовательно, к моменту рождения мы уже имеем дело (пусть с небольшим и специфичным) опытом функционирования психики. Это является убедительным основанием для рассмотрения новорожденного в качестве индивидуальности.

Итак, индивидуальность психики новорожденного, как и его физиология, носит простой и абстрактный (в смысле несформированный, нереализованный) характер, но она есть и будет прирастать в собственном содержании и становиться по ходу бытия ребенка в обществе. Говоря о новорожденном как об индивидуальности, мы утверждаем и изначально общественную природу его психики, поскольку индивидуальность выступает следствием определенного уровня (достаточно высокого) становления человеческой культуры. Ребенок рождается не животным, но общественным существом во всех отношениях, потому что его «биология» также детерминирована историей человечества, как и психика. Ребенок рождается не только общественным существом, но и индивидуальностью, потому что он изначально оказывается включенным в систему субъект – субъектных взаимоотношений, отношений между индивидуальностями. Индивидуальность (взрослый) способна не только видеть, воспринимать индивидуальность (ребенка), но обращаться с другим человеком как с индивидуальностью (пусть пока еще недостаточно развитой и сформированной).

Принцип индивидуализации развития психического обращает внимание психолога на единичное, уникальное в личности, которое понимается как система. Согласно этому принципу психологические свойства изначально возникают и формируются как неповторимые и своеобразные. Основу данной неповторимости создает их принадлежность отдельной конкретной личности как субъекту жизнедеятельности. Психическое, будучи уникальным, не только своеобразно преломляет в себе внешние воздействия, но и своеобразно воспринимает внешние стимулы, обладает неповторимой обратной реакцией.

Принцип индивидуализации развития психики играет важную роль в общей психологии (раскрывая возможные варианты уникального движения психических процессов), в психологии личности (ориентируясь на психобиографический подход, центрируясь на проблемах типологизации), в возрастной психологии (поднимая детство до уровня самоцельного, полноценного периода бытия индивидуальности), в дифференциальной психологии – во всех сферах психологиче-

ского знания. Особо следует отметить, что данный принцип позволяет дополнить сложившуюся схему рассмотрения психической организации, в которой индивидуальные различия есть лишь некоторый доводок, завершающий раздел, дополнение к общим законам функционирования психического. Индивидуальность становится необходимой категорией психологии, которая объясняет исходные психологические закономерности, начиная с простейших процессов и заканчивая высшими формами проявления сознания личности.

Таким образом, субъект и индивидуальность являются еще одним фокусом (наряду с личностью), через который преломляются все внешние воздействия при осуществлении человеком его бытия в мире. В соответствии с принципом индивидуализации развития психического всякая индивидуальность есть субъект, а каждый субъект является индивидуальностью. По нашему мнению, онтогенетически индивидуальность существует уже с рождения, а субъект формируется, развивается. Вероятно, с года, с появления первых слов у ребенка (которые свидетельствуют о появлении внешнего объекта, означенного словом) мы можем говорить о возникновении субъекта в собственном смысле слова. Хотя речь здесь не выступает единственным существенным критерием появления субъекта. Необходимо отметить, что в экспериментах Е. А. Сергиенко было убедительно доказано, что предпосылки субъекта появляются уже в раннем онтогенезе, в младенчестве, а многие из них имеют генетические основания. В частности, она пишет: «На каждом уровне базовой субъектности мы видим проявление интегративности, целостности, социальности и личностного ядра в развитии ребенка» [25, с. 201]. Эти базовые свойства функционирования психического мира младенца, хотя выступают неотрефлексированными самим ребенком, но впоследствии составят остов субъекта.

Если суммировать параметры субъекта, которые были предложены в некоторых философских и психологических исследованиях, то можно выделить следующие его критериальные свойства:

- 1) носитель активности;
- 2) источник познания и преобразования действительности;
- 3) включенность в общественное развитие;
- 4) способность отражать мир в виде познаваемого объекта;
- 5) наличие сознания;
- 6) целостность, единство, интегральность;
- 7) системность свойств;

- 8) способность к саморегуляции и творчеству;
- 9) овладение определенными видами деятельности и их функционированием;
- 10) саморазвитие;
- 11) самодостаточность и автономность;
- 12) осуществление функционирования психических процессов, свойств, состояний;
- 13) индивидуализация психического;
- 14) использование психических ресурсов (процессов, свойств, состояний, способностей) как средств объяснения жизнедеятельности и деятельности личности;
- 15) использование индивидуальных стратегий, стилей жизни и деятельности;
- 16) тесная взаимосвязь (согласованность, единство) между личностью и психическими функциями;
- 17) высокая психологическая дифференциация;
- 18) континуально-генетическая природа психического мира;
- 19) усиление своим бытием бытия другого человека, его индивидуальности и самооценности;
- 20) восприятие, понимание и обращение с другим человеком как субъектом (отношение к другой личности как проблеме, с учетом всей полноты ее сущности, с признанием за ней права на самоопределение и свободу);
- 21) наличие личной истории, жизненного пути;
- 22) способность решать внешние и внутренние противоречия.

Этот список далеко не исчерпывает всех многообразных форм проявления субъекта. В целом, можно сказать, что субъект – активно действующий и познающий, обладающий сознанием и волей человек или социальная группа.

В психологии субъект становится реальностью, которая совмещает в себе традиционные противоречивые начала: реальное и идеальное, субъективное и объективное, сознание и деятельность, материальное и идеальное, дискретное и непрерывное, аффективное и интеллектуальное и др. и обеспечивает их согласованное функционирование, взаимопереходы, взаимодействия, их единство.

Важной задачей для современной психологии выступает прослеживание различных стадий онтогенетического движения субъекта. Учет всех приведенных свойств субъекта при построении возрастной

периодизации необходим, но их конкретная реализация в одной периодизации вряд ли возможна. Поэтому мы пошли по пути выделения стадий психического развития субъекта, которые высвечивают лишь некоторые аспекты многообразного его содержания.

В отечественной возрастной психологии имеется богатый опыт анализа личности в качестве субъекта различных ведущих видов деятельности и в качестве участника социальной ситуации развития на различных этапах онтогенеза в теории Д. Б. Эльконина, в исследованиях А. Н. Леонтьева, Л. И. Божович, Л. А. Венгера, В. С. Мухиной, Д. И. Фельдштейна и др. В зарубежных исследованиях существует более пестрая и красочная палитра самых разных возрастных периодизаций, в которых стадии психического развития выделяются на основе качественной специфики интенций (намерений) личности (Ш. Бюлер), особенностей становления нравственности (Ж. Пиаже, Л. Кольберг), логики движения сексуальности ребенка (З. Фрейд), становления интеллекта (Ж. Пиаже), на основе развития личностных экзистенциальных сил (надежды, верности, заботы) и их роли в психосоциальной адаптации человека (Э. Эриксон) и т. д. Для нас в выделении критериев стадий развития субъекта на первый план выступили параметры субъекта, которые были исследованы в школе С. Л. Рубинштейна.

К этим критериям относятся прежде всего возникновение способности личности отражать мир в качестве познаваемого объекта, степень овладения различными видами деятельности и психической активности (процессов, переживаний), характер связи между личностными структурами и особенностями познавательных процессов, степень психологической дифференциации, особенности взаимосвязи познавательной и аффективной сфер личности и др.

В ходе наших исследований предварительно были выделены следующие основные стадии развития субъекта в онтогенезе.

1. Предсубъектная (от 0 до 1 года). Здесь развитие ребенка характеризуется отсутствием собственно познавательного отношения к окружающему, низкой самодостаточностью, неспособностью самостоятельно осуществить большинство форм поведения и психической активности.

Необходимо подчеркнуть, что предсубъектная стадия развития не означает асубъектности человека на этом этапе. Это лишь условное, предварительное название данного периода в развитии. Так Е. А.

Сергиенко выделяет в младенчестве два уровня развития: 1) уровень первичной субъектности, где уже формируются некоторые интегративные представления (мультирепрезентации) о физическом мире; 2) уровень вторичной субъектности, на котором осуществляется сочленение физического и интерперсонального Я, образование триад «Я – другой человек – объект» [25].

2. Стадия **аморфной субъектности** (от 1 года до 3–4 лет). Основной особенностью этого этапа является осуществление собственной субъектности ребенком через других людей, с их помощью; здесь еще недостаточно развита дифференцированность психологических структур; к завершению этапа происходит выделение себя из окружения, появление собственно познавательного отношения к действительности, а, значит, субъекта как такового. Д. И. Фельдштейн указывает, что «...к 3 годам ребенок завершает первый цикл знакомства с человеческим миром, фиксируя свое новое социальное положение, выделяя свое «Я», осознавая свою «самость», ставя себя в позицию субъекта» [26, с. 130].

3. Стадия **парциальной субъектности** (от 4 до 6 лет), где основным для ребенка становится освоение общественного поступка, общественного способа действия. Дети уже способны к самостоятельному осуществлению отдельных видов деятельности (полностью или частично), овладевают саморегуляцией основных видов физиологических отправлений и некоторых форм психической активности. Реализация различных способов обращения с социальной действительностью и другими людьми осуществляется через игру.

4. Стадия **познавательной субъектности** (от 6 до 12 лет). Интересы ребенка направлены прежде всего на познание окружающего мира и себя в этом мире. Детями в этот период совершенствуются способы познания, активно накапливается информация, сведения о том, что происходило и происходит. В целом словесно-логическое мышление доминирует, субъект осваивает основы некоторых наук, приобщается к познавательной деятельности. Происходит совершенствование различных видов общественного поступка (в школе, в семье, во взаимодействии со сверстниками, в играх и т. д.). Однако еще существует внешнее, формальное, поверхностное присвоение основных видов деятельности и общения. «Я» расплывчатое и размытое, познавательные процессы слиты с личностными характеристиками. Отношения к событиям и людям в целом детерминированы знанием о

них. Собственный психический мир слабо дифференцирован, саморегуляция психической активности осуществляется неосознанно, полуавтоматически.

5. Стадия **противоречивой** субъектности (от 12 до 17 лет). Половое созревание приводит к бурному росту самосознания своей идентичности, собственной принадлежности к определенному полу. Человек начинает становиться субъектом большинства форм телесной активности. Интерес центрирован на собственной мотивационно-потребностной сфере и физиологических изменениях в организме. Возникает понимание своей уникальности, индивидуальности. Период поиска взаимопонимания со сверстниками и конфликтов со взрослыми и товарищами. Неустойчивость эмоционально-аффективной сферы, обусловленная лабильностью физиологии. Начало серьезных обобщений и содержательных абстракций. Психическая организация более структурирована, но недостаточно, отсутствует осознание связей между ее элементами. Познавательный интерес к окружающему сочетается с жадностью знаний о себе. Абстрактное мышление слабо развито, чтобы глубоко понять нравственность, отношения между людьми, собственную психическую организацию. Д. И. Фельдштейн, характеризуя исследуемый возраст, пишет: «Остро протекающий психический перелом обуславливает его исключительную сложность и противоречивость, причем противоречивый характер проявляется не только в физическом и психосексуальном развитии, но и в развитии интеллекта, а также в социальном развитии» [26, с. 169]. В нравственности – начало релятивизма, но сохраняется ориентация и на нравственный реализм, большая согласованность личности и познавательных функций, эмоций. Но отсутствует достаточный контроль и способность управления собственными психическими проявлениями, особенно в нестандартных ситуациях. Относительная самодостаточность и самостоятельность сочетаются с зависимостью от окружения; и ориентацией на других: отсутствие внутренней психологической (в целом духовной) определенности, разноплановость и разнородность психики. Сочетание хорошо освоенных детских форм поведения и психического реагирования с только появляющимися (несовершенными, неглубокими) взрослыми способами деятельности и переживания, которые в основном являются подражательными и имитационными.

6. Стадия **личностной** субъектности (от 17–18 до 25 лет). Нача-

ло приобретения зрелости субъектных характеристик в физиологии, познании, профессии, нравственности. Ориентация на собственное духовное, личностное развитие. Для субъекта на этом этапе первостепенное значение приобретает его сознание (мировоззрение, смысловая система и отношения к труду, другим людям). Актуализация и развитие способностей через достигшее совершенства познание и через пробы себя в практической профессиональной деятельности. Это начало становления субъекта в сексуальных, семейных отношениях. Достижение гармонии между личностью и психическими функциями, их оптимальное согласованное функционирование, их тесная взаимосвязь. Данное согласованное функционирование психических компонентов осуществляется во многом неосознанно, автоматически, без специальных усилий и регуляции со стороны субъекта. Человек как субъект собственной профессиональной деятельности только начинает формироваться, как субъект собственной психической активности достигает апогея, вершины. Отсюда расцвет и совершенство тела и психических функций (памяти, абстрактного мышления, способностей). Достижение внутренней определенности, цельности.

7. Стадия **полноценной** субъектности (от 25 до 50 лет). Несмотря на то, что продолжается начавшееся еще на предшествующем этапе снижение, угасание некоторых психофизиологических функций (зрительной, слуховой, кинестетической чувствительности, невербального интеллекта и т. д.), активно развивается абстрактное, понятийное мышление.

Человек достигает глубокого осознания собственного психического мира, своих возможностей и способностей (высокая психологическая дифференциация). Происходит достижение максимальных результатов в становлении личности как субъекта профессиональной деятельности. По Э. Эриксону, это время высокой продуктивности, созидательности в самых разных областях социальных отношений, а также период развития генеративности – чувства сохранения рода, проявляющегося в повышенном интересе к подрастающему поколению. Производительность и продуктивность выражаются в порождении, плодовитости и творчестве. Застой выступает в качестве антитезы производительности и проявляется в регрессе к предшествующим стадиям [28].

Человек становится полноценным субъектом в профессиональной, семейной, личностной сферах бытия. Развиваются способность к

саморегуляции по отношению к собственным психическим функциям, процессам, потребностям, достижение высоких результатов в познавательном освоении мира.

Часто наблюдаемый кризис «середины жизни» (35–40 лет) может быть охарактеризован в качестве кризиса нереализованной субъектности, который свидетельствует об отсутствии воплощения программы жизненной перспективы. Появляется опыт асубъектного функционирования организма и психических функций (психофизиологические и соматические заболевания). Заболевания иногда связаны с трудностями нового этапа социальной адаптации в 25-летнем возрасте, когда повышаются профессиональные требования к личности, возрастает ответственность за членов семьи.

Страх потери субъектности (асубъектности) не носит систематического характера, эпизодичен, связан с конкретной ситуацией.

8. Стадия **воплощенной** субъектности (от 50 до 60 лет). Здесь личность более определенно начинает рассматривать себя в связи со временем. Часто переживается нереализованность замыслов и жизненной программы. Осуществляются попытки осуществления задуманного, которые при большой интенсивности приводят к психологическим и физиологическим срывам.

Понимание того, что постепенно приближается предел в развитии и воплощении собственного субъектного начала. Успокоение, снижение профессионального развития, дальнейшее угасание психофизиологических функций. Забота о близких, устройство досуга, путешествий, большее внимание решению бытовых проблем, тяга к природе. Происходит достижение наивысших результатов в воспитании подрастающего поколения, благодаря развитию обобщения собственного ментального опыта (мудрости), меньшего внимания к себе и способности к пониманию молодых. Вероятно, достигаются наивысшие результаты в теоретическом освоении мира, социальных и межперсональных отношений.

9. Стадия **угасающей** субъектности (от 60 до 75 лет и старше). Основной особенностью психического функционирования в этот возрастной период выступает снижение субъектных проявлений в самых различных сферах, особенно в осуществлении физиологических функций. Способность же к саморегуляции психических функций остается высокой, например, в 60-летнем возрасте может быть максимальной.

Думы о смерти носят периодический характер, после 75 лет - систематический. Переживание страха асубъектности (смерти) определяется достигнутым социальным положением: при благоприятной реализации субъектности они не носят чрезмерно травмирующего характера.

По Э. Эриксону, здесь личность подводит итоги прожитой жизни, происходит осознание жизненного пути в качестве единого целого, в котором ничего нельзя изменить.

Происходит значительное снижение субъектности в профессиональной и сексуальной сферах. Дифференцированность психологических структур становится менее выраженной, связи между мышлением и личностью более синкретическими, аморфными.

Завершение жизненного цикла личности связано с полной потерей ею качеств индивидуального субъекта, которые, однако, запечатлеваются в сознании и бытии других людей. Указанные стадии развития субъекта в онтогенезе очерчивают лишь наиболее общую линию индивидуального жизненного пути. Выделенные стадии не противоречат предложенным ранее возрастным периодизациям, но, на наш взгляд, более рельефно очерчивают становление именно субъектного начала в человеке.

Стадиальное развитие субъекта позволяет рассматривать его в качестве динамического, развивающегося начала, но не только как определенный уровень развития человека. Субъект является изначально общественным существом, индивидуально воплощающим всеобщие-родовые закономерности движения психики, имеющим (в отличие от животного) свою историю (С. Л. Рубинштейн) и собственный жизненный путь (Б. Г. Ананьев).

Основная направленность развития субъекта в онтогенезе включает в себя линию обретения человеком все большей субъектности, достижения ее апогея, вершины и постепенного угасания до практического уничтожения. Субъектный подход к возрастной периодизации, по нашему мнению, ценен тем, что вскрывает внутреннюю логику жизни человека, показывает естественность угасания не только биологических, анатомических, но и психологических функций личности.

Список литературы

1. Абульханова К. А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997, с. 56–75.
2. Абульханова-Славская К. А. Принцип субъекта в философско-психо-логической концепции С. Л. Рубинштейна // С. Л. Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989, с.10–61.
3. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991.
4. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
5. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977.
6. Барабанщиков В. А. Системно-генетический взгляд на процесс чувственного восприятия // Труды Института психологии РАН. М., 1997. Вып.2, с.23–29.
7. Барабанщиков В. А. К определению понятия когнитивной сферы личности // Индивидуальность в современном мире /Отв. ред. Мажар Н. Е., Селиванов В. В. Смоленск, 1999. Т.1, с. 161–165.
8. Белоус В. В. Интегральная индивидуальность: подходы, факты, перспективы // Психологический журнал, 1996. Т. 17. №1, с. 44–52.
9. Белоус В. В. Принцип многомерности как фактор развития теории интегральной индивидуальности // Психологический журнал, 1999. № 6, с. 113–119.
10. Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
11. Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. Москва–Воронеж, 1996.
12. Брушлинский А. В. Психология субъекта (программа учебного курса). М., 1998.
13. Вяткин Б. А. Творческий путь В.С, Мерлина как процесс создания учения об интегральной индивидуальности // Психологический журнал, 1998. №1, с. 54–61.
14. Дорфман Л. Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и Теоретические проблемы. М., 1993.
15. Дружинин В. Н. Психодиагностика общих способностей. М., 1996.
16. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб., 1999.
17. Знаков В. В. Психология понимания в познании и общении. Дисс.... доктора психол. наук. М., 1995.
18. Климов Е. А. Об образе мира у представителей разнотипных про-

- фессий // Психологическое обозрение, 1995. № 1, с. 26–30.
- 19.Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1981.
- 20.Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- 21.Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986.
- 22.Осницкий А. К. Самосознание и субъектная активность человека // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе. М.:ИПРАН, 1999, с. 117–118.
- 23.Панов В. И. К проблеме субъекта психики в экопсихологии. Там же, с. 178–179.
- 24.Селиванов В. В. Мышление и личность. Смоленск: СГУ, 1998.
- 25.Сергиенко Е. А. Природа субъекта: онтогенетический аспект // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000, с.184–203.
- 26.Фельдштейн Д. И. Психология развивающейся личности. Москва-Воронеж, 1996.
- 27.Шмурак Ю. И. Пренатальная общность // Человек, 1993. № 6, с. 21–37.
- 28.Erikson E. H. The life cycle completed. A review. - New-York - London: W.W. Norton and Company. 1982

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Рубинштейн С. Л. Онтология человеческой жизни.....	5
Брушлинский А. В. К определению субъекта.....	25
Брушлинский А. В. О критериях субъекта.....	41
Абульханова К. А. Рубинштейновская категория субъекта и ее различные методологические значения.....	63
Осницкий А. К. Проблемы исследования субъектной активности.....	79
Абульханова-Славская К. А. Личностная регуляция времени.....	98
Славская А. Н. Роль субъекта в создании и интерпретации авторской концепции.....	115
Сергиенко Е. А. Ранние этапы развития субъекта.....	135
Селиванов В. В. Свойства субъекта и его жизненный цикл.....	161

Позиция № 119
в плане издания
учебной литературы
МГУ на 2007 г.

Мария Николаевна Волкова

ПСИХОЛОГИЯ СУБЪЕКТА

Учебное пособие

Печатается в авторской редакции

11,3 уч.-изд. л.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆

Тираж 150 экз.

Заказ №

Отпечатано в ИПК МГУ им. адм. Г. И. Невельского,
Владивосток, 59, ул. Верхнепортовая, 50а